

Орловский объединенный
государственный литературный
музей И.С. Тургенева

Тургеневское общество в Орле

ТУРГЕНЕВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

2008–2009 года

Орел 2010 г.

ОРЛОВСКИЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ И.С. ТУРГЕНЕВА

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО В ОРЛЕ

**ТУРГЕНЕВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2008–2009 года**

ОРЕЛ 2010

ББК 83.3 Р

Т 87

Т 87 Тургеневский ежегодник 2008–2009 года/Сост и ред. Л. В. Дмитриухина, Л. А. Балькова. – Орел: Издатель Александр Воробьев, 2010 – 268 с.

Составители и редакторы
Л.А. Балькова, Л.В. Дмитриухина

Компьютерный набор
А. А. Шевченко

В сборнике использованы иллюстрации из фондов Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева.

© ОГУК Орловский объединённый
государственный литературный музей
И.С. Тургенева, 2010.
© Издатель Александр Воробьев, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Венок Тургеневу

<i>Лесков Н. С.</i> Тургеневский бережок: Письмо в редакцию	7
<i>Фет А. А.</i> Ответ Тургеневу.....	8
<i>Бунин И. А.</i> Жизнь Арсеньева (отрывок).....	10
<i>Зайцев Б. К.</i> Жизнь Тургенева. Шестидесятые годы. (Глава из романа).....	12
<i>Новиков И. А.</i> «Записки охотника».....	16
<i>Андреев Д. Л.</i> Миссии и судьбы. (Из книги «Роза мира»).....	17
<i>Дронников В. П.</i> В Спасских аллеях свежо	23
<i>Попов Г. А.</i> Дворянское гнездо в Орле	24
<i>Ермаков В. А.</i> Иван Тургенев: Гений места	24

Научные исследования и сообщения

<i>Генералова Н. П.</i> Об одной шекспировской цитате у И. С.Тургенева.....	31
<i>Саррина М. Я.</i> Гоголь и Гете в творческом диалоге И. С.Тургенева и А. А. Григорьева (1845–1850)	58
<i>Лукина В. А.</i> Жюль Жанен в семейной переписке И. С. и В. П. Тургеневых.....	76
<i>Звигильский А.</i> И. С. Тургенев и Марко Вовчок	89
<i>Балькова Л. А.</i> И. С. Тургенев и Надежда Шеншина: Биографический контекст повести «Затишье» (1854).....	97
<i>Мельник Е. Г.</i> Евпраксия. К прообразу Лукерьи в рассказе «Живые мощи».....	108
<i>Павлова Г. Н.</i> А.М. Путинцев: К истории описания мемориальной библиотеки И. С. Тургенева.....	112

Вокруг Тургеневской энциклопедии

<i>Проц Е. В.</i> И. С. Тургенев и актеры Александринского театра (окончание).....	123
<i>Александрова Л. М.</i> Тургенев и власть.....	132

Жидкова С. Л. Тургенев и авторы XVIII века (по материалам мемориальной библиотеки писателя)	146
---	-----

По Тургеневским местам

Волчихина В. П. К истории Спасской богадельни	157
Козеева Е. А. Сосед Тургенева из Ветрова.....	164

Наши публикации

Иванова (Преснова) Л. Н. Однажды раннею весной. Страницы жизни И. С. Тургенева: Пьеса в 2-х действиях – 6 картинах	169
---	-----

К 90-летию музея

Дмитрюхина Л.В. Музейный калейдоскоп	197
Молозева А. Т. Каталог юбилейной выставки, посвященной 190-летию со дня рождения И.С.Тургенева	202
Векуа Е. В. Последний дневник Тургенева: Сценарий литературно-музыкальной композиции в сопровождении Духовного хора	215
Мазина Е. В. Лесковский сюжет в истории музея И.С.Тургенева.....	224
Кирилловская Н. М. Музей собирает друзей	235

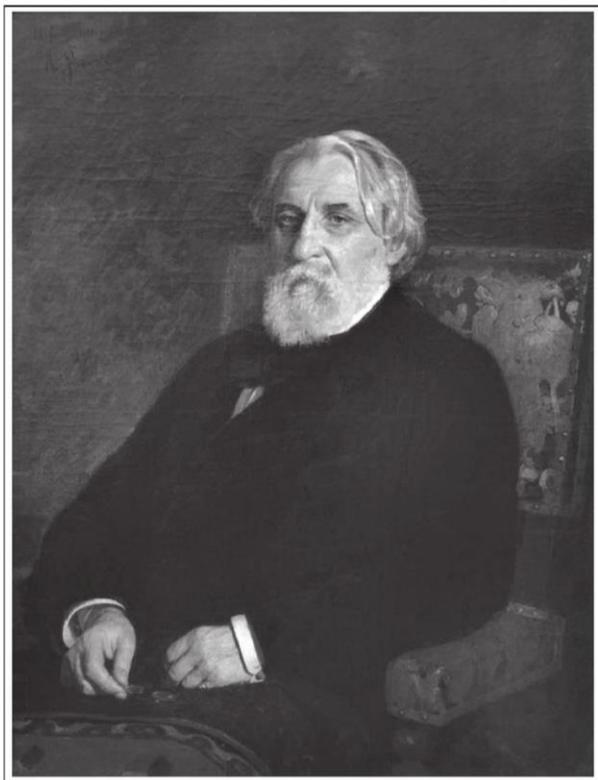
Литературная гостиная

Губенков А. Русский язык богат и могуч	253
Еремин Ю. Стихи	256
Бушунов А. Стихи	259
Бэньши Габриах. Стихи	260
Ермаков В. Промотававшиеся отцы и обманутые дети.....	262

Венок Тургеневу

*И. С. Тургенев.
С портрета И. Е. Репина. 1874 г.*

ТУРГЕНЕВСКИЙ БЕРЕЖОК.¹

/Письмо в редакцию/

В виду высказанных в Орле затруднений с выбором места для памятника о Тургеневе, я прошу редакцию «Орловского Вестника», дать место нижеследующим моим строкам.

В Орле в начале пятидесятых годов доживала жизнь состоятельная, одинокая старушка, по фамилии Беликова. Имени ее теперь не помню. Кажется, она была из купеческого рода, но она была почему-то близка с Варварою Петровною Тургеневою. /Кажется, у них были ранее дела/.

У этой Беликовой в молодости ее был ребенок, мальчик, который умер еще маленьким, но мать о нем всю жизнь грустила и любила рассказывать, как он «наглотался холодного ветра и умер». По ее словам, это было весною 1819 года, когда у рассказчицы и у Варвары Петровны были «новорожденные». Тогда была «недружная весна»: снега не вдруг сходили и грунтовые дороги не скоро поправлялись, а через это дворяне, за бездорожьем, запоздали переезжать в деревни. У Беликовой же в это время новорожденный сын «слаб был», а Варвара Петровна сказала ей:

– Это от того, что вы своих детей все в тепле томите да кутаете, оттого они у вас и рыхлы. Посылай его в красные дни на воздух – пусть свежим воздухом дышет. Я своего маленького всякий день в публичный сад посылаю: он там и спит в колясочке, – и посмотри, какой здоровый».

Беликова посмотрела, что ребенок у Варвары Петровны бодрый и здоровый, и решила последовать ее примеру детского воспитания: устроила для своего сына «тележку» и послала его с нянкою в публичный сад, наказав ей, чтобы сидела там, где Тургеневское дитя. А с Тургеневским дитем, которое помещалось в колясочке, всегда были мамка и «мамзель для присмотра».

«Я, – говорила Беликова, – и покойна была, что при мамзели все хорошо будет, а от нее-то и вышло несчастье: она облюбила себе место сидеть в публичном саду на последней дорожке, над самой Окою, на

бережку. Сядет тут и сидит, и книжку читает, на сколько времени им назначено дышать чистым воздухом; а их мамка с моей нянькой разговоры заведут, и никто не замечает, как дети во сне размочутся, или проснутся и холодного ветра наглотаются. Так мое дитя от этого и погубло, а Варвары Петровны сын все на своем бережку грелся, и ничего ему не было».

Разказ этот я не имею никакой причины подозревать в недостоверности и сообщаю его из желания указать в г. Орле на такое место, с которым приведенный разказ соединяет довольно поэтическое воспоминание – о первой весне нашего великаго писателя и о его сне в подвижной колыбели на обрыве над Окою. Отсюда знаменитое дитя впервые окидывало своими глазами небо и землю. И может быть здесь же было-бы хорошо поместить памятный знак с обозначением, что в Орле увидел свет Тургенев, пробуждавший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославлявший свою родину доброю славою во всем образованном мире.

Во всяком случае, я желаю обратить внимание орловскаго общества на этот «Тургеневский бережок».

Николай Лесков.

23 августа 93. С.-П.-бург. Фурштадская, 50.

Примечания.

1. Опубликовано в газете «Орловский Вестник», №228, 26 авг. 1893. Сохранена орфография и пунктуация подлинника.

Афанасий Фет

ОТВЕТ ТУРГЕНЕВУ

*Поэт! ты хочешь знать, за что такой любовью
Мы любим родину с тобой?
Зачем в разлуке с ней, наперекор злословью,
Готово сердце в нас истечь до капли кровью
По красоте ее родной?*

*Что ж! пусть весна у нас позднее и короче,
Но вот дождались наконец:
Синей, мечтательней божественные очи,
И раздражительней немеркнувшие ночи,
И зеленей ее венец.*

*Вчера я шел в ночи и помню очертанье
Багряно-золотистых туч.
Не мог я разгадать: то яркое сиянье –
Вечерней ли зари последнее прощанье
Иль утра пламенного луч?*

*Как будто среди дня, замолкнувши мгновенно,
Столица севера спала,
Под обаяньем сна горда и неизменна,
И над громадой ночь, бледна и вдохновенна,
Как ясновидящая шла.*

*Не верилось мне, а взоры различали,
Скользя по ясной синеве,
Чьи корабли вдали на рейде отдыхали,-
А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве.*

*Заняла грудь моя – но в думах окрыленных
С тобой мы встретились, друг!
О, верь, что никогда в объятьях раскаленных
Не мог таких ночей, вполне разоблаченных,
Лелеять сладострастный юг!*

1856

ТУРГЕНЕВУ

*Прошла зима, затихла вьюга, –
Давно тебе, любовник юга,
Готовим тучного тельца;
В снегу, в колючих искрах пыли
В тебе мы друга не забыли
И заждались обнять певца.*

*Ты наш. Напрасно утром рано
Ты будишь стражей Ватикана,
Вот за решетку ты шагнул,*

*Вот улыбнулись антики,
И долго слышат мозаики
Твоих шагов бегущий гул.*

*Ты наш. Чужда и молчалива
Перед тобой стоит олива
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грезы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.*

*Там все тебя встречает другом:
Черней бразда бежит за плугом,
Там бархат степи зеленой,
И, верно, чуя, что просторней, –
Смелей, и слаще, и задорней
Весенний свищет соловей.*

Начало 1858 г.

Иван Бунин

ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА

(отрывок)

Те весенние дни моих первых скитаний были последними днями моего юношеского иночества.

В первый день в Орле я проснулся еще тем, каким был в пути, - одиноким, свободным, спокойным, чужим гостинице, городу, - и в необычный для города час: едва стало светать. Но на другой уже поздней – как все. Заботливо одевался, гляделся в зеркало... Вчера, в редакции, я уже со смущением чувствовал свой цыганский загар, обветренную худобу лица, запущенные волосы. Нужно было привести себя в приличный вид, благо обстоятельства мои вчера неожиданно улучшились: я получил предложение не только сотрудничать, но и взять аванс, который и взял, – горячо покраснел, но взял. И вот я отправился на главную улицу, зашел в табачный магазин, где купил коробку дорогих папирос, потом в парикмахерскую, откуда вышел с красиво уменьшившейся пахучей головой и с той особенной муж-

ской бодростью, с которой всегда выходишь из парикмахерской. Хотелось тотчас же идти опять в редакцию, поскорее продолжить всю ту праздничность новых впечатлений, которыми так щедро одарила меня судьба вчера. Но идти немедленно было никак нельзя: «Как, он опять пришел? И опять с утра?!». Я пошел по городу. Сперва, как вчера, вниз по Болховской, с Болховской по Московской, длинной торговой улице, ведущей на вокзал, шел по ней, пока она, за какими-то запыленными триумфальными воротами, не стала пустынной и бедной, свернул с нее в еще более бедную Пушкарную Слободу, оттуда вернулся опять на Московскую. Когда же спустился с Московской к Орлику, перешел старый деревянный мост, дрожавший и гудевший от едущих, и поднялся к присутственным местам, по всем церквям трезвонили, и вдоль бульвара, навстречу мне, на паре больших вороных, шедших споро, но мерно, в достойной противоположности с этим трезвонном, прокатил в карете архиерей, благостным мановением руки осенявший влево и вправо всех встречающих.

В редакции было опятьлюдно, бодро работала за своим большим столом маленькая Авилова, только ласково улыбнувшись мне и тотчас опять склонившаяся к столу. Завтрак был опять долгий, веселый, после завтрака я слушал, как Лика бурно играла на рояли, потом качался с ней и с Оболенской на качелях в саду. После чая Авилова показывала мне дом, водила по всем комнатам. В спальне я увидел на стене портрет – из рамы недовольно смотрел кто-то волосатый, в очках, с костлявыми широкими плечами. «Мой покойный муж», - вскользь сказала Авилова, и я слегка оторопел: так был поражен нелепостью соединения во что-то одно этого чахоточного с живой, хорошенькой женщиной, вдруг назвавшей его своим мужем. Потом она опять села за работу, Лика нарядилась, сказала нам, - тем своим языком, некоторые особенности которого я уже заметил, с неловкостью для нее: «Ну, дети мои, я исчезаю!» - и куда-то ушла, а мы с Оболенской пошли по ее делам. Она предложила мне пойти с ней на Карачевскую, сказала, что ей нужно зайти там к белошвейке, и мне стало приятно от той близости, которую она вдруг установила между нами этим интимным предложением. С тем же чувством шел я возле нее и по городу, слушал ее точный голос; у белошвейки с особенным удовольствием терпения стоял и ждал, пока она кончит свои переговоры и совещания. Когда мы опять вышли на Карачевскую, уже вечерело. «Вы любите Тургенева?» - спросила она. Я замялся, - потому, что я родился и вырос в деревне, мне всегда задава-

ли этот вопрос, непременно предполагая во мне любовь к Тургеневу. – «Ну, все равно, - сказала она, - это будет все-таки вам интересно. Тут недалеко есть усадьба, которая будто бы описана в “Дворянском гнезде”. Хотите посмотреть?» И мы пошли куда-то на окраину города, в глухую, потонувшую в садах улицу, где на обрыве над Орликом, в старом саду, осыпанном мелкой апрельской зеленью, серел давно необитаемый дом с полуразвалившимися трубами, в которых уже вили гнезда галки. Мы постояли, посмотрели на него через низкую ограду, сквозь этот еще редкий сад, узорчатый на чистом закатном небе... Лиза, Лаврецкий, Лемм... И мне страстно захотелось любви.

Вечером мы все были в городском саду, в летнем театре, - я сидел в полутьме рядом с Ликой, дружно наслаждаясь с ней всей той шумной глупостью, что шла и в оркестре и на сцене, на какой-то снизу освещенной площади, где, подхватывая плясовые грохоты музыки, топали в пол и стучались пустыми оловянными кружками хорошенькие горожанки и королевские латники, а после театра тут же в саду, ужинали, я сидел на просторной и людной террасе, за бутылкой вина во льду, с дамами.

Борис Зайцев

ЖИЗНЬ ТУРГЕНЕВА. ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

(Глава из романа)

... Тургенева всегда раздражала неустроенность и «отсталость» России – деспотическое правительство, крепостное право. С ранних лет стал он западником. Преклонился перед более культурным государственным устройством, перед большей свободой общества. Настолько преклонился, что иной раз недалеко оказывался от заурядного либерала. Величайшей глубины России – ее религии – почти не чувствовал. Вернее, разумом не признавал: некий «Вестник Европы» заслонял ему ее (а сердце, по временам, давало удивительные образы Святой Руси). Он Гоголя мало знал лично. Литературно ценил его высоко, но при близком знакомстве, конечно, разошелся бы. Славянофилов всегда не любил. Но с Аксаковым-патриархом находился в добрых отношениях – правда, больше из-за охоты. Собирался сблизиться с Константином Аксаковым в пятидесятых годах, да не вышло. Вера Сергеевна Аксакова записала о Тургеневе,

навещавшем их в Абрамцево, тяжелые вещи: он казался ей не духовным, лишь слегка склонным к «душевности». Человеком ощущений, утопающим в гастрономии. По ее взгляду, он и художество чувствовал физически – вроде вкусного блюда. Духовное же шло мимо.

В семье Аксаковых была теплота, свет, связанные с их глубоко-христианским складом. Тургенев несколько иной – прохладней, это верно. Сойтись они не могли. Но Вера Сергеевна не права, отрицая в нем запредельный порыв. Только мистика его не православна. Магическое, таинственно-колдовское наиболее его влекло.

Из-за «разумного» своего западничества разошелся Тургенев со многими писателями, крупнейшими: Толстым, Достоевским, Тютчевым, Фетом, даже с Герценом (не считая славянофилов). Тут оказался упорен, последователен: как западная Виардо прошла через всю его сердечную жизнь, так тепловатый либерализм не оставил его ума. Он признавал очень правильные и разумные вещи: гуманность, просвещение, свободу, «дельных» и «честных» людей, «надо работать», все потугинские благонамеренные рассуждения, вплоть до пользы железных дорог и необходимости реформ. Но не этим истинно себя украсил.

Время шло. Выигрывала ставка Тургенева: наступили шестидесятые годы, сменялось царствие императора Николая более мягким – Александра II. Готовилось освобождение крестьян, судебные реформы. Стали появляться и имели успех люди, возросшие на Французской революции и европейском позитивизме. «Дворянское гнездо» уходило. Нельзя было его задерживать. Жизнь надвигалась, двулика и трагическая. Одной рукой руша рабство, давая справедливый суд, отменяя шпицрутены – другой, внося яд мелких идей, создавая ничтожества, улицу, шумно лезшую в литературу. Шестидесятые годы! Молодость наших отцов, «время великих реформ» - и оплевания Пушкина, непонимания Толстого, Фета, Достоевского, время торжествующего нигилизма, Базаровых, «Бесов», Нечаева.

Странно отозвались шестидесятые годы на судьбе Тургенева. Ему хотелось отвечать времени. Толстой и Достоевский шли наперекор, и одолели. Тургенев более поддавался, да как раз этих времен и ждал, правда, в более мягком облике (как мы революцию). Дождался его же и задушивших. Частью и талант свой направил на трудные, художественно невыгодные пути. Получил здесь шумную славу и великие поношения.

Первый его «общественный» роман – «Накануне», вещь с большими поэтическими достоинствами и некоей зажигаемостью. «Тургеневская» девушка выходит, наконец, из «гнезда», бросает дом, родителей и, увлеченная борцом за освобождение родины, отдается подвигу.

Тургенев попал здесь в точку: не одна провинциальная девица, сходясь с каким-нибудь нигилистом, воображала себя Еленой. Роман вызвал одобрение одной части публики (молодежь, интеллигенция), недовольство другой. Из светских друзей Тургенева графиня Ламберт так порицала произведение, что автор собирался рвать рукопись.

Главные огорчения ждали его, однако, не справа, от графини, а слева, от критики. Тургенев «природно» не нравился новой породе в литературе – маленьким бесталанным Белинским. Удивительное дело: они появились в том самом «Современнике», который Тургенев и создавал. За двенадцать лет «Современник» занял в литературе место крупное. Его редактором был Некрасов – замечательный, высокоталантливый плебей из дворян, Некрасов острый и умный, оборотистый и темный, пронзительный и двусмысленный, почти гениальный в народной сути своей, порочный, но рыдательный, проживший нечистую жизнь, глубоко страдавший, ловивший момент и невыигравший, поэт, журналист, делец, человек которого первые люди времени называли «мерзавцем» - и автор «Власа», «Рыцаря на час»... Нет в русской литературе фигуры, более дающей облик славы и падения, возношения и презренья.

Тургенев долго был с ним приятелем, на «ты», писал ему вещи интимные. Шестидесятые годы развеяли их. Развело «Накануне» - будто бы внешне, но истинная причина глубже. Некрасов вполне объединился с «семинарами», Тургенев навсегда остался художником-бариним. Тургенев любил Фета, выдвигал Тютчева – тончайшие блюда поэзии. От некрасовских стихов отзывало для него тиной, «как от леща или карпа». В зрелом развитии эти два человека не могли быть вместе.

И не зря пришло «внешнее» (то, что «Накануне» со всею своею зажигаемостью оказалось не в «Современнике», где писали Чернышевский и Добролюбов, а в «Русском вестнике» у Каткова). Новых людей, «разночинцев», весьма лево устремленных, не мог не раздражать Тургенев своею барственностью, громадной просвещенностью, избалованностью, красноречием, французским языком салонов

XVIII века, изяществом одежды, гастрономией, легким пришепетыванием – может быть, небрежной снисходительностью иногда, тоном «сверху вниз». А его задевало плебейство их, невоспитанность, грязные ногти, самоуверенность, иногда прямо наглость. (Добролюбов – один из наиболее порядочных среди них – мог позволить себе фразу: «Иван Сергеевич, мне скучно говорить с вами, и перестанем говорить», - встал и перешел на другую сторону комнаты.)

«Накануне» появилось в январской книжке «Русского вестника» 1860 года – и тотчас начался обстрел в «Современнике». В мартовском номере статья Добролюбова, где утверждалось, что Тургеневу не хватает таланта для такой темы и вообще нет «ясного понимания вещей». В апрельской насмешки над только что появившеюся «Первою любовью». (Чернышевский же упрекал Тургенева в том, что в угоду богатым и влиятельным друзьям он окарикатурировал Бакунина в «Рудине».)

Нравы юмористики того времени не высоки. В «Искре» Курочкин писал: «Людская пошлость заявляет, что в следующем году она будет угощать почтеннейшую публику – Фетом, балетом, паштетом и вновь – Бертами, Минами, Фринами». «Свисток» (юмористический отдел «Современника») глумился над жизнью Тургенева. Первый русский писатель переживал самые черные времена сердца, а некрасовские «писатели» смеялись над тем, что он «следует в хвосте странствующей певицы» и «устраивает ей овалы на подмостках провинциальных театров за границей». К концу года они так осмелели, что в объявлении о подписке на «Современник» 1861 года заявили, что отказываются от сотрудничества автора «Записок охотника», ибо «расходятся с ним в убеждениях» (Некрасов только что заманивал его к себе, предлагал большие деньги за роман и т.п.!) И это лишь начало. Тургеневу предстояло пройти сквозь строй: в 61-м году он окончил «Отцов и детей». На следующий год роман появился в том же «Русском вестнике».

В тургеневской литературной жизни ничего не было равного «Отцам и детям» по шуму. «Тихий» Тургенев оказался вполне на базаре. Причины тому ясны. В романе клубилась, кипела современность. Отойдя от недр своих, питавших в нем поэта, Тургенев попробовал изобразить «героя нашего времени» внешне. Лермонтов не то чтобы писал Печорина, Печорин сам всплывал из него. Тургенев дал Базарова «со стороны», точный, верный и умный портрет. Но сердце его не могло быть с первым в нашей литературе большевиком.

Не было и великого гнева Достоевского. Тургеневу просто хотелось быть справедливым и наблюдательным. Он отнесся к Базарову как ученый – глубины Тургенева этот Базаров, нигилист и отрицатель, никак не задевал.

Роман получился замечательный, но без обаяния. В нем новый человек показан ярко (хотя и смягченно)... и ни тепло от него, ни холодно. Вернее – прохладно, хотя Базаров умирает и очень трогательно, самая смерть его волновала автора.

Поднялись вопли. Молодежь обиделась. Разные гейдельбергские студенты собирали собрания, автора судили, выносили резолюции, писали ругательные письма. «Современник» был в восторге, что можно лишней раз лягнуть. Некий Антонович «тиснул» статью «Асмодей нашего времени» - с бранью на Тургенева.

Автор страдал, пытался что-то объяснить, но ничего, конечно, изменить не мог: не подходил он к людям, наполнявшим своим шумом, нигилизмами, «эмансипациями» преддверие освобождения крестьян. В некотором роде он их взращивал. Теперь грызли его они же. Они же и отвлекали от влажного, женственного в литературе – истинно-тургеневской стихии.

Иван Новиков

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»

*Из многих книг – сейчас одна:
Ее дыханию внимаю,
Она ясна, чиста до дна,
А глуби – сердцем понимаю.*

*В таком же, как и наш, лесу
Бродил с ружьем он за плечами,
Просторов русских тил красу
И днем, и звездными ночами.*

*Исполнен думою одной,
Одним желаньем, вечно юным,
Хотел он видеть край родной –
Свободным, светлым, неугрюмым.*

*Он слышал мерный ход времен,
Судьбы народной видел сдвиги,
И сочетанием имен –
Сократ и Хорь – свергал вериги.*

*Какая четкость мастерства!
И мысль, и солнечные блики
Блещут, как в росе листва:
Мир и простой, и многоликий.*

*Природы трепетной черты,
И глаз задумчивых сиянье:
Какое здесь и красоты,
И правды верное слиянье!*

*Село Покров,
Калужской области
1952.*

Даниил Андреев

МИССИИ И СУДЬБЫ' (Из книги «Роза мира»)

Есть в истории русской культуры особенность, которая, будучи один раз подмечена, поражает сознание и становится предметом тягостного раздумья.

При ознакомлении с античностью бросается в глаза наличие в греческой мифологии разнообразнейших и весьма напряженных выражений Женственного Начала. Без Афины, Артемиды, Афродиты, Деметры, без девяти муз, без множества богинь и полубогинь меньшего значения олимпийский миф совершенно невыносим. Так же невыносим героико-человеческий план греческой мифологии без Елены, Андромахи, Пенелопы, Антигоны, Федры.

Нельзя себе представить духовного мира древних германцев без Фрейи, Фригги, без валькирий, а их героического эпоса – без образов Брунгильды, Гудруны, Кримгильды.

Ни в одной культуре женщина и Женственное не занимают в пантеоне, мифологии и эпосе, а позднее – во всех видах искусства столь огромного места, как в индийской. Богиня Сарасвати и богиня Лакшми царят на высочайших тронах. Позднее, но уже в течении двух тысяч лет брахманизм и индуизм воздвигают тысячи храмов, ваяют миллионы статуй Великой Матери миров – Кали-Дурги, зжидательницы и разрушительницы вселенной. Живопись, поэзия, скульптура, драматургия, танец, философия, богословие, культ, фольклор, даже быт – все в Индии насыщено переживаниями Женственного Начала: то жгучими, то нежными, то строгими.

Не только пантеону – и эпосу каждого народа знакомы, в большей или меньшей степени, образы женственного, народом излюбленные и переносимые художниками из сказания в сказание, из искусства в искусство, из века в век.

Что же мы видим в России?

На самой ранней, дохристианской стадии, в бледном восточнославянском пантеоне – ни одного женского имени, сравнимого по вызываемому ими почитанию Ярилой или Перуном.

В христианском пантеоне – полностью перенесенный к нам из Византии культ Богоматери и поклонение нескольким – византийским же – угодницам.

Народные легенды о св. Февронии Муромской вызывают только чувство тягостного разочарования у всякого, кто раньше познакомился с этим образом через его вариант в опере-мистерии Римского-Корсакова.

Образ Ярославны едва намечен в «Слове о полку Игореве»; в продолжении шестисот лет – ни сказка, ни изобразительные искусства, ни поэзия даже не пытались дать более углубленного, более разработанного варианта этого образа. Приближалось к концу седьмое столетие после создания гениальной поэмы, когда, наконец, образ Ярославны зазвучал по-новому в опере Бородина.

Весь колоссальный круг былин, и киевских, и новгородских, лишен женских образов почти совершенно.

Если не считать занесенную Бог ведает откуда легенду об Амуре и Психее, превратившуюся у нас в сказку об Аленьком Цветочке, – во всем необозримом море русских сказок можно найти, кажется,

только один светлый женский образ с углубленным содержанием: Василису Премудрую.

И такая пустыня длится не век, не два, но тысячу лет, вплоть до XIX столетия.

И вдруг – Татьяна Ларина. Следом за ней – Людмила Глинки. И – точно некий Аарон ударил чудотворным жезлом по мертвой скале: поток изумительных образов, один глубже других, поэтичнее, героичнее, трогательнее, пленительнее: Лиза Калитина, Елена из «Накануне», Ася, Зинаида, Лукерья из «Живых мощей», княжна Марья Болконская, Наташа Ростова, Грушенька Светлова, Марья Тимофеевна Лебядкина, Лиза Хохлакова, Волконская и Трубецкая – Некрасова, Катерина – Островского, Марфа – Мусоргского, мать Манефа и Флёнушка – Мельникова-Печерского, бабушка в «Обрыве» Гончарова, бабушка в «Детстве» Горького, «Дама с собачкой», «Три сестры» и «Чайка» Чехова, «Олеся» Куприна, и, наконец, Прекрасная Дама – Блока. <...>

История вестничества в русской литературе – это цепь трагедий, цепь недовершенных миссий.

*Темен жребий русского поэта.
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского – на эшафот.*

(М. Волошин)

<...> И в этом ряду особое значение имеет деятельность великого писателя, обладавшего высшей степенью художественной одаренности: Тургенева.

Конечно, тургеневские образы «лишних людей» очень жизненны и очень интересны для историка. Но только для историка. Материала, привлекательного для психолога, в фигурах Рудина, Лаврецкого или Литвинова, на мой взгляд, не заключено, а интереса метаисторического никто из них не возбуждает потому, что не выражает и не отражает ни метаисторических сущностей, ни метаисторических процессов. Симптоматичнее других, разумеется, фигура Базарова, но огромное метаисторическое значение тургеневского творчества все же совсем в ином.

Миссия Тургенева заключалась в создании галереи женских образов <...>

То ли вследствие своеобразной, ущербной личной судьбы, а может быть – и в связи с какими-то более глубокими, врожденными свойствами темперамента своего и дарования, Тургенев более чем кто-либо из писателей его поколения понимал и любил любовь в ее начальной поре: он – гениальный поэт «первых свиданий» и «первых объяснений». Дальнейший ход событий ведет каждый раз к катастрофе, причем совершается эта катастрофа еще до того, как судьбы любящих соединялись. Может быть, тут сказалось и известное предубеждение писателей предыдущих эпох, полагавших, будто «счастливая любовь» - тема бессюжетная и неблагодарная. Но правильнее, кажется, усмотреть в этой особенности тургеневских романов и повестей отражение определенного жизненного опыта: материала для иного развития любовного сюжета опыт Тургеневу не дал.

И все же он попытался преодолеть эту свою ущербность. Одна из чудеснейших его героинь, Елена, соединяется, как известно, с Инсаровым, становится спутницей его по всем излучинам пути и соучастницей его жизненного подвига. Но, наметив таким образом выход из ущербного круга, Тургенев не смог найти в запасе своих жизненных впечатлений такого материала, который позволил бы ему этот сюжет разработать и облечь в художественную плоть и кровь. Даже более: уже соединив обоих героев в их общем жизненном деле, Тургенев поддался свойственной ему любовной меланхолии и заставил Инсарова умереть, а Елену – в одиночестве продолжать начатое дело мужа. Да и особенности тургеневской эстетики любви продолжали сказываться: по-видимому, его особенной, художественной любовью пользовались именно те коллизии, и только те, где звучала неприменная нота печали, надлома, разрыва между мечтой и действительностью, - щемящая мелодия грусти о непоправимом. Другие коллизии, очевидно, казались ему недостаточно красивыми. <...>

И все-таки Елена – первый образ русской женщины, вырывающейся из вековой замкнутости женской судьбы, из узкой предопределенности ее обычаем и уходящей в то, что считалось до тех пор уделом только мужчины: в общественную борьбу, на простор

социального действия. Женственно-героическая линия, та линия Навны², у истоков которой на заре русской культуры возвышается монументальная фигура княгини Ольги, позднее – Марфы Посадницы и боярыни Морозовой, а в эпоху, предшествовавшую Тургеневу, - фигуры жен декабристов, - эта линия поднялась в образе Елены на новый уровень и нашла впервые свое художественное воплощение.

Сколько ни писали у нас – от Писарева до последнего гимназиста – о тургеневских женских характерах, а мне все кажется, что характер Лизы Калитиной до сих пор не оценен по заслугам. Это естественно. Недооценен он потому, что наиболее влиятельная критика, публицистика и литературоведение сто лет находилась в руках именно тех, кто сетовал на отход Гоголя от художественной литературы в область религиозно-нравственной проповеди, кто возмущался подобными же стремлениями Толстого, кто высмеивал каждого писателя, желавшего показать своим творчеством или доказать образом своей жизни, что религиозная жажда в человечестве совсем не угасла. Не только уход в монастырь, но самая идея монастыря была в глазах русской критики и общественности идеей реакционной, порочной в самой своей основе. Все столетие, протекшее с 1855 года, шло под знаком развенчания и ниспровержения самодовлеюще-религиозных идеалов. Даже мыслители-мистики, как Мережковский, не смели подойти к идее монастыря хотя бы под таким углом зрения ее оправданности на определенных стадиях религиозно-культурного развития личности или народа. Можно было подумать, что глубоко верующие люди (а ведь Лиза принадлежала к их числу) уходят в монастыри, ничего не взвесив, не сообразив, не разобравшись в самих себе, и ради какого-то нелепого каприза бросают свою молодую жизнь в некую черную дыру. То есть совершают нечто вроде духовного самоубийства, и только потому, что им не посчастливилось встретиться с такими прогрессивными, высококультурными людьми, как мы: трезвый голос, бодрый призыв со стороны, уж конечно, предохранил бы заблуждающихся от рокового шага. Как будто драма, разыгравшаяся в жизни Лизы, не ударила по заветнейшему, нежнейшему, что она носила в себе: по ее религиозной совести. Столкновение произошло между этой совестью и любовью,

- а любить Лиза могла в жизни лишь раз (она – образец характеров-однолюбов), и любовь для нее была столь же священна, как ее понятия о добре и правде. Она поняла, и поняла совершенно правильно, что для нее, для человека такой совести и такой любви, развязать этот узел в условиях нашего человеческого мира невозможно. Ни один мудрец не придумает другого выхода из положения, если только пожелает видеть Лизу такой, какой она была у Тургенева, а не такой, какой ему хочется. А если развязать узел – непредставимо как – можно будет только в другом мире, то что же может наполнить и осмыслить остающиеся годы жизни в Энрофе³, как не подготовка и не очищение себя ради достойного перехода в тот мир, где будут развязываться сложнейшие узлы, завязанные здесь? А если так, то какой же путь, если не иноческий, тверже и прямей всех, прямее и вернее всех ведет к этому очищению? – Правда, впрочем, и то, что растолковать это людям, возмущавшимся Лизой совершенно так же, как возмущаются они Гоголем и Толстым, - невозможно. Что знают они о том, чего могло бы достигнуть это чистейшее сердце за те сорок или пятьдесят лет, которые ему предстояло биться под рясой монахини? Может быть, таких же безусловных плодов святости, каких достигли великие подвижники и подвижницы, пользующиеся всенародным признанием!.. – Вот уж кого Тургеневу в его смерти не пришлось спасать и досоздавать, так это Лизу Калитину. Пожалуй, даже получилось обратное, и немало грехов сняла Лиза с Ивана Сергеевича после его смерти.

Но еще значительнее другой образ, с которым мы знакомимся по художественному воссозданию его Тургеневым; значительнее, между прочим, и потому, что в нем он поведал не о вступлении русской женской души на путь к праведности, но о праведности как таковой, уже достигнутой и земную дорогу завершающей. Это – Лукерья из потрясающего очерка «Живые мощи» - одной из жемчужин русской литературы. Что о нем сказать? В нем всякое слово полно углубленного смысла; не комментировать, а только вчитываться да вчитываться надо в этот шедевр. Здесь Тургеневым преодолено все: и собственная ущербность, и литературные предрассудки, и воинствующе-мирской дух эпохи, и его не вполне правая (потому что односторонне-страстная) любовь к молодости, и его

вечный страх перед недугами и смертью. Как известно, Лукерья не была чисто творческим тургеневским образом: в «Живых мощах» зарисована, много лет спустя, встреча писателя с бывшей крепостной его матери. Может быть, он и сам не понимал до конца, какая глубина таится в немудреных словах Лукерьи, им добросовестно воспроизведенных. Сомнительно, чтобы он сам верил в то, что Лукерья уже «искупила свои грехи» и начинает искупать грехи своих близких. Трудно допустить также мысль, будто он понял символику – не символику, точнее говоря, а мистическую реальность знойной нивы, которую жнет Лукерья в своем «сне», серпа, становящегося серпом лунным на ее волосах, и жениха – Васю, нет, не Васю, а Иисуса Христа, приближающегося к ней поверх колосьев. Это из тех образов, попробовать истолковать которые – значит снижать их; на них, как выражается сам Тургенев, «можно только указать – и пройти мимо».

Во всяком случае, женских образов этого плана и этого уровня Россия до сих пор создала лишь два: деву Февронию и Лукерью.

Примечания.

1. Печатается по изданию: Андреев Д. Роза мира: Метафилософия истории. М.: Руссико, 1991. С.191-193.

2. Навна – условное имя: Идеальная Соборная Душа Российской метакультуры.

3. Энроф – понятие, равнозначное нашей современной астрономической вселенной.

Виктор Дронников

* * *

*В спасских аллеях свежо.
В чистые дни золотые
Грустно и как хорошо
Липы шумят вековые.
В шуме высоких деревьев
Чудится, будто я слышу:
Крепнет далекий напев
Все различимей и ближе.
Голос идет с высоты,*

*Сколько в нем чувства и муки.
Липы шумят, и чисты
В Спасском и мысли и звуки.*

Геннадий Попов

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО В ОРЛЕ

*Висит в тиши Дворянское гнездо
Осенним днем в зеркале
отраженья.
И солнечной энергией движенья
Наполнен каждый взгляд -
и каждый вздох.
И охрой листьев трепетных берез,
И благодатью нетленного покоя...
Летящей глыбой светится откос,
Что висится над стынущей
рекою.
Иссиня-золотистая вода
Возносится к высотам листопада...
А, может, больше ничего не надо,
И ничего не будет никогда.*

Владимир Ермаков

ИВАН ТУРГЕНЕВ: ГЕНИЙ МЕСТА

Кто бы знал, как трудно быть писателем в самом литературном крае России! В любом другом месте ты отвечаешь лишь за самого себя, а у нас прежде всего нужно хранить наследство и крепить традиции. А как же? – не каждому выпало счастье жить и творить на родине Тургенева! Вживешься – пройдешь эпигоном, взбунтуешься – дураком выйдешь. Тургенев – наиболее хрестоматийный из русских классиков, и этот факт, с одной стороны, создаёт богатый общекультурный контекст, поддерживающий на плаву любого орловского литератора, но, с другой стороны, снижает амбиции и

сужает рамки текущего литературного процесса. Ни железная воля Лескова, ни темные аллеи Бунина не в силах увести традицию из-под неодолимого влияния гения места.

Современная литература противоборствует Тургеневу, как бы решая от обратного *проблему классики*. Из всех корифеев Золотого века Тургенев наиболее подходит для амплуа *благородного отца*, и потому разрушительная интенция эдипова комплекса новых икоборцов направлена скрытым образом прежде всего против него. Тургенев – эталон стиля, который надо держать в уме, по которому следует сверяться в сомнительных случаях, но творческое начало современности замеряется отступлением от канона, - и тут Тургенев отдыхает. Это если не естественно, то по крайней мере, объяснимо. Эстетическая система Тургенева принадлежит к типу закрытых, законченных: ей можно подражать, но продолжать нельзя, да и не нужно. В мир Тургеневаходишь как паломник, почтительно и почти благоговейно – и отдаляешься с сожалением... скорее, облегчив душу, чем отяготив сознание. Перечитывая знакомые с детства романы, проникаешься счастливым чувством, что есть места, куда можно всегда возвращаться в спокойной уверенности, что там ничего не изменилось, и даже забытая перчатка всё так же покоится на ломберном столике.

Иван Тургенев... роскошная красота бабьего лета русской литературы. Последняя зрелая красота, - которая вот-вот соскользнет в болезненную красоту золотой осени. Классицизм, застывший в прощальном жесте на пороге собственного мавзолея. Безупречная речь отдает мраморным холодком бессмертия. Фраза Тургенева так хорошо скроена и так надежно отлажена, что хочется утвердить ее в качестве стандарта для всей словесности. Но всякое ее дальнейшее развитие в этой манере чревато манерностью. Красивая фраза – вот неистребимый корень модернизма, неизбежно процветающего на перенасыщенной аллюзиями культурной почве. Уже на поздние сочинения самого Тургенева порой тянет отозваться цитатой из него же: *Иван Сергеевич, не говорите красиво*. Тургеневым создана самая совершенная проза на русском языке, - и в силу этой завершенности опасно балансирующая в грациозном равновесии на грани банальности. Чему свидетельство его «Стихотворения в прозе», столь восторженно принятые за образец ранними декадентами. Senilia: старческая сентиментальность уходящего гения. Все немного слишком. Настолько возвышенно духовное, что уже почти безвоздушное;

вроде бы то же высокое и чистое чувство, но чуть-чуть перегретое, слегка перезревшее, немного приторное. То, что порой сквозило в его письмах, - претенциозность, стилизация, некая экзальтация чувств и игривость слов, - теперь, по слабости человеческой, просочилось в литературу. Многие считают, что этот слезливый старик, перебирающий засохшие лепестки давно увядших роз, и есть Тургенев.

Да ничего подобного. Настоящий Тургенев – настоящий великан, стесняющийся своего роста и смущающийся от своего таланта. Он может все, но хочет чего-то другого. Ему тесновато среди всех. Иногда кажется, что великие современники недолюбливали Тургенева. Герцен настороженно сторонился, Щедрин подозрительно косился, а Толстой так вообще хотел стреляться. Достоевский высмеял его в «Бесах» в образе Кармазинова. Нечестно, немилосердно, несправедливо. Занял, шельма, полсотни талеров, продул их в рулетку – и вот так отплатил, злой карикатурой! Стыдно-с, Федор Михайлович, не по-божески это! Ну да, хотел Иван Сергеевич, очень хотел всем нравиться, а молодежи особенно, - так велик ли грех? Ведь он же при всем при том никому не угождал и душой не кривил, и через то наживал наряду со славой непрямые неприятности. При жизни ему не везло с критиками, а после смерти с исследователями. Тургенев – центральная фигура пантеона русской литературы. (Центральная – не значит: главная). Это самый непонятый из наших классиков. Потому что самый умный и самый ясный. То переоцененный, то недооцененный, но всегда гонимый критикой под ту или иную тенденцию, Тургенев вызывал недоумение и недовольство общественного мнения тем, что не ставил и не решал вечных вопросов. Иван Тургенев поразительно для русского гуманиста деидеологичен. В самом деле, Гоголь – учитель, Достоевский – пророк, Толстой – мессия, а Тургенев – кто он такой? всего-навсего великий писатель... ну, знаете ли! Это как-то не по-русски...

Неудача Тургенева в роли властителя дум не случайна. В его драматической биографии и литературной судьбе как ни в чем другом выразился перманентный кризис русского либерализма. Глубокие впечатления в нашем менталитете оставляют лишь радикальные идеи. Или революция, или реакция. Свобода, равенство, братство – или самодержавие, православие, народность. Особость Тургенева как его особенность хорошо обосновал Исая Берлин в статье «Отцы и дети: Тургенев и затруднения либералов». *Средняя линия весьма уязвима, опасна и неблагодарна. Сложную позицию тех, кто в пылу битвы хочет по-прежнему говорить с обеими сторонами, часто*

толкуют как мягкотелость, обман, оппортунизм, трусость. <...> Дилемма морально чувствительных, честных и интеллектуально ответственных людей в период острой поляризации мнений стала с его времен еще острее и распространеннее. И в этом плане Тургенев настолько же актуален, насколько злободневна для нас проблема взаимопонимания.

Либерал среди консерваторов и реформатор меж радикалов, холодный скептик для идеалистов и опасный мечтатель для прагматиков, Тургенев не дался в оборот ни одной из господствующих идеологий, и потому вытеснен в истории идей во второй ряд национального иконостаса. Что не мешает нам его читать и почитать в числе самых надежных заступников русского человека перед судом истории. С ним мы спокойнее и увереннее в себе. Тургенев осуществил в родной литературе поэтическое измерение нашей прозы, как Гоголь – метафизическое, Достоевский – экзистенциальное, Толстой – онтологическое. Объяснить поэтическое труднее всего, если вообще возможно. Волшебное обаяние и завораживающий шарм тургеневских страниц в литературоведческом анализе исчезают, и оттого в зеркале критики его лик кажется плоским и (в юбилейных акафистах благоговейных филологинь) даже постным. Гений места становится бесплотным духом, туманом в скюртуке и облаком в панталонах. Разве это – Тургенев? Да нет, мы опять обознались...

Тургенев – утонченный варвар, романтический скептик, смятенный ум и мятущаяся душа, русский медведь с манерами светского льва... кто он на самом деле? Испанский писатель Хуан Эдуардо Суньига в книге «Загадка Тургенева» создает сложный и сумрачный образ писателя, лишенный привычного нам хрестоматийного глянца: *Перед нами раскрывается жизнь, исполненная скрытых страстей, тяжких дум и несбывшихся надежд.* Чему сам Тургенев дает немало оснований, проговариваясь в письмах и воспоминаниях о невзгодах воспитания и слабостях натуры. *Рос я дурно и невесело...* Что томило его и срывало в бегство от самого себя, что угнетало его стремление к счастью? – *И желание и страх жизни.* Личность Тургенева не может быть определена однозначно. Но и в этой сложности своей он сложен иначе, чем равновеликие ему современники. Он не апория, как Гоголь, не парадокс, как Достоевский, не противоречие, как Толстой, он – двойственность. Как бы един в двух лицах: сам за себя и против тоже. И эта двойственность, мучительная для жизни, стала счастливой для творчества. Тургенев не может выбрать

удобную для защиты идейную позицию – и не хочет выбирать. Его взгляд на суть вещей обладает той объективностью, что равно чужда поклонению и поруганию. Оттого так выразительна жизнь в его изображении. Особенно жизнь в высшем ее проявлении – в любви. Пожалуй, впервые после Катутла он различил в любовной страсти два нераздельных и неслиянных чувства: нежность и ненависть.

Что такое эти прославленные тургеневские женщины? Инкарнация романтического идеала в образцах и образах? Вот уж нет! Это, если хотите, реванш стихийных сил в сердцевине утонченной культуры. Вечная женственность выходит из хаоса и затягивает все наше мужество в тихий омут всепоглощающей страсти. Песнь торжествующей любви звучит как траурный марш. Любящему нет пощады, а любимому нет избавления. Страшнее и трагичнее этой мучительной страсти только ее отсутствие. Что мог добавить к этому сексуальному фатализму Фрейд? Разве что всякие пикантные мелочи...

Иван Сергеевич Тургенев, вечный владелец Спасского, полномочный представитель Орловского края в мировой культуре, волшебник слова и гений места. Неприкаянный гений... Вот он, запертый веком в родовой усадьбе, маятся от одиночества и не хочет ничего от людей. На тысячу верст кругом – Россия, родной край, и за тысячу верст отсель – Европа, чарующая чужбина... А от края до края – бесприютная тоска. Что за несчастный жребий – быть серединой меж крайностей! *Какая-то тайная и глухая тоска, от которой я не могу избавиться и которую ничто не может рассеять* (из письма к Полине Виардо).

Россия и Виардо: вот две силы, раздирающие меж собой узорный покров его жизни. Две грезы, две темы, две музы., не сумевшие дать ему ни счастья, ни покоя. И та, и другая подавали ему надежды, но отказывали в близости. Брала щедрые дары его, а самого в расчет не брали. С тем он и умер. С тем и вошел в бессмертие. Тургенева изучают в школе и, представьте себе, читают после, без нужды и принуждения. Время от времени театры ставят его пьесы, и, надо сказать, с устойчивым успехом. Телевидение в очередной раз экранизирует роман «Отцы и дети». В конце этого благодатного лета понаехало в Спасское-Лутовиново шумное множество знаменитостей, намереваясь отснять драматические сцены на фоне тургеневских мест. Это, конечно, хорошее дело. Даже если выйдет из благих намерений всего лишь красивое зрелище на потребу среднему вкусу, - посмотреть надо будет непременно. Хотя бы для того, чтобы лишний раз увидеть Спасское и мысленно поклониться знаменитому дубу.

*Научные исследования
и сообщения*

М. А. Маркович
(*Марко Вовчок; 1833–1907*)

Надежда Шеншина
(*1832–1869*)

ОБ ОДНОЙ ШЕКСПИРОВСКОЙ ЦИТАТЕ У И.С. ТУРГЕНЕВА

Известно, как высоко ставил И.С.Тургенев Шекспира в истории мировой культуры. Его единственным соперником он называл лишь «величайшего поэта древнего мира» Гомера, «который, доживая свое третье тысячелетие, весь сияет блеском бессмертной молодости и неуываемой силы <...>». «Величайший поэт нового мира» Шекспир, как и Гомер, «создан для вечности — и будет жить вечно!» — утверждал Тургенев в своей речи о Шекспире, написанной в 1864 году в связи с предстоящим 300 летним юбилеем английского драматурга, отмеченным и в России.¹

Неудивительно, что шекспировские темы, образы, реминисценции в изобилии присутствуют в творчестве писателя. И не только в его творчестве, но и в творчестве его современников. Именно 1840-е годы (а Тургенев всегда подчеркивал свою верность идеям «сороковых годов») оказались временем наибольшей популярности Шекспира в России. «Никогда английский драматург не имел такого значения для русской литературы и — шире — для русской духовной жизни вообще, — пишет Ю.Д.Левин, — как в период, когда развернулась творческая деятельность литераторов — “людей сороковых годов”». ² «Многие русские писатели восхищались Шекспиром, — утверждает тот же исследователь. — Но, пожалуй, никто не писал о драматурге в таких восторженных выражениях, как Тургенев». ³

В самом деле, попытавшись перевести «Отелло» и «Короля Лира» еще в годы учебы в Петербургском университете (переводы эти не сохранились) и признав себя негодным для этого рода деятельности, ⁴ Тургенев внимательно следил за тем, как растет и расширяется слава Шекспира в России. Несомненно, он был хорошо знаком с достижениями шекспироведения на Западе, и прежде всего в Англии, представлял себе основные этапы освоения шекспировского наследия в Германии (Лессинг, Виланд, Гете), во Франции и в других странах, о чем свидетельствует, в частности, упомянутая речь о Шекспире.

Как верно отметил Ю.Д.Левин, уже в первом произведении молодого Тургенева — драматической поэме «Стено» (1834) — при-

существует прямая отсылка к Шекспиру в виде эпитафии из «Тимона Афинского», «образу Гамлета не только посвящена статья “Гамлет и Дон-Кихот”, но он проходит через все творчество Тургенева», еще один шекспировский образ «вспоминается в повести “Степной король Лир”». ⁵ Примеры, конечно, можно продолжить. Но из всего творчества Шекспира самым близким Тургеневу произведением был, без сомнения, «Гамлет», оказавший беспрецедентное влияние на всю русскую литературу и — шире — культуру. Начиная с трагедии А.П.Сумарокова «Гамлет» (1748), имевшей, впрочем, весьма отдаленное отношение к английскому подлиннику, ⁶ самое имя Гамлета становится широко распространенным, появляются новые переводы (если не всей трагедии, то известных монологов), возникает своеобразный культурный и общественно-психологический феномен «русского гамлетизма», который не является предметом настоящей статьи. ⁷

В юбилейной речи о Шекспире Тургенев дерзнул даже поставить русское понимание образа Гамлета выше не только понимания его французами, но и англичанами: «Или образ Гамлета не ближе, не понятнее нам, чем французам, — скажем более, — чем англичанам?». ⁸ Характерно, что ближайшему другу П.В.Анненкову в речи Тургенева, зачитанной академиком П.П.Пекарским на литературно-музыкальном вечере, это место показалось слишком сильным и было смягчено: «Или образ Гамлета не ближе, не понятнее нам, чем многим нациям, французам например». ⁹

Тем более интересно, что, цитируя «Гамлета» в программной статье-предисловии (1879) к томам собрания сочинений, включавшим все шесть романов, Тургенев, знавший Шекспира, по свидетельству многих современников, чуть не наизусть, допускает ошибку. Более того, дает собственный перевод этой ошибочной цитации. Эту же ошибку он совершает пятью годами ранее, воспроизводя ту же цитату в письме от 6 (18) января 1875 года к М.М.Стасюлевичу.

В январе 1875 года писатель, принимавший активное участие в либеральном журнале М.М.Стасюлевича «Вестник Европы», предложил ему «завербовать» талантливого журналиста, автора многочисленных воскресных фельетонов в газете «Новое время» А. С. Суворина, писавшего под псевдонимом «Незнакомец». «Можно бы печатать его 4 недельные фельетоны за один раз — и этим бы все-таки передавалось, как говорит Шекспир: “the body and pressure of the time”». ¹⁰ Смысл приведенного высказывания

поясняется в письме Тургенева к Суворину от 14 (26) февраля того же года. Откликаясь на письмо Суворина, Тургенев писал: «Примите хотя позднее спасибо за все сведения, которые Вы сообщили мне — за передачу современной петербургской физиономии, которая никому так не известна и никому так не дается, как Вам».¹¹ Сожалея об уходе Суворина из «Нового времени» (которое, впрочем, вскоре окажется в его единоличной власти), Тургенев поддерживает решение своего корреспондента собрать фельетоны в отдельный сборник и заранее заявляет «претензию на один экземпляр». Он «с великим удовольствием» переписывается с Сувориным (к сожалению, до нас дошли лишь три письма Суворина), восполняя сведения о петербургской литературной жизни, от которой был оторван, живя за границей. Но шекспировская цитата в контексте письма к Стасюлевичу и в применении к фельетонам Суворина не имела бы столь важного значения, если бы ту же фразу Тургенев не применил к собственному творчеству.

Вот что писал Тургенев в «Предисловии» к романам, помещенном в 3 м томе 10 ти томного собрания своих сочинений, вышедших в 1880 году в издательстве братьев Салаевых: «Решившись в предстоящем издании поместить все написанные мною романы (“Рудин”, “Дворянское гнездо”, “Накануне”, “Отцы и дети”, “Дым” и “Новь”) в последовательном порядке, считаю нелишним объяснить, в немногих словах, почему я это сделал. Мне хотелось дать тем из моих читателей, которые возьмут на себя труд прочесть эти шесть романов сподряд, возможность наглядно убедиться, насколько справедливы критики, упрекавшие меня в изменении однажды принятого направления, в отступничестве и т. п. Мне, напротив, кажется, что меня скорее можно упрекнуть в излишнем постоянстве и как бы прямолинейности направления. Автор “Рудина”, написанного в 1855 м году, и автор “Нови”, написанной в 1876 м, является одним и тем же человеком. В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет “the body and pressure of time”, и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений».¹² Характерно, что и здесь Тургенев употребляет то же слово, что в письме к Суворину, только в более общем смысле: если в письме он признает за Суво-

риным мастерство в передаче «современной петербургской физиономии», то за собой оставляет заслугу в передаче «быстро изменяющейся физиономии русских людей культурного слоя». Думается, однако, что смысл этого высказывания еще шире, и заслуга эта была признана за Тургеневым уже сразу после появления первых рассказов из «Записок охотника».

Под строкой Тургенев дает собственный перевод приведенной цитаты: «самый образ и давление времени». Комментатор статьи А.И.Батюто пишет: «Неточная цитата из “Гамлета” Шекспира (акт. III, явл. 2). У Шекспира: “to show <...> the very age and body of the time his form and pressure” (показывать... самому возрасту и телу века его внешность и отпечаток) <...>».¹³ Однако «присутствие» Шекспира в приведенном рассуждении явно шире усеченной и к тому же искаженной цитаты. К тому же она сама требует пояснений.

Комментатор статьи в Полном собрании сочинений и писем Тургенева справедливо считает, что «в момент работы над “Предисловием к романам” Тургенев сознавал, что как романист он уже завершил свое творчество». В то же время справедливо замечание исследователя о том, что стремление «взглянуть на свои романы с историко-литературной точки зрения» было обусловлено той атмосферой «всеобщего признания и поклонения (особенно со стороны учащейся молодежи), которую Тургенев ощущал постоянно во время своего приезда на родину в начале 1879 г.».¹⁴ Можно сказать более: «Предисловие» к романам выходит далеко за рамки указанного жанра, оно относится ко всему творчеству писателя.¹⁵ Можно также утверждать, что отсылка к Шекспиру является ключом к пониманию мысли Тургенева, подводящего итоги своего творческого пути. Тем более любопытно, что же он имел в виду.

Для этого необходимо обратиться к источнику цитаты. Как верно указано в комментариях к «Предисловию», приведенные слова являются неточной цитатой слов Гамлета из второй сцены третьего действия трагедии. Напомним, что именно здесь разыгрывается так называемая «пьеса в пьесе», когда Гамлет, задумавший раскрыть злодеяния своего дяди Клавдия, подговаривает странствующих актеров поставить пьесу на сюжет совершенного убийства и тем самым заставить убийцу выдать себя. Ведь, как говорит Гамлет в знаменитом монологе в конце второго действия:

*...я слышал,
Что иногда преступники в театре
Бывали под воздействием игры
Так глубоко потрясены, что тут же
Свои провозглашали злодеянья...¹⁶*

Хотя дух отца сообщил ему подробности совершенного злодеяния, Гамлет сомневается, ему нужны твердые доказательства вины Клавдия. В том же монологе он высказывает подозрение, что в «милый образ» («a pleasing shape») старшего Гамлета мог воплотиться сам дьявол и ввести датского принца в искушение:

*Дух, представший мне,
Быть может, был и дьявол; дьявол властен
Облечься в милый образ; и возможно,
Что, так как я расслаблен и печален, —
А над такой душой он очень мощен —
Меня он в гибель вводит. Мне нужна
Верней опора. Зрелище — петля,
Чтоб заарканить совесть короля.*

Заметим, что в поисках истины Гамлет обращается именно к искусству, именно на его силу он рассчитывает:

*Убийство, хоть и нemo, говорит
Чудесным языком. Велю актерам
Представить нечто, в чем бы дядя видел
Смерть Гамлета; вопьюсь в его глаза;
Проникну до живого; чуть он дрогнет,
Свой путь я знаю.*

Итак, дальнейшие действия Гамлета целиком зависят от игры актеров и от текста монолога, который он собирается написать сам. Почему? Напомним, что идея «мышеловки» и путь к ее осуществлению возникли после того, как принц попросил одного из актеров прочитать обращенный к Дидоне рассказ-монолог Энея о гибели Трои из пьесы, автор которой в «Гамлете» не называется. Комментаторы Шекспира не смогли установить автора этой пьесы, охарактеризованной Гамлетом «отличной», «хорошо распределенной по

сценам, построенной столь же просто сколь и умело». Не исключено, что такой пьесы не было вовсе, а монолог Энея, чтение которого начинает сам Гамлет, является небольшой мистификацией и был сочинен Шекспиром. Воспоминание об увиденной однажды пьесе дает Гамлету повод порассуждать об искусстве. Этот разговор будет продолжен и в следующей третьей сцене второго действия, откуда была позаимствована Тургеневым вышеприведенная цитата.

Любопытно, что поллюбившаяся датскому принцу пьеса не понравилась толпе и не возобновлялась на театре. «Для большинства это была икра», — говорит Гамлет, имея в виду слишком высокие достоинства пьесы, доступные для понимания лишь избранным знатокам (в других переводах слишком буквальное «икра», требующая комментария,¹⁷ была заменена на «апельсин для известного рода животных» у А.Кронеберга, на «бисер для свиней» в переводе К.Р., на «не в коня корм» у Б.Пастернака и т. д.). «Я помню, кто-то сказал, что стихи не приправлены для того, чтобы сделать содержание вкусным, а речи не содержат ничего такого, что обличало бы автора в вычурности, и называл это добропорядочным приемом, здоровым и приятным, и гораздо более красивым, нежели нарядным» («an honest method as wholesome as sweet, and by very much more handsome than fine»). Отметим, что перевод М.Лозинским эпитета *honest* как «добропорядочный» не кажется вполне соответствующим смыслу, более точным было бы: «честный прием»¹⁸). По существу, Шекспир устами Гамлета говорит здесь об искусстве простом и правдивом, чуждающемся вычурных красот, так нравящихся толпе. Не случайно именно Гамлет становится выразителем авторского *credo*.¹⁹

В статье «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев проницательно заметил, что «глубина и тонкость анализа в Гамлете, его многосторонняя образованность (не должно забывать, что он учился в Виттенбергском университете) развили в нем вкус почти непогрешительный. Он превосходный критик; советы его актерам поразительно верны и умны; чувство изящного почти так же сильно в нем, как чувство долга в Дон-Кихоте».²⁰ Оставляя в стороне сопоставление с Дон-Кихотом (в данном случае оно не имеет прямого отношения к теме, к тому же очевидно, что Тургенев ошибается, лишая Гамлета чувства долга, ведь именно оно является главным двигателем мыслей и поступков героя²¹), отметим, что высокая оценка «чувства изящного», критических способностей и ума имеют непосредственное отношение прежде всего к самому Шекспиру. От чуткого взора Тур-

генева не могла укрыться глубокая автобиографическая подоплека образа датского принца, пораженного горестными размышлениями над царящим в мире злом и возможностях противостояния ему. В то же время Тургенев далек от отождествления автора и его героя. «... Нельзя не удивляться гению, — писал Тургенев, — который, будучи сам во многом сродни своему Гамлету, отделил его от себя свободным движением творческой силы — и поставил его образ на вечное изучение потомству. <...> Из самых недр своих извлек он тип Гамлета и тем самым показал, что и в области поэзии, как и в других областях народной жизни, он стоит выше своего чада, потому что вполне понимает его».²² Как справедливо пишет современный исследователь, «никто из персонажей Шекспира не выступает от имени автора, даже Гамлет, наиболее близкий Шекспиру герой, изображен “со стороны”, и далеко не всегда можно принять его суждения за авторские».²³ И все же во многих речах принца явственно звучит авторский голос, как, например, в его монологе второй сцены второго действия, произнесенном еще до встречи со странствующими актерами, но уже после того, как он объявил Данию «тюрьмой»:

«Последнее время, — а почему, я и сам не знаю — я утратил свою веселость, забросил все привычные занятия; и, действительно, на душе у меня так тяжело, что эта прекрасная храмина, земля, кажется мне пустынным мысом; этот несравненный полог, воздух, видите ли, эта великолепно раскинутая твердь, эта величественная кровля, выложенная золотым огнем, — все это кажется мне не чем иным, как мутным и чумным скоплением паров («a foul and pestilent congregation of vapours»). Что за мастерское создание — человек! Как благороден разумом! Как беспределен в своих способностях, обличьях и движениях! Как точен и чудесен в действии! Как он похож на ангела глубоким постижением! Как он похож на некоего бога! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что для меня эта квинтэссенция праха? Из людей меня не радует ни один <...>».²⁴

Тургенев признает, что Шекспир «из самых недр своих извлек» тип Гамлета, чьи горькие размышления были сродни его собственным. Не потому ли и в свое «любимое детище» — Базарова — писатель вложил немало собственных мыслей. Достаточно сравнить с вышеприведенным монологом Гамлета рассуждение из XXI главы романа «Отцы и дети» Базарова, озабоченного «собственным ни-

чтожеством»: «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразия! Что за пустяки!».²⁵ И, конечно, не случайна прямая переключка предсмертных слов Гамлета и Базарова, замеченная еще С.А.Андреевским,²⁶ хотя для современников эта переключка не могла не быть очевидной.²⁷

Философское эссе Тургенева «Довольно. Отрывок из записок умершего художника», начатое буквально сразу после выхода в свет «Отцов и детей» (черновой автограф датируется мартом–апрелем 1862 года), завершается прямой цитатой предсмертных слов Гамлета: «The rest is silence» («Дальше — тишина», в переводе М.Л.Лозинского, или: «Дальнейшее — молчанье», как переведено в Полном собрании сочинений Тургенева). В этом очерке, насыщенном реминисценциями из произведений мировой литературы, Шекспир «присутствует» в нескольких главках. Так, в главе XII, размышляя о смерти, лирический герой Тургенева совершенно погамлетовски ставит о вопрос о том, что ждет человека после смерти: «Будут ли ему хотя во сне мерещиться и солнышко, и травка, и голубые ласковые воды?».²⁸

В следующей главе лирический герой признает, что «только на первых порах» люди занимаются «всякими случайностями, вздором, самими собою», приоткрывшаяся же даже частично истина «замыкает тотчас нам уста, связывает нам руки, сводит нас “на нет”». Эта истина состоит в признании собственного «ничтожества». В подтверждение этой истины Тургенев ссылается на «грозные слова поэта» из «Макбета»: «Наша жизнь — одна бродячая тень; жалкий актер, который рисуется и кичится какой-нибудь час на сцене, а там пропадает без вести; сказка, рассказанная безумцем, полная звуков и ярости и не имеющая никакого смысла».²⁹

Наконец, далее герой ставит под сомнение и такие утешительные слова, как «народность, право, свобода, человечество, искусство», которыми живет много людей. «Но все-таки мне сдается, — восклицает герой «Довольно», — что если бы вновь родился Шекспир, ему не из чего было бы отказаться от своего Гамлета, от своего Лири. Его пронизательный взор не открыл бы ничего нового в человеческом быту: всё та же пестрая и в сущности несложная картина раз-

вернулась бы перед ним в своем тревожном однообразии. То же легкое верие и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, те же пошлые удовольствия <...>, те же самые грубые приманки, на которые так же легко попадает многоголовый зверь — людская толпа, те же ухватки власти, те же привычки рабства, та же естественность неправды <...>». ³⁰

Труднее всего разочарованному герою «Довольно» расстаться с искусством и красотой: «Да, это сильные слова; они, пожалуй, сильнее других, мною выше упомянутых слов. Венера Милосская, пожалуй, несомненное римского права или принципов 89 го года <...>. Искусство, в данный миг, пожалуй, сильнее самой природы, потому что в ней нет ни симфонии Бетховена, ни картины Рюисдаля, ни поэмы Гёте <...>». Но и искусство брэнно... Последний монолог «умершего художника» по выразительности сопоставим с мрачными размышлениями Гамлета: зачем художники «пойдут на этот толкучий рынок призраков, на это торжище, где и продавец и покупатель равно обманывают друг друга, где всё так шумно, громко, — и всё так бедно и дрянно? Зачем “с изнеможением в кости” поплетутся они вновь в этот мир, где народы, как крестьянские мальчишки в праздничный день, барахтаются в грязи из-за горсти пустых орехов или дивятся, разинув рты, на лубочные картины, раскрашенные сульфурным золотом <...>». ³¹

Искусство недаром является едва ли не единственной отдушиной измученного Гамлета. И недаром именно постановка пьесы и воздействие ее на злодея Клавдия становится ключевой во всей трагедии. В связи с этой постановкой Шекспир и высказывает свои заветные мысли об искусстве. Столь многочисленных рассуждений на эту тему не встречается ни в одном другом произведении английского драматурга, кроме, пожалуй, последней, аллегорической драмы «Буря», которую справедливо называют «завещанием» Шекспира. Здесь поэт создает условный мир гармонии, представляя утопическое общество, созданное мудрецом Просперо на волшебном острове. Преданный братом и изгнанный им из государства, Просперо управляет островом с помощью науки и искусства. «Таким образом, Шекспир утверждает, что исправление общества возможно благодаря знанию законов и искусства. Просперо должен восстановить справедливость ради себя и своей дочери, но при этом он ставит задачу более общую, родственную целям Гамлета — сделать мир лучше», — пишет со-

временный исследователь.³² Именно в «Буре» происходит то, чего так хотел Гамлет: преступники под воздействием музыки раскаиваются, Просперо великодушно прощает их. Под влиянием искусства преобразается и дикарь Калибан, которого приручил Просперо, однако Шекспир не был бы Шекспиром, если бы погрешил против правды: «естественный человек» Калибан вместе с начатками цивилизации воспринимает и ее зло, пытается поднять бунт и убить Просперо. Как и Шекспир, Тургенев верил в очищающую и преобразующую миссию искусства, но, подобно ему, сомневался в возможности преобразить мир посредством искусства. О том, что Тургенев глубоко интересовался проблемами, поднятыми Шекспиром в «Буре», свидетельствует интересный эпизод, связанный с написанием Э.Ренаном, автором «Жизни Иисуса», продолжения последнего произведения Шекспира — драмы «Калибан». Найденные французским тургеноведом А.Звигильским письма Тургенева к Ренану по поводу этой драмы, его роль в изменении замысла и структуры пьесы (по предложению Тургенева в ней был дописан целый заключительный акт) еще раз свидетельствуют о глубоко заинтересованном отношении русского писателя к шекспировской проблематике.³³

Роль искусства в «Гамлете» тем более значительна, что герой трагедии движим не только и не столько чувством мести (иначе сюжет пьесы легко укладывался бы в жанровые рамки «трагедии мести»). Гамлет объявляет войну самому злу, поразившему целое государство. В конце первого действия, выслушав рассказ призрака, он, уже и раньше почувствовавший за странным поступком матери какую-то зловещую тайну, восклицает:

*The time is out of joint; — O cursed spite!
That ever I was born to set it right!*

Метафора, употребленная здесь Шекспиром, сродни той, что привлекла внимание Тургенева, она тоже нелегко передается по-русски, тем более что, как почти всегда у Шекспира, имеет второй и третий смыслы. Буквально ее можно передать следующим образом: «Время выпало из сустава», или «Время вывихнулось», или так:

*Свихнулось время. — И несчастье в том,
Что выправить его я был рожден!*

Русского перевода этого места, удовлетворительного во всех отношениях, по мнению В.П.Комаровой, нет. Лучшим переводом исследовательница признает перевод А.Радловой:

*Век вывихнут. О тяжкий жребий мой —
Я вправить век рожден своей судьбой.³⁴*

Это умозаключение завершает сцену с призраком и принятие Гамлетом решения притвориться сумасшедшим. Обращаясь к друзьям, он говорит: «Клянитесь снова — бог вам да поможет, — / Как странно бы себя я ни повел, / Затем что я сочту, быть может нужным / В причуды облекаться иногда<...>». Сюжет притворного сумасшествия использовался и до Шекспира, однако именно Шекспир связывает решение Гамлета с ситуацией всеобщей болезни века. Время вышло из пазов, вывихнулось, свихнулось, — герой, противостоящий злу, надевает личину безумия, он должен выглядеть свихнувшимся. «Безумный» Гамлет становится свободным в своих словах и поступках, только в этом качестве он может говорить правду. «Таким образом, долг мести за убитого отца сразу же превращается для Гамлета в задачу исправления своего века: для этой цели он стирает с табличек своей памяти все другие желания и чувства».³⁵ Итак, Гамлет решился вступить в неравный бой, но он не решается привести свой план мести в исполнение немедленно. Он должен не просто убить злодея Клавдия, — само зло должно быть наказано. Как замечал еще Ап.Григорьев, «Гамлету предлежит только наказать правосудно, а не отомстить <...>».³⁶

Для Гамлета чтение заказанного им монолога, описывающего злодейское убийство коварным и жестоким Пирром царя Трои старца Приама и страдания «жалкой царицы» (в другом переводе «поруганной») Гекубы оказывается мощным толчком к действию. Потрясенный искусством чтеца, он клянет себя за колебания и недостаток воли и, наконец, решает окончательно убедиться в том, что сообщенное ему призраком отца является правдой. Начало знаменитого монолога является настоящим гимном искусству и признанием мощи его воздействия на душу зрителя:

*Не стыдно ли, что этот вот актер
В воображенье, в вымышленной страсти
Так поднял дух свой до своей мечты,*

*Что от его работы стал весь бледен;
Увлажен взор, отчаянье в лице,
Надломлен голос, и весь облик вторит
Его мечте. И все из-за чего?
Из-за Гекубы! Что ему Гекуба,
Что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?
Что совершил бы он, будь у него
Такой же повод и подсказка к страсти,
Как у меня? Залив слезами сцену,
Он общий слух рассек бы грозной речью,
В безумье вверх бы грешных, чистых — в ужас,
Незнающих — в смятенье и сразил бы
Бессилием и уши и глаза.*

Таким образом, Гамлет формулирует то, что немного позднее повторит в своем наставлении актерам в начале второй сцены третьего действия. Призывая их соблюдать меру и быть сдержанными в исполнении написанного им монолога (не горланить, не махать руками и т. д.), Гамлет говорит:

Не будьте также и слишком вялы, но пусть ваше собственное разумение будет вашим наставником; сообразуйте действие с речью, речь с действием («suit the action to the word, the word to the action»); причем особенно наблюдайте, чтобы не переступать простоты природы («o'er-step not the modesty of nature»); ибо все, что так преувеличено, противно назначению лицедейства, чья цель как прежде, так и теперь была и есть — держать как бы зеркало перед природой («to hold, as 'twere, the mirror up to nature»): являть добродетели ее же черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток («to show virtue his own feature, scorn her own image, and the very age and body of the time, his form and pressure») <...>. ³⁷

Как видим, используемое Тургеневым выражение «body and pressure of the time», переведенное им же как «самый образ и давление времени», является контаминацией двух частей шекспировского образа, однако смысл его передан верно: задача художника состоит в воспроизведении самого образа и «давления» (точнее: отпечатка, печати) времени, которое у Шекспира имеет не только внешний облик («the form»), но и тело, вес, плоть («the body»). В приведенном

выше переводе М.Лозинского метафора «body of the time» — «плоть времени» — заменена на более приземленное — «сословие», что представляется неверным именно в общем контексте шекспировской мысли. Мысль же эта состоит в том, что задача лицедейства (и шире — искусства, именно так понимают этот фрагмент большинство комментаторов Шекспира, в том числе и Тургенев) состоит в том, чтобы правдиво, без прикрас показывать людям их достоинства и пороки и даже самому веку его образ и отпечаток. Представить, показать отпечаток «плоти времени» — сложная метафора, которая не поддается точной передаче на другом языке, поэтому некоторые переводчики попросту опускали ее.

Первый переводчик «Гамлета» в России М.П.Вронченко (до него переводы делались с французских переделок) следующим образом представил указанный фрагмент: «...особенно старайся не преступать границ натуральной простоты: всякая чрезмерность несообразна с целию представления, которая, первоначально как и теперь, была и есть — представить зеркало природы, явить добродетели и пороку точные их черты, всякому возрасту и состоянию его подобие и отпечаток».³⁸ Следующий, получивший широкую известность благодаря гениальному исполнению роли Гамлета П.С.Мочаловым перевод Н.А.Полевого (1837) опускает метафору, привлекая внимание Тургенева: «Будь верным зеркалом природы: представь добродетель в ее истинных чертах, а порок в его безобразии».³⁹ А.Кронеберг (его перевод «Гамлета» вышел в 1844 году) передал мысль Шекспира следующим образом: «Все, что изысканно, противоречит намерению театра, цель которого была, есть и будет — отражать в себе природу: добро, зло, время и люди должны видеть себя в нем, как в зеркале».⁴⁰ Более близко к тексту перевел этот фрагмент вел. кн. Константин Константинович (писавший под криптонимом «К.Р.»): «Потому что всякое преувеличение противоречит сущности игры, цель которой, как прежде, так и теперь, была и есть — как бы подставить зеркало природе: показывать добродетели ее собственные черты, пороку — его собственный образ, а нашему веку и воплощению времени — их подобие и отпечаток».⁴¹ А.Радлова, вообще склонная к точности, предложила более произвольный вариант: «Особенно следите за тем, чтоб не переходить границ свободной естественности, потому что все преувеличенное идет вразрез с искусством игры, а цель этого искусства прежде и теперь была и есть — держать зеркало перед природой и показывать доблести ее настоящее лицо, а наглости ее

настоящий образ, а каждому веку и каждому возрасту — их вид и отражение».42 Наконец, один из самых известных переводчиков «Гамлета» — Б.Пастернак не стал передавать на русском языке метафору «body of the time» вовсе: «Каждое нарушение меры отступает от назначения театра, цель которого во все времена была и будет: держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести ее истинное лицо и ее истинное — низости, и каждому веку истории — его неприкрашенный облик».43

Гамлет хочет прежде всего показать низости ее истинное лицо и добивается этого посредством постановки пьесы. После сцены «мышеловки» Гамлет еще раз выступит в роли обличителя порока посредством слова. Уже после разоблачения Клавдия, в разговоре с королевой (действие третье, сцена четвертая) он восклицает: «...вы отсюда не уйдете, / Пока я в зеркале не покажу вам / Все сокровеннейшее, что в вас есть» («You go not, till I set you a glass / Where you may see the inmost part of you»). Пораженная страстным монологом сына, Гертруда восклицает: «О, довольно, Гамлет: / Ты мне глаза направил прямо в душу, / И в ней я вижу столько черных пятен, / Что их ничем не вывести» («O Hamlet, speak no more: / Thou turn'st mine eyes into my very soul; / And there I see such black and grained spots, / As will not leave their tinct»). Осознание своей вины — вот что нужно было Гамлету от матери, и он добился своей цели. Тем же осознанием вины звучат чуть раньше слова Клавдия, уязвленного в самое сердце игрой актеров, однако преступник не спешит раскаяться. Гамлету же необходимо показать всем лицо беззакония, что и происходит в последних сценах, снова напоминающих сюжет «сцены на сцене».44 Анализируя сцену с матерью, И.Верцман задает вопрос: «Что это за магическое “зеркало”, отражающее не лицо, а душу, мозг, психику человека?» и отвечает: «Мысль, выраженная беспощадным словом, лишь такая мысль способна снять внешний покров с лица человека; лишь такое “зеркало” обладает всей мощью истины».45 Думается, исследователь не совсем прав. Магическое зеркало — не только и не столько мысль (какова она, к примеру, в сцене с матерью), это прежде всего правда, облеченная в слово, это слово правды, которое открывает глаза заблудшей женщине. И в этом смысле Тимон Афинский из одноименной трагедии, отвергая живопись и поэзию, приукрашивающие истину, и готовый признать истину «нагою, чтобы люди разглядели ее» (V,1), вовсе не впадает в преувеличение «человека, находящегося на грани безумия».46 Тимо-

ну, как и создавшему этот образ Шекспиру, гораздо важнее видеть неприкрашенную правду, чем приукрашенную ложь. О том же говорит Шекспир в 84 сонете:

*Кто скажет больше? Что красноречивей
Хвалы немногословной — «Ты есть ты»?
Нет в мире слов дороже и правдивей,
Достигнувших такой же высоты.*

*Беспомощны и неуклюзы перья,
Бессильные предмет украсить свой.
Но тот заслужит славы и доверья,
Кто просто назовет тебя тобой.*

*Пушай изобразит он, не лукавя,
То, что создать природы гений смог,
И прославлять тогда мы будем вправе
Его искусство, ум его и слог.*

*Но чтоб хвала не навлекла хулы,
Не жаждай безудержной похвалы.⁴⁷*

Как это ни покажется странным, но примерно о том же говорил Тургенев в письме к Герцену в ответ на обвинения в предвзятости к Базарову: «Штука была бы не важная представить его — идеалом; а сделать его волком и все-таки оправдать его — это было трудно <...>».⁴⁸

Тургенева как художника в речи Гамлета привлекла именно метафора «body of the time», хотя он перенес ее на место «формы», или «образа». Получилось, что художник не показывает самому веку и его «плоти» собственные облик и печать, оставленную этой «давящей» плотью, а представляет веку образ его плоти и «отпечаток» (у Тургенева «давление»). Тургенев как бы разводит шекспировские синонимы «the very age» и «body of the time», которым соответствует пара «his form» и «pressure», с характерным для английского драматурга реалистическим наполнением метафоры, выделяя образ «плоти времени» и ставя в пару ему образ «давления» этого времени. Метафора «the body of the time» приобретает в интерпретации Тургенева зловещий смысл, недаром писатель выбирает из всех зна-

чений существительного «pressure» именно «давление». Время, век имеет не только лицо, внешний облик, но и вес, он может «навалиться» на творческую личность и задавить ее, как Гамлета, рожденного не борцом, а мыслителем, художником, поэтом.

Тем не менее, общий смысл шекспировского высказывания о задаче искусства — правдиво воспроизводить природу (понимаемую, конечно, расширительно), как добродетель, так и порок, и даже самому времени показать его подлинный облик — сохраняется в контексте тургеневского заявления в «Предисловии» к романам.

Писатель не только пытается определить свой метод, опираясь на Шекспира, но и раз и навсегда отвести от себя критику, обвинявшую его в неустойчивости позиции. Установку на правдивость, «неприкрашенность» отражения духа и плоти времени в своих произведениях Тургенев передает словами «добросовестно и беспристрастно», которые соответствуют шекспировскому «an honest method as wholesome as sweet».

Тургенев редко столь откровенно высказывался о собственном творчестве. Пожалуй, самым ярким примером подобного высказывания был очерк «По поводу “Отцов и детей”», написанный в 1869 году и вошедший в мемуарный цикл «Литературные и житейские воспоминания». В том же году он был напечатан в 1 м томе собрания сочинений Тургенева, вышедшего в издательстве братьев Салаевых.⁴⁹

Известно, что намерение написать большое предисловие к новому собранию своих сочинений возникло у Тургенева в связи с желанием ответить многочисленным критикам недавно вышедшего романа «Дым» (1867), однако реакция на «Дым» была непосредственным продолжением «конфликта» писателя с русской публикой после выхода в свет романа «Отцы и дети» (1862). Вот почему в названном очерке в центре оказался ответ на глубоко задевшую Тургенева полемику по поводу «Отцов и детей». Обида на современников, не оценивших честных намерений автора, не ушла даже после упомянутых уже чествований писателя в начале 1879 года в Москве и Петербурге, когда, казалось, к Тургеневу вернулись слава и понимание. Эта обида заметна и в «Предисловии» к романам. Однако для нас более важно, что оскорбленный в самых дорогих чувствах писатель приоткрыл завесу над тайнами своего творческого метода. Отвечая своим критикам, Тургенев писал: «...совесть не упрекала меня: я хорошо знал, что я честно, и не только без предубеждения, но даже с

сочувствием отнесся к выведенному мною типу, я слишком уважал призвание художника, литератора, чтобы покривить душою в таком деле. Слово “уважать” даже тут не совсем у места; я просто иначе не мог и не умел работать <...>». ⁵⁰

Отводя от себя обвинения в предвзятости, Тургенев заявлял: «... точно и сильно воспроизвести истину, реальность жизни — есть высочайшее счастье для литератора, даже если эта истина не совпадает с его собственными симпатиями». ⁵¹ Объясняясь по поводу образа Базарова, писатель не один раз, в том числе и в письмах к своим корреспондентам, подчеркивал искренность, честность, правдивость, добросовестность в воспроизведении найденного им типа «нового человека» и готов был даже признать несправедливость такого отношения к образу, имевшему право, с его точки зрения, на некоторую идеализацию. В качестве примера собственной объективности Тургенев в очерке «По поводу “Отцов и детей”» привел образ Лаврецкого. «Я — коренной, неисправимый западник, и нисколько этого не скрывал и не скрываю; однако я, несмотря на это, с особенным удовольствием вывел в лице Паншина (в “Дворянском гнезде”) все комические и пошлые стороны западничества; я заставил славянофила Лаврецкого “разбить его на всех пунктах”. Почему я это сделал — я, считающий славянофильское учение ложным и бесплодным? Потому что в данном случае — таким именно образом, по моим понятиям, сложилась жизнь, а я прежде всего хотел быть искренним и правдивым». ⁵² Той же логикой руководствовался художник, создавая образ Базарова: «“Эта жизнь *так* складывалась”, — опять говорил мне опыт — может быть, ошибочный, но, повторяю, добросовестный; мне нечего было мудрить — и я должен был именно так нарисовать его фигуру». ⁵³ Может быть, никто, кроме Н.Н.Страхова, одного из самых пронизательных критиков творчества Тургенева, сразу же откликнувшегося на публикацию очерка «По поводу “Отцов и детей”», не принял всерьез заявления Тургенева о том, что «за исключением воззрений Базарова на художества», писатель разделял «почти все его убеждения». ⁵⁴

В предисловии ко второму изданию своего сборника «Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом (1862–1885)» Н.Н.Страхов писал по поводу своей статьи об «Отцах и детях», вышедшей сразу по выходе романа в свет, в апреле 1862 года в журнале братьев Достоевских «Время»: «На Тургенева я в ней смотрел как на чистого художника, руководящегося своим высшим даром и

потому обладающего такую пронизательностью и многосторонностью взгляда, какой не бывает у простых смертных. Роль художества состоит именно в том, что оно выводит “на всенародные очи” самую глубину и ширину жизни, почему оно сильнее и правдивее всяких умствований. Такую самостоятельность и простоту приписывал я Тургеневу». ⁵⁵ Несмотря на то, что со временем отношение Страхова к роману и его автору претерпело значительные изменения (достаточно сказать, что в предисловии к третьему изданию к имени Пушкина он «присоединяет» лишь Толстого⁵⁶), критик перепечатывает в третьем издании предисловие ко второму, датированное 27 сентября 1887 года, большая часть которого посвящена именно Тургеневу. Утверждая, что «Тургенев, в сущности, не хотел и не мог быть таким художником, свободу и высоту которого я так восторженно восхвалял в “Отцах и детях”», что он «был неизлечимо заражен верою в прогресс», Страхов и в 1887 году оставался убежденным в том, что в «Отцах и детях» «жизнь, в настоящем значении этого слова, стоит выше, одерживает верх над Базаровым». «Думаю, — писал Страхов, — что это суждение верное, даже независимо от романа». ⁵⁷ Заслуживает внимания свидетельство Страхова об оценке творчества Тургенева Аполлоном Григорьевым. В статье «Поминок по Тургеневе» критик писал: «Аполлон Григорьев любил говорить, что Тургенев есть повторение Пушкина, не полное, а отчасти. И в самом деле, и язык и все художественные приемы Тургенева — пушкинские. Эта прелестная форма, отличающаяся простотою и ясностью, трезвостью реализма и одушевлением творчества, эта форма, приводившая в такое восхищение иностранцев, которые сами всегда чересчур плодовиты и редко не злоупотребляют художеством, — она завещана нам Пушкиным, она составляет привычный и неизменный образец для наших художников слова». ⁵⁸

Откликаясь же в 1862 году на жестокую критику по адресу Тургенева, прозвучавшую из противоположных лагерей — как справа, так и слева, Страхов отвечал почти тургеневскими словами: «Тургенев, как уже давно известно, есть писатель, усердно следящий за движением русской мысли и русской жизни. Он заинтересован этим движением необыкновенно сильно; не только в “Отцах и детях”, но и во всех прежних своих произведениях он постоянно схватывал и изображал отношения между отцами и детьми. Последняя мысль, последняя волна жизни, — вот что более всего приковывало его внимание». ⁵⁹

Анализ образа Базарова, прозвучавший в статье Страхова, нельзя не признать одним из самых глубоких в русской критике. Возражая тем, кто считал Базарова карикатурой на молодое поколение, Страхов писал: «...они не замечают, как много величия кладет на Базарова глубина его жизни, его законченность, его непреклонная и последовательная своеобразность <...> Тургенев остался верен своему художественному дару: он не выдумывает, а создает, не искажает, а только освещает свои фигуры. <...> Он дал плоть и кровь тому, что явно уже существовало в виде мысли и убеждения».⁶⁰ По мысли критика, именно в Базарове Тургенев достиг «до типа цельного человека»: «Базаров есть первое сильное лицо, первый цельный характер, явившийся в русской литературе из среды так называемого образованного общества»,⁶¹ «его мрачная фигура величава и привлекательна».⁶² «Базаров умирает совершенным героем, — писал Страхов, — и его смерть производит потрясающее впечатление. До самого конца, до последней вспышки сознания, он не изменяет себе ни единым словом, ни единым признаком малодушия. Он сломлен, но не побежден».⁶³ То же можно сказать и о Гамлете.

Любопытно, что имя Шекспира возникает в статье Страхова в связи с критикой нашумевшей статьи М.А. Антоновича «Асмодей нашего времени», где было высказано предположение, что Тургенев хотел изобразить в своем герое «демоническую или байроническую натуру, что-то вроде Гамлета». «Гамлет — демоническая натура! — восклицает Страхов — Это указывает на смутные понятия о Байроне и Шекспире. Но действительно, у Тургенева вышло *что-то в роде демонического*, то есть натура богатая силою, хотя эта сила и не ничтожная».⁶⁴

Конец статьи Страхова об «Отцах и детях» очевидным образом перекликается с тем, что говорил о своем романе сам Тургенев: «Его новое произведение есть истинно поэтическое дело и, следовательно, носит в себе самом свое полное оправдание. <...> мы не имеем причины обижать Тургенева, предполагая в его романе задние мысли и посторонние цели. Эти мысли и эти цели до тех пор недостойны поэта, пока они не просветлеют, не проникнутся поэзией, не потеряют своего временного и частного характера. Если бы этого не было, то не было бы и никакой поэзии».⁶⁵

Возвращаясь к «Предисловию» к романам, в котором Тургенев встал на защиту права художника «держать зеркало перед природой» и показывать самому времени «его внешность и отпечаток», нельзя

не отметить еще одну скрытую цитату из Шекспира. Завершая предисловие, Тургенев писал: «Поверьте: талант настоящий никогда не служит посторонним целям и в самом себе находит удовлетворение; окружающая его жизнь дает ему содержание — он является ее *сосредоточенным отражением*; но он так же мало способен написать панегирик, как и пасквиль... В конце концов — это ниже его. Подчиниться заданной теме или проводить программу могут только те, которые другого, лучшего не умеют».⁶⁶

«...Кто имеет право указывать ему (художнику. — Н.Г.), какие именно впечатления годятся в литературу и какие — нет? Коли он правдив — значит, он прав <...>». Эти строки с полным основанием можно считать художественным завещанием Тургенева, и в этом Шекспир оказывался для писателя постоянным спутником и поддержкой.

Примечания.

1. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. М., 1986. Т. 2. С.325. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: Тургенев, серия, том, страница.

2. *Левин Ю.Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. С.112.

3. Там же. С. 118.

4. «Прошлый год был посвящен переводу, — писал Тургенев 26 марта ст. ст. 1837 года А.В.Никитенко, — Шекспирова “Отелло” (который я не кончил — только до половины 2-го акта), “Короля Лира” (с большими пропусками) и “Манфреда”. Первые два перевода мною истреблены — мне они казались слишком дурны после переводов Вронченки, Панаева... Притом это было ложное направление — я совершенно не гоножусь в переводчики» (Тургенев. Письма. Т.1. С.133). Столь строгое отношение к собственным переводам Шекспира вызвано было, без сомнения, особым отношением к английскому писателю уже в то время. К примеру, перевод «Манфреда» Байрона, как явствует из того же письма, Тургенев готов был выслать своему корреспонденту. Впоследствии писатель неоднократно выступал в роли переводчика и достиг на этом поприще значительных успехов. См.: Жекулин Н.Г. Тургенев — переводчик //И.С.Тургенев: Новые материалы и исследования /Отв. редакторы Н.П.Генералова, В.А.Лукина. СПб., 2009. Вып.1. С. 48–94.

5. Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. С.119. Разумеется, учесть в полном объеме вклад Тургенева в русскую шекспириану очень сложно. Трудно представить, например, в какой мере выразилось участие Тургенева-редактора в шекспировских переводах А.А.Фета, отрывочные сведения об этой напряженной работе сохранились в мемуарах поэта. Есть основания полагать, что Тургеневым были переведены песни в «Гамлете» и в «Двенадцатой ночи» для прозаического перевода сочинений Шекспира, осуществленного Н.Х.Кетчером в 1840 х — 1870 х годах (см.: Шекспир и русская культура /Под ред. М.П.Алексеева. М.-Л., 1965. С. 373).

6. История создания трагедии Сумарокова «Гамлет» исследована в главе «Первое знакомство с Шекспиром в России», написанной М.П.Алексеевым (См.: Шекспир и русская культура. С. 18–34). Для своего «Гамлета», как показал Алексеев, Сумароков воспользовался французским прозаическим переводом П. А.Лапласа. Здесь, в частности, убедительно доказано влияние Шекспира на оригинальное творчество Сумарокова-драматурга. Любопытно при этом отметить, что в своей речи о Шекспире 1864 года Тургенев с пренебрежением и, очевидно, не вполне справедливо упоминает имя Сумарокова. Говоря о предыдущем крупном юбилее Шекспира (1764), Тургенев утверждает, что через двести лет после рождения драматурга Англия, после долгого забвения, «уже знала своего поэта», «в Германии Лессинг уже указал на него своим соотечественникам», а вот во Франции о Шекспире «знал едва ли не один Вольтер — да и то величал его варваром». «Упомянуть ли нам о России? — восклицал Тургенев. — Тогда только что начиналось царствование Екатерины — и Сумароков считался нашим великим трагиком...» (Тургенев. Соч. Т.12. С.326). Между тем имя Шекспира было уже известно в эпоху Елизаветы Петровны, во всяком случае, В.К.Третьяковский в 1750 году упрекал Сумарокова в подражательности, а его «Гамлета», не имевшего почти ничего общего с шекспировским, в том, что он «переведен был прозою с английские шекспировы <...>» (См.: Шекспир и русская культура. С.22).

7. Феномен «русского гамлетизма» наиболее полно раскрыт в ряде работ Ю.Д.Левина: 1) комментарии к статье «Гамлет и Дон-Кихот» //Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Соч. М.-Л., 1964. Т.8. С.555–565; Тургенев. Соч. Т.5. С.510–523; 2) Статья И.С.Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот». К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева //Н.А.Добролюбов. Статьи и материалы.

Горький, 1965. С.122–163; 3) Русский гамлетизм //От романтизма к реализму. Л., 1978. С.191–227; 4) Шекспир и русская литература XIX века. С.112–225.

8. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. М.-Л., 1968. Т.15. С.50–51.

9. Там же. С.264. См. также комментарий Ю.Д.Левина, с.302–304.

10. *Тургенев.* Письма. Т.14. С.9.

11. Там же. С.32.

12. *Тургенев.* Соч. Т.9. С.390.

13. Там же. С.562.

14. Там же. С.560–561.

15. Это хорошо понял Ю.Д.Левин, написавший: «А в конце жизни, подводя в предисловии к собранию романов (1880) итог своему творчеству, он должен был прибегнуть к шекспировскому выражению, чтобы объяснить собственные цели и намерения <...>» (Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. С. 119). Отметим неточность в выражении исследователя: речь идет не о собрании романов, а о собрании сочинений в 10 томах, где в 3, 4 и 5 томах были помещены все шесть романов Тургенева. Такое распределение по томам было сделано впервые. Очевидно, Ю.Д.Левин воспользовался названием, присвоенным этому Предисловию в собрании сочинений Тургенева в 12 т., вышедшего в конце 1920 х начале 1930 х годов под ред. К.Халабаева и Б.Эйхенбаума (см.: *Тургенев И.С.* Собр. соч.: В 12 т. Л.-М., 1933. Т.12. С.295. Зд. указанный текст называется: Предисловие [к собранию романов в изд. сочинений 1880 г.]. В комментариях же квадратные скобки сняты. Справедливости ради следует сказать, что и в 1-м, и во 2-м академических изданиях это Предисловие произвольно названо «Предисловием к романам», хотя такого заголовка у Тургенева нет. Правда, в комментариях к обоим изданиям указано, что в 3-м томе салаевского издания текст фигурирует под названием «Предисловие». Лишь в последних томах Сочинений, соответственно 15-м 1-го издания и 12-м второго произвольно данный заголовок взят в ломаные скобки, означающие редакторское вмешательство). Характерно, что в последующих изданиях сочинений это предисловие стало предварять не 3-й, а 1-й том.

16. Комментаторы Шекспира отмечают, что случаи добровольного признания своей вины под воздействием театральных представлений действительно бывали в Англии. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, цитаты приводятся в переводе М.Л.Лозинского.

17. Так поступил, например, М.П.Вронченко: «...оно было как ка-вьяр для черни <...>». В примечаниях переводчик писал: «То есть лакомство, которое чернь ценить не умела» и отсылает к английскому комментатору Шекспира Риду (Гамлет, трагедия в пяти действиях. Сочинение В.Шекспира /Перевел с английского М.В. СПб., 1828. С.71, 197).

18. Не очень удачно звучит этот фрагмент и у Б.Пастернака: «находили работу добросовестной». Еще менее подходящим представляется перевод К.Р.: «хорошая манера». Наиболее адекватно звучат приведенные строки в переводе А.Кронеберга: «Я помню, кто-то сказал, что в стихах нет соли и перцу для приправы смысла, а в выражениях нет мыслей, которые обличали бы в авторе чувство; но он назвал эту пьесу простою, здоровою и приятною и гораздо более прекрасною, чем украшенною». Особенно характерно, что переводчик не стал избегать эпитета «простой», хотя несколькими строками выше уже использовал существительное «простота».

19. Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот», кажется, напрасно упрекнул Шекспира в наличии у него «натянутых острот», «неестественных сравнений», «приторных кончетти» (*Тургенев. Соч. Т.5. С.342*), имея в виду изобилие в «Гамлете» элементов «словесной игры», свойственной елизаветинской эпохе. «“Гамлет” существенно отличается от других трагедий Шекспира в отношении использования словесной игры, — пишет современный исследователь. — <...> Гамлет острит, шутит, каламбурит в самые роковые минуты своей жизни, даже умирая. <...> есть все основания полагать, что драматург отождествлял себя с героем этой трагедии больше, чем с каким-либо другим персонажем своих драм (стоит хотя бы сопоставить лейтмотив сонета 66, написанного от первого лица, с лейтмотивом монолога Гамлета “Быть или не быть”). Таким образом, читая “Гамлета”, мы проникаем в духовный мир его создателя» (*Мезенин С.М. Игра словом в «Гамлете» Шекспира //Филологические науки. 1990. №4. С.46*).

20. *Тургенев. Соч. Т.5. С.344*. Из современников Тургенева более других обратил внимание на художественную одаренность Гамлета Аполлон Григорьев, который еще в 1850 году писал в статье «Заметки о Московском театре (“Гамлет” Шекспира)»: «Так же далеко, как и нравственной стороною, опередил Гамлет все его окружающее и умственным развитием. Он глубокий мыслитель, он тонкий судья изящного, он живет в мире искусства... понятно в высшей сте-

пени, как приходит ему в голову испытать совесть короля комедией. Можно сказать даже, <...> что Гамлет — вечный актер сам с собою и с другими, вечный художник, ищущий творчества в каждом деле, актер с готовыми на все заранее данными, актер гениальный, способный совершенно переселяться в созданное им состояние» (*Григорьев А.А. Театральная критика /Вступит. статья А.Я.Альтшуллера и Б.Ф.Егорова; составление, примеч. и указатели Т.Б.Забозлаевой, Л.С.Даниловой, Н.В.Кудряшовой. Л., 1985. С.62*). Правда, критик не учел, что «пьеса в пьесе» была и до «Гамлета» испытанным приемом драматургического построения. Так, в одной из предшествующих шекспировской пьесе «Испанской трагедии» Томаса Кида (1558–1594), относящейся, как и «Гамлет», к жанру «трагедии мести», «пьеса в пьесе» является поворотным сюжетным моментом. Помимо этого, исследователи установили не менее двадцати других параллелей между «Гамлетом» и «Испанской трагедией», оказавшей значительное влияние на пьесу Шекспира (См.: *Чекалов И.И. Введение в историко-литературное изучение «Гамлета»*. СПб., 2004. С. 33–44). Важное наблюдение содержится в дневнике С.П.Шевырева (запись от 23 сентября 1831 г.), много размышлявшего о творчестве Шекспира: «Шекспир в Гамлете достиг до сознания своего искусства. — Он с умыслом привязался к тому, что Гамлет притворяется, играет роль сумасшедшего, что Гамлет сам актер, а именно с тем, чтобы вложить ему в уста свои мысли о драматическом и актерском искусстве» (Цит. по: Шекспир и русская культура. С.223. Примеч. 106).

21. Внимательный анализ текста позволил В.П.Комаровой сделать вывод о том, что «именно проблема героического деяния становится главной с самого начала трагедии» (*Комарова В.П. Шекспир и Монтень. К 450-летию со дня рождения Монтеня. Л., 1983. С.103*).

22. *Тургенев. Соч. Т.5. С.342.*

23. *Комарова В.П. Шекспир и Монтень. С.5.*

24. «В этом рассуждении Гамлета обычно видят доказательство того, что герой разочарован в жизни, потому что его идеалы столкнулись с действительностью. <...> Вместе с тем нетрудно заметить, что Гамлет противопоставляет внешний мир собственному восприятию этого мира <...>. Так возникает одна из главных философских проблем трагедии — противопоставление прекрасного и безобразного, бесконечных способностей и возможностей человека ничтожеству реальных людей, какими они теперь кажутся герою. Окружающий Гамлета мир действительно страшен, и в трагедии восприятие этого

мира в речах Гамлета предстает как истинное с позиции Шекспира <...>» (Там же. С.74). Исследователи недаром заметили перекличку у Шекспира и Монтеня (Там же. С.75), который устами Раймунда Сабундского также обличал человека: «Кто уверил человека, что это изумительное движение небосвода, этот вечный свет, льющийся из величественно вращающихся над его головой светил <...> существует только для него, для его удобства и к его услугам? Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое создание, которое не в силах даже управлять собой и предоставлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой вселенной, малейшей частицы которой оно даже не в силах познать, не то что повелевать ею!» (*Монтень Мишель*. Опыты: В 3 книгах. Кн.1–2 /Изд. подготовили А.С.Бобович, Ф.А.Коган-Бернштейн, Н.Я.Рыкова, А.А.Смирнов. 2-е изд. М., 1979 («Литературные памятники»). С.390. Перевод Ф.А.Коган-Бернштейн). Следует отметить, что в приведенной цитате из «Гамлета» («все это кажется мне не чем иным, как мутным и чумным скоплением паров» / «a foul and pestilent congregation of vapours»), возможно, содержится зародыш замысла романа Тургенева «Дым». Первые наброски романа появились вскоре после выхода в свет «Отцов и детей» (см. об этом: Тургенев И.С. <Подготовительные материалы к роману «Дым»> /Публ. и послесловие П.Уоддингтона //Русская литература. 2000. №3. С.119. О других источниках названия романа см.: Там же. С.123–126, а также: Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С.299–305).

25. *Тургенев*. Соч. Т.7. С.119.

26. См.: О Тургеневе. Русская и иностранная критика /Сост. П.П.Перцов. М., 1918. С.98. Отмечено А.И.Батюто в кн.: *Тургенев И.С. Отцы и дети* /Сост. С.А.Батюто. СПб., 2000. С.410–412.

27. О реминисценциях из других произведений Шекспира в «Отцах и детях» см.: *Никитина Н.С.* Шекспировские темы и образы в романе Тургенева «Отцы и дети» //Русская литература. 1994. №4. С.16–32.

28. *Тургенев*. Соч. Т.7. С.226.

29. Там же.

30. Там же. С.227.

31. Там же. С.228, 230–231. Есть основания полагать, что именно Шекспир, к творчеству которого Тургенев неоднократно обращался

в один из самых «пессимистических» периодов своей жизни (конец 1850 х — первая половина 1860 х гг.), сыграл решающую роль в преодолении писателем творческого и мировоззренческого кризиса, наиболее сильно сказавшегося в таких произведениях, как «Довольно», «Призраки» и «Дым» (см.: *Генералова Н.П.* И.С.Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. С.282–283).

32. *Комарова В.П.* Шекспир и Монтень. С.141.

33. *Звигильский А.* Эрнест Ренан, Тургенев и Полина Виардо // Звигильский Александр. Иван Тургенев и Франция. Сб. статей (Библиотека-читальня им. И.С.Тургенева). М., 2008. С.297–326. Пер. В.Зубовой. Несомненно перекличка с драмой Шекспира в оперетте Тургенева и Полины Виардо «Последний колдун», главный герой которой Кракамиш отчасти пародирует Просперо (см.: *Гозенпуд А.А.* И.С.Тургенев — музыкальный драматург // *Тургенев. Соч.* Т.12. С.606).

34. Для сравнения В.П.Комарова приводит другие переводы: М.П.Вронченко: «Наш век расстроен, о несчастный жребий, / Почто же я рожден его исправить»; Н.А.Полевой: «Событие вне всякого другого! Преступление / Проклятое! Зачем рожден я наказать тебя!»; М.Л.Лозинский: «Век расшатался, и скверней всего, / Что я рожден восстановить его»; Б.Пастернак: «Распалась жизни нить, / Как мне обрывки их соединить». Исследовательница замечает, что сходную мысль высказывает Клавдий, когда сообщает, что, по мнению Фортинбраса, датское государство «вышло из суставов и рамок» («our state to be disjoint and out of frame» (Д.1. Сцена 2) (*Комарова В.П.* Шекспир и Монтень. С.160, 88)). В переводе А.Кронеберга указанный фрагмент звучит так: «Ни слова боле: пала связь времен! / Зачем же я связать ее рожден?»; К.Р. дал иной вариант: «Порвалась цепь времен; о, проклят жребий мой! / Зачем родился я на подвиг роковой!».

35. *Комарова В.П.* Шекспир и Монтень. С.88. Отметим, что Тургенев в статье «Гамлет и Дон-Кихот», упоминая о том, что Гамлет «вероятно, вел дневник» (*Тургенев. Соч.* Т.7. С.344), забыл, что герой пьесы действительно вел записи.

36. *Григорьев А.А.* Заметки о Московском театре («Гамлет» Шекспира) // Григорьев А.А. Театральная критика. С.55. «Как в “Ревизоре” Гоголя есть высококачественное лицо — смех, — писал Григорьев в той же статье, — так точно в “Гамлете” есть высокоправое лицо — не

видимо повсюду присущая Немезида, не слепая μοιρα, fatum греческой трагедии, но разумное, вполне сознательное правосудие...» (Там же. С.64).

37. Здесь и далее цитаты из «Гамлета» приводятся по изданию: The Works of William Shakspeare (sic!): In 3 vol. /Edited by Charles Knight. L., 1889. V.3.

38. Гамлет, трагедия в пяти действиях. Соч. В.Шекспира. Перевел с английского М.В. СПб., 1828. С.87–88.

39. Гамлет, трагедия в пяти действиях. Перевод с английского Н.А.Полевого. Изд. 2-е. СПб., 1887. С.53.

40. Цит. по: *Шекспир Уильям*. «Гамлет» в русских переводах XIX–XX веков. М., 1994. С.236.

41. Там же. С.396–397.

42. Там же. С.561.

43. Там же. С.77.

44. См. об этом: *Киасашвили Н.* Скрытая метафора «мир – сцена» в «Гамлете» //Шекспировские чтения-1978 / Под ред. А.А.Аникста. М., 1981. С.64–65.

45. *Верцман И.* К проблемам эстетики Шекспира //Шекспировские чтения-1976 /Под ред. А.А.Аникста. М., 1977. С.40.

46. Там же. С.41.

47. Перевод А.М.Финкеля. См.: Шекспировские чтения-1976. С.254–255.

48. *Тургенев*. Письма. Т.5. С.50.

49. Сначала, в 1868 году, вышли 2-й и 4-й тома, в 1869 – 1-й, 3-й, 5-й, 6-й и 7-й.

50. *Тургенев*. Соч. Т.11. С.87.

51. Там же. С.88.

52. Там же. С.89–90.

53. Там же. С.90.

54. Там же. С выражением «почти все» произошел даже характерный казус. Прочитав первую публикацию очерка, Тургенев обвинил помогавшего ему с изданием собрания сочинений Н.Х.Кетчера в умышленном искажении его слов. Вот что писал Тургенев П.В.Анненкову 4 (16) декабря 1869 года: «...самая неприятная опечатка стоит на стран<ице> ХСIV, строка 8 сверху: вместо *я разделяю почти все его убеждения* (Базарова) стоит: “Я разделяю почти его убеждения”. Я подозреваю, что Кетчер (корректор) с умыслом, “меня жалеючи”, пропустил все, и вышла безграмотная фраза, над

которой г.г. Антоновичи будут, пожалуй, точить свои зубки: “и тут, мол, оробел!”» (*Тургенев*. Письма. Т.10. С.96). Любопытно, что Страхов, воспроизводя слова Тургенева о Базарове и его убеждениях, по смыслу вставил пропущенное слово «все» (*Страхов Н.* Еще за Тургенева. Письмо в редакцию «Зари» по поводу выхода первого тома его сочинений // *Заря*. 1869. №12. С.119).

55. *Страхов Н.Н.* Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н.Толстом (1862–1885). Изд. 3 е. СПб., 1895. С.VI–VII.

56. Там же. С.III.

57. Там же. С.VII.

58. Там же. С.180–181.

59. Там же. С.6.

60. Там же. С.6–7.

61. Там же. С.29.

62. Там же. С.41.

63. Там же. С.34.

64. Там же. С.30.

65. Там же. С.47, 49.

66. *Тургенев*. Соч. Т.9. С.395.

М.Я. Саррина
Санкт-Петербург

ГОГОЛЬ И ГЕТЕ В ТВОРЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ И.С. ТУРГЕНЕВА И А.А. ГРИГОРЬЕВА (1845–1850)

Творческий диалог А.А.Григорьева и И.С.Тургенева является важной, но фактически не исследованной в литературоведении частью историко-литературного процесса 40-х–50-х годов XIX века. Началом этого диалога следует считать 40-е годы XIX века, когда появляется ряд критических статей Ап. Григорьева. Эти статьи, содержащие отзывы о рассказах, позднее вошедших в цикл «Записки охотника», являются одними из немногих, которые создавались «вслед» за произведениями Тургенева и именно поэтому отражали (в зеркале критики) процесс создания цикла и в то же время особенности восприятия его современниками.¹

Угол зрения Григорьева на произведения Тургенева, представителя натуральной школы, определяло отрицательное отношение мо-

лодого критика к литературе этого направления. Каковы основные аргументы Григорьева в споре с Белинским и его школой? Почему книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» стала поворотным моментом в изменении мировоззрения критика? Какова позиция Григорьева и Тургенева в споре о поэте и поэзии в конце 1840-х годов? Без ответов на эти вопросы невозможна «реконструкция» творческого диалога писателя и критика.

Важность изучения раннего критического наследия Ал. Григорьева заключается еще и в том, что статьи Григорьева 40-х годов XIX века практически неизвестны современному читателю, поскольку многие из них не переиздавались со времени появления в периодической печати.

1847 год оказался в жизни молодого критика не просто поворотным, его можно назвать целой эпохой. В это время казалось, что преодолен мировоззренческий кризис и остались в прошлом удручающие моральные последствия дружбы с масоном Малиновским и несчастной любви к А.Ф.Корш. Григорьеву верилось, что побежден и алкоголизм, ставший следствием этих тяжелых жизненных обстоятельств.² Причиной изменения жизненной и литературной позиции молодого критика стала, прежде всего, книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Так, в письме, датированном мартом 1847 года, к М.П.Погодину, «единственному человеку, перед которым не стыдно обнажить и свои душевные язвы, и свои запутанные обстоятельства»,³ критик писал: «Крепко запало мне в душу слово Гоголя: „<...> с словом надобно обходиться честно”, книга его осветила для меня всю бездну, в которой я стоял — бездну шаткого безверия, самодовольных теорий, разврата, лжи и недобросовестности, позорно стало мне звание софиста, стыдно взглянуть на все свое прошедшее <...> мне надоела и опротивела — и бесплодная софистика и бесплодно-праздная жизнь <...>».⁴

Размышления о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», потрясшей душу критика, вылились в статью «Гоголь и его последняя книга», опубликованную в газете «Московский городской листок» в четырех мартовских номерах 1847 года, а также в трех письмах к Гоголю, написанных в период с конца октября по конец декабря 1848 года. Комментаторы последнего, наиболее полного издания эпистолярного наследия Григорьева указывают, что в этих письмах критик развивал идеи, высказанные в цикле статей 1847 года. Однако можно предположить, что они и задумывались как

критические статьи в жанре открытого письма, традиционном для русской литературы. Об этом свидетельствует прежде всего подзаголовок авторских копий, сохранившихся в фондах Российской государственной библиотеки: «Письма к Н.В.Гоголю по поводу его последней книги», а также авторская нумерация писем.⁵

Ап. Григорьев действительно предполагал опубликовать или распространять их, таким образом «отвечая» на известное «письмо» к Гоголю Белинского. Молодой критик мог быть уверен, что писатель ознакомится с ними, так как Гоголь жил в это время в Москве в доме М.П.Погодина, через которого легко было передать письма адресату. Очевидно, он надеялся получить ответ от самого автора «Выбранных мест...». На одно из «писем» Григорьева Гоголь действительно ответил (письмо не сохранилось).⁶ Спустя почти год, 15 октября 1849 года, произошла и личная встреча Гоголя и Григорьева в доме Погодина.⁷

Статья в газете «Московский городской листок»⁸ и «письма» к писателю 1848 года ставили Григорьева в оппозицию резко враждебным Гоголю настроениям, вызванным появлением книги «Выбранные места из переписки с друзьями», настроениям, которые разделяло тогда большинство представителей и западного, и славянофильского лагерей.

Как указывает Григорьев в одном из «писем» к Гоголю, вопрос о его последней книге является «далеко не решенным», а все отзывы о ней отличаются «невероятною дикостью, поразительною чуждостью тем *страшным* духовным интересам, которые составляют ее содержание, или — добросовестным, но неистово-фанатическим противуположением».⁹ Говоря о «добросовестном противуположении», критик прямо называет имя В.Г.Белинского. Он обращается к писателю с просьбой о понимании и прощении Белинского: «Не судите, да не судимы будете: пожалейте об этой бедной, томившейся в узах страдания, мрака и скорби, но благородной, хотя и заблуждавшейся душе»,¹⁰ объясняет мотивы, побудившие покойного Белинского написать «Письмо» Гоголю, полное «негодования, злости и грусти»: «Этот человек понимал, хотя односторонне, но глубоко, Ваше значение в литературе, любил Вас детским обожанием; представьте же себя на его месте: человек страдал действительными душевными недугами, болезненно воспитывал идеи в своей душе, мечтал разгадать пути гения сообразно с этими идеями — и вдруг — мечта его разбита вдребезги, обоготворенное им предстало ему в совершенно ином виде, лучшая опора его сокрушена».¹¹

В «письмах» к Гоголю Григорьев формулирует причины, которые привели к появлению ставшего знаменитым «письма» Белинского к Гоголю. Во-первых, «жизнь, общество и литература, разменявшиеся на мелочь», не могут принять художника, «придающего общественную важность своему делу». Полемизируя с «дельной критикой»¹² (в частности, со статьей Э.И.Губера о «Выбранных местах из переписки с друзьями»), критик утверждает право личности на решение извечных вопросов: «Не больше ли не правы те, которые хотят совершенно устранить права личности, предоставляя разрешение известных вопросов только известной же касте,¹³ как г. Губер, нежели сама личность, смело подъявшая свой голос?»¹⁴

С точки зрения Григорьева, основной причиной отрицательного отношения к «Выбранным местам...» Белинского и писателей натуральной школы было изменение представлений о назначении Творца, Художника у автора «Мертвых душ»: «Замечательно самое предисловие к этой странной переписке. Человек, стоявший во главе современной русской литературы, начинает прямо тем, что издаваемою им перепискою *он хочет искупить бесполезность всего, доселе им напечатанного*; <...>И здесь, точно так же, как и во всей книге, видно, что Гоголь вовсе не дорожит самою книгою, но дорожит по всему праву моментом своей духовной жизни <...>».¹⁵

Григорьеву очень близка мысль Гоголя о «нравственном результате своей жизни» как единственном, чем должен дорожить человек. «Человек, который так страдальчески, так задушевно смотрит на свое дело, стоит некоторого уважения даже и за свои заблуждения. <...> К сожалению, мы все, более или менее, отвыкли смотреть на себя серьезно, — и мысль Платона, что мы все здесь светильники, возженные для известной цели, звучит нам как-то странно, — нам непонятно, что человек, дороживший своею деятельностью, дорожит важным моментом в своей духовной жизни <...>».¹⁶

Протест Григорьева против «письма» Белинского к Гоголю основан, прежде всего, на мысли о праве человека и — особенно — писателя на откровенность, исповедальность, на право «обнажать перед другими людьми внутреннейшие и сокровеннейшие»¹⁷ душевные тайны. По сути дела, эти слова критика являются его «ответом» на «письмо» Белинского к Гоголю, в котором есть такие строки: «...Вы позволили себе цинически грязно выражаться не только о других (это было бы только невежливо), но и о самом себе — это уже гадко, потому что если человек, бьющий

своего ближнего по щекам, возбуждает негодование, то человек, бьющий по щекам самого себя, возбуждает презрение».¹⁸ Григорьев напоминает слова самого Гоголя: «О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех оплеуха», которые и имел в виду Белинский, однако трактует их совершенно иначе: «Такой совет странен, правда, неприличен, пожалуй — но ничуть не смешон — унижение самого себя не выставляется здесь на поклонение как искусство для искусства, как само себе служащее целию, — здесь виден стоик, который смотрит на него как на урок, необходимый на трудном пути сосредоточения <...>. Повторяем опять, все это странно, потому что по болезненности момента, в котором находится Гоголь, приняло странные формы, но несколько не смешно и еще менее того отвратительно...».¹⁹

Тезис о праве «обнажать перед другими людьми внутреннейшие и сокровеннейшие» тайны души будет более подробно разработан Григорьевым в статьях 1850-х годов. Не случайно, предельно искренняя и исповедальная поэзия и проза критика неоднократно станет предметом насмешек последователей Белинского — молодых журналистов газеты «Искра».

Еще одной важной причиной, которая привела к появлению «письма» Белинского к Гоголю, с точки зрения Григорьева, была утрата «веры в поэта как в пророка, как в провозвестника правды». Современная литература, по мнению критика, ждет пророка, который должен не «чувства добрые лирой пробуждать», а «непременно явиться со словами ненависти и вражды». Эти слова, безусловно, также являются ответом В.Г.Белинскому, который, по верному наблюдению П.В.Анненкова, «все силы своего критического ума» «напрягал для того, чтоб отстранить и уничтожить попытки к допущению каких-либо других, смягчающих выводов из знаменитого романа («Мертвые души». — М.С.), кроме тех суровых, строго обличающих, какие прямо из него вытекают».²⁰ Сам Григорьев вслед за Гоголем видел «общественную важность» дела поэта как «пророка, провозвестника правды» именно в «приглашении всех и каждого к совету, соучастию в своем деле».²¹

Такой «ответ» Ап.Григорьева в 1847—1848 годах Белинскому не мог не вызвать отклика у единомышленников «неистового Виссариона», в частности, у И.С.Тургенева, свидетеля создания знаменитого «письма» Белинского к Гоголю, хотя непосредственной реакции писателя на статью Григорьева не последовало. Да и вряд ли Тур-

генов, пребывая за границей в то время, был знаком с нею. Но если бы этот отклик появился, он бы был, без сомнения, отрицательным. К сожалению, не была написана Тургеневым специальная статья, посвященная творчеству автора «Мертвых душ». Несомненно, отношение Тургенева к Гоголю, близость и различие их творческих приемов являются вопросами, которые трудно обойти, обращаясь к изучению художественного метода Тургенева. С одной стороны, Гоголя можно назвать «литературным отцом» Тургенева (термин Г.Б.Курлянской). Писатель действительно открыто провозглашал себя «поклонником и малейшим последователем» Гоголя. С другой, говорил о «бездне» между мировоззрением своим и автора «Выбранных мест из переписки с друзьями».

К 1847–1848 годам позиция Тургенева относительно путей развития русской литературы и, в частности, натуральной школы и гоголевского направления в литературе была четко обозначена. Еще в статье «О современной русской литературе», опубликованной анонимно на французском языке в газете «Illustration» в 1845 году, Тургенев доказывал справедливость тезиса В.Г.Белинского о Н.В.Гоголе как социальном поэте «в духе времени».²² Не изменилось мнение писателя и позднее.

Характеристику «гоголевской эпохи» в литературе писатель давал и спустя годы, приводя в «Литературных и житейских воспоминаниях» отрывок из лекции о Пушкине, прочитанной им в 1859 году: «В то же время умалилось и поблекло влияние самого Пушкина <...> Время чистой поэзии прошло так же, как и время ложновеличавой фразы; наступило *время критики, полемики, сатиры*».²³ Время, когда важен именно социальный характер литературы, когда на место «поэта центрального, поэта-эха, положительного, как жизнь на покое», приходит «поэт-глашатай, центробежный, тяготеющий к другим, отрицательный, как жизнь в движении».²⁴

Таким образом, слова Тургенева о Гоголе как «социальном поэте», о возрастании роли «поэта-глашатая» и «времени сатиры» в литературе полностью противоположны пониманию Григорьевым в конце 1840-х — начале 1850-х годов роли Гоголя в русской литературе, осознания критиком приоритета внутреннего, нравственного в человеке над внешним, *слова добра над словом сатиры*.

Между тем в кажущихся диаметрально противоположными взглядах Тургенева и Григорьева на творчество Гоголя можно найти не только различия, но и общее. Сохранилось следующее свиде-

тельство К.Леонтьева, активного корреспондента Тургенева в начале 1850 х годов: «Тургеневу пришлось напоминать мне о „Тарасе Бульбе”, об очерке „Рим”, о могучей поэзии повести „Вий”, чтобы помирить меня с гением, которого последние и самые зрелые, но злые все-таки и сухие творения („Ревизор”, „Игроки”, „Мертвые души”) почти заслонили от меня все эти другие восхитительные его повести; восхитительные не только по форме, но и по содержанию, по выбору авторского мировоззрения».²⁵

Аналогичная мысль о двойственности (или переменчивости) таланта Гоголя была выдвинута Григорьевым именно в 40-е годы и более подробно разработана в начале 50-х. «Хамелеонический гений чародея-поэта, — писал критик в рецензии на «Петербургский сборник», — то леденит сердце странным, беспощадным анализом природы бедного Акакия Акакиевича, то изумляет дивным, антично-чистым, кистью великих мастеров Италии набросанным, образом Аннунциаты <...>».²⁶ Эта идея переосмысливается критиком в 1855 году в статье «Замечания об отношении современной критики к искусству», где утверждается «двойственность натуры» Гоголя: положительный идеализм в «Риме» и «Портрете» и отрицательный — в «Шинели» и «Ревизоре».²⁷ Как видим, позиция Григорьева созвучна восприятию Гоголя Тургеневым: с одной стороны, Гоголь как основатель натуральной школы, с другой — очерк «Рим», «Тарас Бульба» и «могучая поэзия повести» «Вий». Однако необходимо помнить, что о двойственности таланта Гоголя как истинно гениального художника первым заговорил Белинский, противопоставляя не лиризм и сатиру, не «положительный» и «отрицательный» идеализм, а соотношение пошлого (комического) и великого (трагического) в его произведениях. Талант истинного художника и заключается, с точки зрения Белинского, в умении слить «оба эти противоположные элемента неразрывно и целостно в единую, замкнутую в себе, личность <...>». Из всех известных произведений европейских литератур пример подобного, и то не вполне, слияния серьезного и смешного, трагического и комического, ничтожности и пошлости жизни со всем, что есть в ней великого и прекрасного, представляет только «Дон-Кихот» Сервантеса. Если в «Тарасе Бульбе» Гоголь умел в трагическом открыть комическое, то в «Старосветских помещиках» и «Шинели» он умел уже не в комизме, а в положительной пошлости жизни найти трагическое. Вот где, нам кажется, должно искать существенной особенности таланта Гоголя. Это — не один

дар выставлять ярко пошлость жизни, а еще более — дар выставлять явления жизни во всей полноте их реальности и их истинности».²⁸

Однако, если диалог Тургенева и Григорьева по поводу творчества Гоголя (и в особенности, «Выбранных мест из переписки с друзьями») осуществлялся в скрытой форме, то по поводу творчества Гете он принял открытый характер.

В одном из ежемесячных обзоров литературы в газете «Московский городской листок» за 1847 год Ап.Григорьев вернулся к статье, напечатанной два года назад в петербургском журнале: «Что за болезненная раздражительность ко всему, что выходит за пределы повседневной толкотни, что за странное отвращение от внутреннего мира души <...> что за односторонность, отрицающая все, кроме интереса минуты, уничтожающая разом и целые системы как мистицизм и высокие создания искусства, односторонность, которая вторую часть „Фауста“ — эту исповедь величайшего ума нашего века еще недавно, два года назад, признала с высоты своего величия за величайшую нелепость».²⁹

Этот отрывок интересен потому, что именно за два года до его появления, в 1845 году, Тургеневым была опубликована в журнале «Отечественные записки» рецензия на перевод М.П.Вронченко трагедии Гете «Фауст». Критические высказывания о второй части «Фауста» прозвучали именно в ней.

Статья отражает своеобразие литературно-критической деятельности Тургенева, которое «заключалось в том, что она всегда непосредственно была связана с выполнением им творческих задач. Так, например, занимаясь переводами из Шекспира, Байрона и Гете, Тургенев выступал со статьями, посвященными разбору переводов на русский язык таких произведений мировой классической литературы, как „Вильгельм Телль“ Шиллера и „Фауст“ Гете. В них Тургенев не только критиковал тот или иной из конкретных переводов (Ф.Б.Миллера, М.П.Вронченко), но и высказывал теоретические соображения о принципах художественного перевода вообще».³⁰ К сказанному можно добавить, что в статьях и рецензиях Тургенев высказывал свою позицию относительно задач литературы и искусства, откликался на современные ему литературные явления.

Не случайно, статья Тургенева, посвященная новому переводу «Фауста» Гете, вызвала большой интерес в литературно-общественных кругах.

Как справедливо указали комментаторы Б.М.Эйхенбаум и Е.И.Кийко, «принципиальное значение ее состояло в том, что в ней был подведен итог критического переосмысления исторического значения и сущности творчества Гете, начатого на страницах „Отечественных записок“ Герценом и Белинским».³¹

Статья о Гете писалась в период активного общения Тургенева и Белинского,³² поэтому содержание ее не могло не обсуждаться с критиком, идейная эволюция которого в оценке Гете претерпевала резкие изменения: восприятие в период «Литературных мечтаний» поэзии Гете по-шеллингиански — как выражения бессознательно-го постижения жизни; в эпоху «примирения с действительностью» (статья «Менцель, критик Гете») Гете противопоставляется Шиллеру как «гений чисто художнический, а потому неспособный увлекаться никакими односторонностями, но обнимавший все в оконченной целостности <...>».³³ В статьях 1840-х годов В. Г. Белинский размышляет о двойственности Гете — художника и человека — и противопоставляет такие произведения, как «Фауст», «Прометей», незначительным произведениям, «разным пустякам».

В «Современных заметках» (1847) Белинский рассматривает связь мировоззрения Гете с идеями его времени: «...Гете как художник, как поэт был вполне сыном своей страны, своего века, вполне выразил собою если не все, то многие из существеннейших сторон современной ему действительности. Это доказывается его отвращением ко всему отвлеченному, туманному, мистическому, ко всякой, как называет ее г. Губер, „нездешней“ поэзии. Это же доказывается его стремлением ко всему простому, ясному, определенному, здешнему, земному, действительному, реальному, положительному; его страстным сочувствием природе, которое не только отразилось пантеистическим миросозерцанием в его поэзии, но еще и выразилось с его стороны великими услугами в области естествознания как науки».³⁴

В статье, написанной с позиции «дельной критики» (термин Белинского), Тургенев тоже говорит о Гете как о человеке, «который выразил собой всю сущность своего народа и своего времени»,³⁵ не входя в противоречие с мыслью Белинского о Гете как «поэте по преимуществу». «В этом <...> состоит все его величие и вся его слабость. <...> Первым и последним словом, альфой и омегой всей его жизни было, как у всех поэтов, его собственное я».³⁶ Размышляя о трагедии, Тургенев отмечает, что «для Фауста не существует общество, не существует человеческий род: он весь погружается в себя;

он от одного себя ждет спасения. С этой точки зрения трагедия Гете является нам самым решительным, самым резким выражением романтизма <...>. ³⁷ Называя Мефистофеля «бесом каждого человека, в котором родилась рефлексия», ³⁸ Тургенев, в традициях «пафоса социальности» натуральной школы, противопоставляет «сомнения и недоумения» в душе одного человека трагедии «целого семейства ремесленников, умирающих с голода». ³⁹ Данное замечание, безусловно, взаимосвязано с размышлениями Тургенева о путях развития русской литературы, в частности, о натуральной школе и о судьбе и наследии Гоголя.

Таким образом, в статье о трагедии Гете молодой Тургенев четко определяет свою позицию в споре о личном / романтическом — коллективном / реалистическом направлениях в русской литературе. ⁴⁰

Замечание Тургенева о том, что «как поэт Гете не имеет себе равного, но нам теперь нужны не одни поэты... мы (и то, к сожалению, еще не совсем) стали похожи на людей, которые при виде прекрасной картины, изображающей нищего, не могут любоваться „художественностью произведения“, но печально тревожатся мыслью о возможности нищих в наше время», предваряет споры о пушкинском и гоголевском направлении в литературе в 1850-х годах, в частности — диалог Тургенева и Григорьева о поэзии Фета и Тютчева.

С этой точки зрения показательна статья Григорьева о поэзии Фета, опубликованная в журнале «Отечественные записки» в 1850 году. Как и Тургенев, именно поэтом прежде всего называет критик Гете, выстраивая литературный ряд «Шекспир — Гете» и сопоставляя с их творчеством поэзию Фета. Считая, как и Тургенев, трагедию «Фауст» романтическим произведением, Григорьев утверждает приоритет «внутреннего мира души» над социальностью, ⁴¹ называемой им категорично «повседневной толкотней». Критик писал: «Гете! Вот истинный идеал художника, поэта по преимуществу <...> В лиризме его заключаются все элементы, даже элементы современного лиризма <...> Гете — это эхо природы и человеческого духа, на все равно отвечающее, все возводящее равно в перл создания». ⁴² Утверждая, что «форма должна истекать из сущности содержания», ⁴³ Григорьев и прозаика Гоголя называет «великим поэтом», приводя в пример лирические отступления о дороге из «Мертвых душ» и сопоставляя «Майскую ночь» Гоголя и «Майскую песню» Гете. Такая интерпретация творчества Гоголя не только противоречила концепции Тургенева, но и была новаторской для того времени.

Творческий диалог Тургенева и Григорьева 1845—1850 годов о Гете и Гоголе позволяет дать ответ и на еще один очень важный вопрос — об отношении писателя и критика к религиозному сознанию. Герой «Фауста» для Тургенева — представитель Нового времени, времени разума (в противовес средневековому устремлению «к тому, что находится вне собственной, земной жизни»). Противопоставление в трагедии «Фауст» «сверхъестественного» / «ложно-идеального» и «земного» / «человеческого», актуализированное в рецензии Тургенева, ставит перед читателем «дельной критики» вопрос о религии. Проблема «Религиозные воззрения И.С.Тургенева» является одной из самых сложных. Безусловно, рецензия молодого Тургенева на перевод «Фауста» позволяет уточнить некоторые аспекты этой проблемы. Возможно, наиболее объективной является точка зрения Н.П.Генераловой, отметившей крайнюю противоречивость рецензии:⁴⁴ герой трагедии «становится носителем начал нового времени с его признанием автономии „человеческого разума и критики“. Если высказать иными словами мысль Тургенева, стесненного цензурными рамками, то речь идет об утрате религиозности, веры в Бога, что и приводит Фауста к договору с дьяволом. <...> В сущности, именно Мефистофель, носитель отрицательного сознания, является для Тургенева выразителем нового времени <...>. Таким образом, само отречение Фауста не вызывает в критике протеста, и не в этом видит Тургенев трагедию нового времени. Он и Мефистофеля готов считать не посланцем сатаны, а „мелким бесом“, явно понижая его в чине».⁴⁵ Бунтарский пафос статьи, утверждение в ней индивидуалистического мировоззрения и определяют тот единственный положительный мотив, который увидел Тургенев в финале трагедии Гете: «Гете в одном только отношении остался верен своей натуре: он не заставил Фауста искать блаженства вне человеческой сферы <...>»,⁴⁶ а именно в религии. Однако в чем же тогда «примирение» Фауста? Почему, с точки зрения Тургенева, именно «в недоконченности этой трагедии заключается ее величие»?⁴⁷ Словно отбрасывая вторую часть трагедии и именно поэтому считая недоконченной первую часть, писатель не верил, что «утилитарные затеи» Фауста могли заставить его насладиться «мгновением высшего блаженства». Тургенев понимал, что не в этом основная мысль Гете. «„Примирение“ Фауста происходит в трагедии *вне сферы человеческой действительности*, именно это и было неприемлемо для Тургенева», — считает Н. П. Генералова.⁴⁸ Поэтому писатель

характеризует разрешение трагедии как «жалкое и бедное», не заслуживающее внимания.

Григорьев на протяжении всей своей критической деятельности неоднократно возвращался к размышлениям о значении Гете для мировой литературы. Традиционно исследователи цитируют известное высказывание Григорьева о том, что Гете — «идеал лирического поэта по преимуществу», яркий представитель столь близкой «последнему романтику» поэзии немецкого индивидуализма. Исследователь философского наследия критика В.Ф.Кривушина в статье «О генезисе понятия „тип“ в „органической критике“ Аполлона Григорьева: Григорьев и И.В.Гёте» раскрывает тезис о том, что «объем участия творческой мысли Гете в наследии критика до сих пор не установлен»,⁴⁹ но достаточно велик. Так, понятие о «писателе как национально-культурном типе» в теории «органической критики» восходит к учению Гете о «едином типе», который лежит в основе изменения всех органических форм жизни. И.В.Гете был наставником Шеллинга, к философии искусства которого Ап. Григорьев пришел после юношеского поклонения Гегелю. Характерно, что путь В.Г.Белинского был обратным — от Шеллинга к Гегелю.

Развернутой рецензии на трагедию «Фауст» Ап. Григорьев не написал. Таким образом, анализ процитированного выше отрывка о «Фаусте» как «исповеди величайшего ума нашего века» позволяет поставить определенные акценты в позиции Ап. Григорьева в его споре с В.Г.Белинским и И.С.Тургеневым по поводу главного произведения Гете.

Проблема «странного отворачивания от внутреннего мира души» как характерной черты эпохи была подробно проанализирована критиком в статье «Гоголь и его последняя книга». Вообще, для Григорьева, который даже масонство, мистицизм воспринимал как движение, «содействующее обновлению общества не путем захвата власти или уничтожения существующих уложений, а через изменение членов общества духовно, изнутри»,⁵⁰ душа человека, его индивидуальность были некой мировоззренческой константой. Именно поэтому утверждение Тургенева о том, что «краеугольный камень человека не есть он сам, как неделимая единица, но человечество, общество, имеющее свои вечные, неизблемые законы»,⁵¹ вызвало у Ап. Григорьева желание возразить, ответить.

Для критика были взаимосвязаны вопросы религии, общественной значимости литературы и высшей ответственности человека

перед Богом за свои действия. Именно поэтому он не мог принять тезис натуральной школы о том, что человек не несет ответственности за свои действия, потому что «никто и ни в чем не виноват <...> человек — раб, и из рабства ему исхода нет». С точки зрения Григорьева, «циническое пренебрежение современного человека к высшему значению своей личной жизни» порождает «безмерно ничтожного героя» «Двойника» Достоевского, и тогда «гнусно становится вам быть человеком <...> Жил червем, умер червем — и дело кончено».⁵²

В контексте спора о том, что является «краеугольным камнем человека», иначе воспринимается и мысль Григорьева о «власти творимой силы множества над всяким и каждым, несмотря на демоническую силу личности».⁵³ «Множество», «большинство» для Григорьева — это и есть те «мелочные личности», «микроскопические существования», «оправдателя и восстановителя» которых увидела в Гоголе натуральная школа, «признавшая поэта своим вождем и главою и нисколько не понявшая своего учителя».⁵⁴ Считая, что «личность — предмет и путь разрешения тяжелых вопросов нашего века, предмет этот служил исходной точкой двух, по-видимому, различных школ — школы Лермонтова, школы трагизма, и школы юмористической, школы Гоголя»,⁵⁵ Григорьев утверждал, что от решения проблемы взаимоотношений личности и среды зависит, к какому направлению — трагическому (лермонтовскому) или комическому (гоголевскому) относятся художник и его произведения. Мысль Григорьева об определяющей роли личности противоположна точке зрения Белинского о торжестве социальной типизации.⁵⁶ Хотя человек еще очерчивается как «социальная маска» (термин Л.М.Лотман), все же у писателей натуральной школы наблюдается «стремление защитить человека от тирании среды»,⁵⁷ пробудить личность в «антиромантическом, антидемоническом рядовом человеке». Однако эти тенденции не были близки Григорьеву. Не разделял он (в силу романтического мироощущения) интереса натуральной школы к так называемому «маленькому человеку» — новому «сверхтипу русской литературы»,⁵⁸ осознавая, что личность не может быть типична, так как она уникальна и неповторима.

В статье «Гоголь и его последняя книга» критик пытается осмыслить проблемы личности, которая может погибнуть под «властью творимой силы множества»,⁵⁹ связывая основную проблему эпохи и способ ее разрешения, определяющий творческий метод писа-

телей конкретного направления. Так в творчестве Ап. Григорьева возникает антиномия «личное / индивидуальное / романтическое» в противовес «коллективному / антииндивидуалистическому / реалистическому». Именно в этой антиномии, по утверждению Г.А.Гуковского, «кроется, может быть, самая глубокая суть реализма как метода и мировоззрения искусства. Выводя личность из условий среды, реализм утверждал уже в XIX веке примат не просто общего над частным, но примат конкретного коллектива над индивидуальным зерном личности. Здесь — сущность антииндивидуалистического, коллективистского миропонимания реализма — в пределе его развития. Но именно в пределе, и только в пределе <...> Поэтому противоречие между идеей коллективного (народного, классового) и личного неизбежно и для русской литературы середины XIX столетия». Далее, размышляя о романтических мотивах в творчестве Н.В.Гоголя, критик отмечает: «Это место (отрывок из повести «Тарас Бульба». — М.С.) — не только свидетельство свободомыслия и свободолюбия молодого Гоголя, но и свидетельство романтизма его эстетического мышления; он ищет в искусстве свободы не только от насилия власти, но и от тяготения житейской объективности вообще, от „земности“, задавившей возвышенный полет духа человека <...> И на литературную арену Гоголь вышел с провозглашением — прямым, открытым изображением — высокого строя творческого духа, освободившегося в мечте, в искусстве, в сказке от „коры земности“, от тяготения общественной реальности, отвергаемой Гоголем в качестве насилия, лжи и всяческой скверны».⁶⁰

Григорьев, не разделявший романтическое в жизни и в искусстве,⁶¹ воспринимал романтизм как целостное явление и был убежден во временной безграничности романтического начала. Во многом именно как видного представителя романтического мироощущения воспринимал он Гоголя, который в своем творчестве раскрыл «всю потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь». Такое восприятие полярно отношению к Гоголю писателей натуральной школы, в частности — И.С.Тургенева. Вероятно, двойственность таланта Гоголя, о которой писали и Белинский, и Тургенев, и Григорьев, заключается в соединении в мировоззрении писателя романтизма и реализма. Осознание такого единства «романтизма, обрамленного реальными картинами и свободного от всякой фальши», и реализма, выполняющего «инструментальную функцию», когда основной замысел, основное вдохновение «очень часто восходят к лирическим

движениям в творчестве»,⁶² было во второй половине 40-х и в начале 50-х годов XIX века (в период «смерти романтизма», «проигравшего», по словам Белинского, свое дело) невозможно. Необходимость сделать выбор относительно творчества Гоголя, а значит — в направлении, в стиле, в методе — приводила к жестокой литературной полемике.

Творческий диалог А.А.Григорьева и И.С.Тургенева — одна из ее составляющих. Именно во второй половине 1840-х годов определились основные направления этого диалога, который затрагивал как вопросы восприятия творчества конкретных писателей (например, Гете и Гоголя), так и проблемы методов и направлений, и шире — путей развития русской литературы. Частью литературных дискуссий — с писателем и целым направлением в литературе — в конце 1840-х годов стали отзывы Ап. Григорьева о рассказах Тургенева, вошедших позднее в цикл «Записки охотника». Изучение этих критических статей Ап. Григорьева может стать предметом отдельного исследования.

Примечания

1. Изучению вопроса «„Записки охотника“ в критике 40–50-х годов» посвящены, напр., труды: Пятый межвузовский научный сборник: Тургенев и русские писатели. Научные труды КГПИ / Под науч. ред. Г.Б.Курляндской. Курск, 1975. Т.50 (143). В том числе — работы М.О.Габель «Из истории литературной борьбы вокруг „Записок охотника“», Л.М.Петровой «Натуральная школа и повести И.С.Тургенева», О.Я.Самочатовой «„Записки охотника“ Тургенева и журнальная проза 1840-х — первой половины 50-х годов» и др. Этот вопрос рассматривается и в статье В.А.Громова «„Записки охотника“ И.С.Тургенева и русская литературно-критическая мысль XIX века» //Четвертый межвузовский научный сборник / Под науч. ред. Г.Б.Курляндской. Орел, 1975. Т.17 (110).

2. См. об этом: *Спиридонов В.С.* Аполлон Александрович Григорьев // *Григорьев Ап.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Пг., 1918. Т.1. С.69–71. К сожалению, этот том оказался единственным, вышедшим в свет.

3. *Григорьев А.А.* Письма /Издание подготовили Р.Виттакер и Б.Ф.Егоров. М., 1999 («Литературные памятники»). С.20.

4. Там же. С.20–21.

5. См.: Там же. С.334—335.
6. Ответ Гоголя упоминается в третьем «письме» Григорьева. Видимо, речь в нем шла о художественной манере молодого автора.
7. См. об этом комментарии Р.Виттакера и Б.Ф.Егорова: *Григорьев А.А. Письма*. С.335.
8. Ап. Григорьев в «письмах» к Гоголю назвал свою недавно опубликованную статью «Гоголь и его последняя книга» «недосказанной, несмелой, ничего почти не сказавшей» (Там же. С.30).
9. *Григорьев А.А. Письма*. С.29.
10. Там же.
11. Там же.
12. Н.П.Генералова, анализируя «разночтения» в понимании второй части «Фауста» у Тургенева и А.Фета, отмечает: «...в самом начале своей рецензии, вернее, статьи о „Фаусте“ Гете, Тургенев делает комплимент русской публике, которая пережила „время безотчетных порывов и восторгов“, стала „холоднее и равнодушнее, как человек, которому надоело шутить и которому нравится одно дельное“ <...>. Эта „дельная“ публика, в числе которой был, несомненно, и Белинский, <...> и Герцен <...>, задает теперь вопрос: „...действительно ли „Фауст“ такое громадное создание?..» (См.: *Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений*. СПб., 1993. С.421).
13. Губер в статье противопоставлял «вкус читателей и суд литераторов» личным убеждениям Гоголя.
14. *Григорьев А.А. Гоголь и его последняя книга //Московский городской листок*. 1847. №64. С.256.
15. Там же. С.255.
16. Там же. №56. С.226.
17. *Григорьев А.А. Письма*. С.32.
18. *Белинский В.Г. Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. М., 1956. Т.10*. С.218.
19. А.Г. <*Григорьев А.А.*>. Гоголь и его последняя книга. 1847. №63. С.254.
20. *Анненков П.В. Литературные воспоминания /Вступ. статья В.И.Кулешова. М., 1983. С.233.*
21. *Григорьев А.А. Письма*. С.32.
22. Эта концепция была сформулирована в рецензии «Несколько слов о поэме Гоголя: „Похождения Чичикова, или Мертвые души“» (1842).

23. *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). Соч. Т.11. С.36.
24. Там же. Т.12. С.347.
25. *Леонтьев К.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1914. Т.9. С.108.
26. Финский Вестник. 1846. Т.9. [Отд.] V. С.26.
27. *Григорьев Ан.* Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. Т.1. С.240–241.
28. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. и писем: В 13 т. Т.10. С.244.
29. *Григорьев А.А.* Обзорение журналов за март 1847 года // Московский городской листок. 1847. № 68. С.273.
30. *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). Соч. Т.1. С.484.
31. Там же. С.494.
32. А.И.Батюто на примере статьи Тургенева о переводе «Фауста» развивает мысль о «родственном Тургеневу мирозозерцании Белинского». См.: *Батюто А.И.* Творчество И.С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990. С.295.
33. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т.3. С.402.
34. Там же. Т.10. С.93.
35. *Тургенев И.С.* ПСС и П (2). Соч. Т.1. С.204.
36. Там же.
37. Там же. С.206.
38. Там же. С.210.
39. Там же.
40. Проблеме романтического у Тургенева посвящено немало исследований, например: *Батюто А.И.* Творчество И.С.Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990; *Гражис П.И.* Тургенев и романтизм. Казань, 1966; *Курляндская Г.Б.* Художественный метод Тургенева-романиста. Тула, 1972; *Маевская Т.П.* Романтические тенденции в русской прозе конца XIX века. Киев, 1978; *Пустовойт П.Т.* Романтическое начало в творчестве Тургенева // Романтизм в славянских литературах. М., 1973 и другие.
41. Социальные мотивы также присутствуют в произведениях Григорьева середины 40 х годов, навеянных произведениями Жорж Санд и философией утопического социализма Фурье. Однако поэта и критика, по верному замечанию Р.Виттакера, волновали не социальные (бедность), а моральные (безверие, лицемерье) источники зла. Посещая кружок Петрашевского, Григорьев продолжал оставаться масоном, мистиком, поэтому «социальный пафос», роль «поэта-трибуна» никогда не были ему близки. См. об этом: *Виттакер Р. А.* Григорьев — последний русский романтик. СПб, 2000. С.43–69 (Гл. 3 «Поэзия эгоизма»).

42. <Григорьев А.А.> Стихотворения А.Фета. Москва. 1849 // Отечественные записки. 1850. №68(2). С.49–50. Без подп. Об авторстве см.: Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев — критик. Ст.1. Приложения. 1 // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып.98. С.229–230.

43. Там же. С.52.

44. Похоже, что Тургенев, выступая с апологией „эгоистического” стремления к наслаждениям „нового человека”, забыл, что страницей раньше он обвинял Фауста в лицемерии и пошлости, разбирая его поведение в темнице. Самого критика обуревают противоречивые чувства: сострадание к покинутой, погубленной Фаустом Маргарите, пламенное осуждение преступлений, совершенных во имя своего „я”, и в то же время страстная защита этого самого „я” (Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа... С.423).

45. Там же. С.421–422.

46. Тургенев И. С. ПСС и П (2). Соч. Т.1. С.217.

47. Там же. С.218.

48. Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа... С.428.

49. Кривушина В.Ф. О генезисе понятия «тип» в «органической критике» Аполлона Григорьева: Григорьев и И.В.Гёте // Credo. 2006. №2 (Цит. по: <http://credonew.ru/content/view/544/58/>).

50. Виттакер Р. Аполлон Григорьев — последний русский роман-тик. С.63.

51. Тургенев И.С. ПСС и П (2). Соч. Т.1. С.216.

52. Григорьев А.А. Письма. С.31–33. Отметим очевидную опечатку в указанном издании на с. 33: вместо «кончено» — «конечно».

53. А.Г. <Григорьев А.А.> Гоголь и его последняя книга. №63. С.254.

54. Там же. №62. С.250.

55. А.Г. <Григорьев А.А.> Обзорение журнальных явлений за январь и февраль // Московский городской листок. 1847. №51. С.207.

56. О типе и типичности в эстетике Белинского и Тургенева см.: Батюто А.И. Творчество И.С.Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. С.26–27.

57. Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974. С.105.

58. Там же. С.109.

59. А.Г. <Григорьев А.А.> Гоголь и его последняя книга. №63. С.254.

60. *Гуковский Г.А.* Реализм Гоголя. М., 1959. С.36.

61. «Романтический импульс» статей Ап. Григорьева исследован в монографиях Б.Ф.Егорова «О мастерстве литературной критики» (Л., 1980. С.238—262) и А.М.Штейнгольд «Анатомия литературной критики», где отмечается: «„Голос“ Ап. Григорьева определяется могучим романтическим импульсом: перетеканием логического в образное, господством в тексте одного строя чувств и одного сознания, когда содержание „я“ обретает не только местоимение „мы“, но даже „вы“, когда предельно личностной становится форма литературной объективации — „автор статьи“ <...> Авторское „я“ Григорьева порой гипнотически воздействует на читателя, заранее предрешает его реакцию, в том числе и интимно-психологическую, отождествляя ее со своей собственной <...>» (С.50).

62. *Зеньковский В.В.* Н.В.Гоголь //Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В.Гоголь /Предисл., сост. Л.Аллена. СПб, 1994. С.221.

В.А. Лукина
Санкт-Петербург

ЖЮЛЬ ЖАНЕН В СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКЕ И.С. и В.П. ТУРГЕНЕВЫХ

Несмотря на то, что имя французского писателя, журналиста, литературного и театрального критика Жюль Габриэля Жанена (Janin; 1804—1874) лишь несколько раз упоминается в письмах Тургенева к Полине Виардо,¹ творчество автора нашумевшего в свое время романа «Мертвый осел и гильотинированная женщина»² было хорошо знакомо писателю. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма матери — Варвары Петровны Тургеневой (1787—1850) — к сыну Ивану, из которых явствует, что произведения Ж.Жанена не только входили в круг ее чтения, но и, по всей видимости, относились к числу излюбленных книг.³ О том, что «модные» сочинения Ж.Жанена, наряду с Ш.Нодье, Д.Жирарден и др., живо интересовали В.П.Тургеневу, пишет и Л.А.Балыкова, основываясь на многолетнем изучении и описании мемориальной библиотеки Тургеневых-Лутовиновых, хранящейся в Орловском объединённом государственном литературном музее И.С.Тургенева.⁴

Помимо упомянутого уже романа «Мертвый осел...», внимание

В.П.Тургеневой могли привлечь и другие книги Ж.Жанена, например, его романы «Исповедь» («La Confession», 1830) и «Барнав» («Barnave», 1831).⁵ Могла заинтересовать ее и повесть Ж.Жанена «Телеграф Ренсийский», русский перевод которой появился в «Телескопе» в 1832 году, а затем был включен Н.И.Надеждиным в сборник «Сорок одна повесть лучших иностранных писателей...», и другие произведения писателя.⁶ Отзывами о новых сочинениях Жанена пестрели и русские журналы: «Московский наблюдатель», «Телескоп», «Библиотека для чтения» и др. Представление о том, как воспринимали в России творчество Ж.Жанена в радикально настроенных кругах, отчасти дает отклик В.Г.Белинского, который видел в нем прежде всего яркого представителя «современной французской литературы», страдающего в силу этого «важными недостатками», но в то же время наделенного признаками «яркого и сильного таланта». «...Журнальная проза составляет главную стихию Жаненова таланта, — писал критик во второй части статьи «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“», — главную, но не исключительную, как мы думаем. Жанен не ученый, не критик, а просто литератор, в высочайшей степени обладающий талантом говорить на бумаге, литератор, каждая статья которого есть беседа (conversation) умного, образованного и острого человека, разговор беглый, живой, перелетный, как бабочка, трескучий, как догорающий огонек камина, дробящий предмет, как граненый хрусталь; присовокупите к этому неподражаемую легкость и болтливость языка, легкомысленность в суждении, неистощимую, огненную деятельность, всегдашнюю готовность говорить о чем угодно, даже и о том, чего не знает, но, в том и в другом случае, говорить основательно, вздорно, бесстыдно: и вот вам причина народности Жанена. Что Беранже в поэзии, то Жанен в журнальной литературе. Мы этим не думаем равнять великого и истинного поэта современной Франции с журнальным болтуном: мы только хотим сказать, что тот и другой суть выражение своего народа и потому его исключительные любимцы».⁷

Следует отметить, однако, что в дошедшем до наших дней составе мемориальной библиотеки Тургеневых ни одно из указанных отдельных французских и русских изданий не значится.⁸ Единственное произведение Ж.Жанена, числящееся в Каталоге книг на иностранных языках, представляет собой первое французское издание «Les Amours du chevalier de Fosseuses», вышедшее в Париже в 1867

году и принадлежавшее (судя по владельческому штампу) брату И.С.Тургенева — Николаю Сергеевичу.⁹

Тем не менее, из писем В.П.Тургеневой мы узнаем название еще одной книги Ж.Жанена, которая, безусловно, находилась в ее библиотеке и на протяжении осени и зимы 1838 — первой половины 1839 года не раз становилась предметом своеобразного диалога матери с сыном. Речь идет о собрании новелл «Contes fantastiques et contes littéraires» («Фантастические и литературные истории»), вышедшем в Париже в 1832 году.¹⁰

По всей видимости, В.П.Тургенева приобрела эту книгу летом или осенью 1838 года. Она могла заказать ее, например, во французской книжной лавке Urbain (Урбена) в Москве на Кузнецком мосту, услугами которой часто пользовалась, наряду с другими книжными лавками — Готье (Gautier) и Риса (Riss). Так, ранее в том же 1838 году Варвара Петровна выписала у Урбена описание Голландии на французском языке, о чем не преминула сообщить сыну в письме от 30 июля (11 августа).¹¹ Двухтомное парижское издание «Contes» Жанена, как следует из Приложения к Каталогу книг, поступивших в продажу, можно было купить у Урбена еще в 1833 году за 9 рублей.¹²

Судя по всему, «Contes» «литературного повесы»¹³ Жанена произвели неизгладимое впечатление на Варвару Петровну, и вскоре она рекомендует их взыскательному вкусу своего младшего сына. Упомянутое письмо Варвары Петровны (в котором имя автора было указано ошибочно) не сохранилось,¹⁴ однако в одном из последующих обширных посланий она вновь напоминает о полубившейся ей книге. На этот раз она особо выделяет одну из 22-х вошедших в сборник новелл, в которую включены стихотворения о любви, и даже выписывает из нее на отдельном листке (не сохранился) несколько поразивших ее стихотворных фрагментов. «В прошедшем письме, — замечает она, — рекомендовала я тебе, душа моя, читать „Contes fantastiques” и наврала раг qui?.. (чьи?.. — франц.) de Jules Janin. Сослепу не разобрала и Бог знает чьи написала. — Ах, Ваня, как хорошо „Soirée poétique”, не могу удержаться, чтобы не выписать тебе несколько стишков. — О! я уверена, что тебе они будут по сердцу».¹⁵

Столь понравившаяся Варваре Петровне «La Soirée poétique» («Поэтическая вечеринка») представляет собой шестую из восьми новелл, вошедших в состав 4 го тома «Contes fantastiques et contes littéraires».¹⁶ В основе ее незамысловатого сюжета — посещение группой молодых людей спектакля, автором которого является их товарищ. По окончании

пьесы все испытывают разочарование, поскольку произведение, с которым они были уже знакомы, прозвучало в шумном зале совсем иначе, хотя и имело успех у публики. Шум толпы, выкрики и проч. утомили друзей, кроме того, пьеса была написана прозой, в то время как, по выражению одного из героев, «лишь стихи являются подлинным языком страсти, голосом как счастливой, так и несчастной любви». Обсуждение преимуществ пьес, написанных стихами, перешло в импровизацию, в которой принимают по очереди участие четверо из собравшихся, выражая собственные переживания и создавая на глазах у слушателей подлинную драму. Эта коллективная импровизация, созданная «не для толпы, а для избранных», и является настоящим сюжетом новеллы.

Очевидно, Варвара Петровна выписала для сына несколько фрагментов поэтического текста, находя в нем параллели к собственным переживаниям и надеясь, что поэтические строки более достигнут своей цели, нежели ее постоянные жалобы и упреки. Несмотря на то, что листок с выписками из «*La Soirée poétique*» не сохранился, можно предположить, что он был составлен в духе тех «*extraits*» (как называла их сама Варвара Петровна), которые она заносила в свои памятные книжки (привычке делать выписки из понравившихся книг она, по-видимому, не изменяла на протяжении всей своей жизни).¹⁷ Какие же поэтические строки так пришлись по душе В.П.Тургеневой и оказались настолько созвучны ее настроениям в ту пору, что она безапелляционно заключала в одном из писем: «Вот это стихи, это ворочает и душу и сердце... это чувствуешь в крови. — Это не то, что любимые твои... ямбы... и еще как вы их называете. Мое дело темное, а читать вас тяжело и непонятно... Да где же рифма-то... Ищешь, ищешь... а смысл... Тьфу... пропасть. — Непонятно».¹⁸ Возможно, ее привлекло четверостишие:

*Je t'aime! encor ce mot, tu ne peux s'en défendre,
Car ce n'est pas d'espoir que je te viens parler;
Mais je souffre: à tes pieds, ah! laisse-moi répandre
Des larmes pour me consoler.*¹⁹

Особую значимость для Варвары Петровны могли иметь также следующие стихи:

*Oui, ton âme est de feu, mais ton esprit la glace.
L'harmonieux aveu d'un amour inventé*

*Te touche; et tu te ris d'un amour sans grâce,
Et nu comme la vérité.*

*Et celui-là sera ton maître et ton idole,
Qui chantera le mieux son amour éclatant;
Et moi, qui donnerais ma vie à ta parole,
Tu me diras: Va-t'en.*

*Car moi je ne suis rien qu'une malheureuse qui t'aime,
Crée pour faire un nombre arrêté par le sort;
Ignorée dans ma vie, et qui ne sais pas même
Si quelqu'un apprendra ma mort.²⁰*

Однако, как следует из дальнейших писем В.П.Тургеневой, выписки из Жанена не произвели должного впечатления на Тургенева и оставили его безучастным. «Я очень сожалею, — упрекала сына Варвара Петровна в письме от 1 (13) января 1839 года, — что ты до сих пор не читал „Contes fantastiques“ et „Contes et fantaisies“, par Hoffmann...²¹ Я тебе дарю их на Новый год, купи на мой счет и, прочтя, брось. — Jean Bart...²² тебе полюбится и „Soirée poétique“... О, прелесть». И добавляла далее: «Насчет же рекомендованных мною тебе книг ты знаешь, Jean... ты знаешь, что ты не оттого их читаешь, что я рекомендовала... Нет! — Смело скажу, тебе полюбится отменно».²³

Упомянутый Варварой Петровной Jean Bart (Жан Бар) — это, по всей видимости, герой еще одной новеллы Жанена «Le Haut-de-chausses» («Штаны»),²⁴ который, очевидно, должен был «полюбиться» Тургеневу прежде всего за свой независимый, свободолобивый характер, а также за равнодушие к материальным благам.²⁵

Однако и на этот раз призыв матери Тургенев, по-видимому, оставил без внимания. И если в письме от 31 января (12 февраля) 1839 года она с досадой спрашивает: «Что ты, наконец, читал Jules Janin... или все еще моими выписками довольствуешься»,²⁶ то в написанном через неделю послании сквозит уже настоящая обида: «Более-то я и не придумая, что писать. <...> Разве опять выписывать *extraits* (отрывки. — *франц.*) от нечего писать. Я бы желала знать твое мнение, да достал ли ты, наконец, я бы очень [жел]ала прочитать твой перевод „*Oh!.. c'est un noir plaisir...*“. Так ли тебе это пондравилось, как мне!».²⁷ Это письмо особенно ценно тем, что в нем Варвара Петровна называет одно из полюбившихся ей стихотворений Жанена из «*La Soirée poétique*» (в одном из

последующих писем — от 26 марта (7 апреля) — она приведет его текст целиком) и просит сына перевести его для нее:

*Oh! c'est un noir plaisir, à cette heure funeste,
De voir couler des pleurs pour ceux qu'on a versés,
Et d'appuyer sa main sur le cœur qu'on déteste
Pour y senter la peur qui bat à coup pressés.*²⁸

Не случайно она дальше противопоставляет «Oh! c'est un noir plaisir...» признанию Алеко в «Цыганах» Пушкина, отдавая предпочтение герою Жанена: «Для меня это лучше Пушкина: „спящего врага толкнул“...». И вновь интересуется мнением Тургенева о Жане Баре: «...а что Jean Bart... А!.. Хорошо! — Хоть бы ты мне спасибо сказал — ежели по вкусу. — Да напиши же, душенька, ведь это мне интересно. Я купила и положила в твой шкаф-библиотеку».

Обращение к авторитету Пушкина, благоговейное отношение к которому Тургенева было великолепно известно Варваре Петровне, должно было задеть писателя за живое.²⁹ На этот раз он откликнулся на просьбу матери и вскоре прислал ей перевод стихотворения «Oh! c'est un noir plaisir...» (текст его остается неизвестным), который, однако, ее совсем не удовлетворил. «Мне кажется, душа моя, ты не так понял „Oh!.. c'est un noir plaisir...“, — замечает она в следующем письме. — По-моему, смысл этому иначе. — А вот, кажется, à peu près (приблизительно. — *франц.*) — смысл.

О!.. это черныя души радости — Низкой души радости...

т.е. что таковые радости доказывают в человеке черную душу!». Далее Варвара Петровна еще раз возвращается к сравнению героя Жанена с Алеко, готовому вонзить кинжал в сердце неблагодарной, коварной возлюбленной и отомстить более счастливому сопернику любой ценой. Напомним, что на замечание Старика о том, что любые попытки силой удержать любовь и — тем более — отомстить за неразделенное, оскорбленное чувство лишены смысла:

*К чему? вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.*

Алеко гневно отвечает:

*Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом утрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.*

Именно это место поэмы имеет в виду Варвара Петровна, когда говорит: «И вот почему я с отвращеньем всегда читала в „Цыганах” Пушкина:

*Я спящего врага... и беззащитного... и долго мне его паденья смешон
и сладок был бы гул.*

О!.. это могла сказать Пушкина мстительная душа, Губарева... и пр<о>ч... Их черные души могут быть мстительными до того, что на беззащитного, на сонного... О!.. Ужас, фи... Я женщина, я не умела выразить свое чувство. — Но!.. когда прочла сии стихи — *Jules Janin* <...> я прочла молитву — и сказала: благословенно чрево, родшее тя, — *Jules Janin*».

Неудовлетворение Варвары Петровны переводом Тургенева было, по всей видимости, обусловлено тем, что Иван Сергеевич не разглядел, по ее мнению, в стихотворении Жанена морального осуждения низких чувств лирического героя. Подобной «морали» она не увидела в поэме Пушкина, приняв Алеко за alter ego поэта.

«Нет, ты нехорошо перевел, сын мой, нет!.. — повторяет она. — Твой перевод не имеет смысла de Jules Janin (Жюль Жанена. — франц.).

Я благодарю Бога — je tiens mon ennemie en mon pouvoir,³⁰ но! — сказала: Tu! — allons, ne souffre pas, ta douleur me fait mal. — Non... point de douleur pour la douleur. Oh!.. c'est un noir plaisir.³¹

И ежели ты, сохрани Бог, мой сын, таков — то!.. ради Бога скрывай от меня это — чтобы мои уста не произносили проклятия... *fuis... fuis*³²». И далее вновь упреки за недостаток внимания: «Однако, Иван. — Я ждала от тебя утешительного слова. — *Mericée — pour Jules Janin... pour Jean Bart, pour „La Soirée poétique”*. — *Vous m’avez prouvé, bonne maman, une lecture agréable.*³³

Нет!.. Нет!.. ты не деликатен у меня, хотя, по твоим словам, добр, как кислое или, бишь, снятое молоко. — *Спасибо* получить верному слуге очень приятно. — А я, друзья мои, ваша, вся ваша. — Служу верую и правдою».³⁴

Остается только сожалеть, что ответ Тургенева на это письмо матери неизвестен. Одно можно сказать определенно — он доставил ей большое удовольствие. «Твое письмо так мило и так умно сей раз, — пишет она 28 мая (9 июня) 1839 года, — и потом так то, что [ты описываешь] верно, как будто ты был в моей внутренней! — Да!.. ты мой, мой [сын.] <...> все, что я — ты, точно мне страшнее [тот, на] кого я сержусь — нежели я ему. — И потому [мне не понравился твой пер<евод?>] из... из... „O!.. c’est un noir plaisir...”. — Да! я не принимаю удовольствия радоваться несчастью врага. — Несчастлив он — он мне друг. — Конечно негодованье».

Трудно сказать, пытался ли И.С.Тургенев спорить с матерью по поводу сопоставления Пушкина с В.И.Губаревым, давним приятелем Варвары Петровны, и с Жюлем Жаненом. Скорее всего, он отказался от этой мысли, понимая, что его возражения дадут ей новый повод для дискуссий на литературные и нравственные темы, дискуссий, которых Иван Сергеевич старался избегать. Очевидно, он предпочел перевести стихотворение Ж.Жанена так, как хотела мать, и согласиться с нею относительно нравственных и художественных достоинств французского писателя.

О том, что литературные вкусы матери в действительности были далеки от пристрастий самого Тургенева, красноречиво говорит его собственное более позднее признание: «Мать моя была женщиною, вполне вливавшеюся в форму XVIII и первых десятилетий XIX века. Пушкина она едва-едва признавала за замечательного писателя, но литературу русскую далее Пушкина положительно не признавала. Поэтому, хотя она умерла в 1850 году, т. е. когда я уже лет семь как деятельно участвовал в журналах, она не признавала во мне писателя, да и ни одной статьи моей, ни даже „Записок охотника” совершенно не читала».³⁵ Скептическое отношение к поэтическому творчеству

сына, открытое неприятие столь «любимых» им «ямбов», по ее выражению, скорее препятствовало откровенному обсуждению литературных новинок и обмену мнениями, которых так жаждала Варвара Петровна, а, напротив, еще более отдаляли его от нее.

Примечания

1. После 1830 года Ж.Жанен становится постоянным театральным критиком правительственной газеты «Journal des Débats», где помещает многочисленные рецензии. О двух подобных рецензиях, в которых упоминается Полина Виардо, Тургенев сообщал в письмах к ней от 24 мая (6 июня) и от 27, 28 июня (9, 10 июля) 1849 года. См.: *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1982. Т. 1. С. 283, 292–293.

2. Роман Ж.Жанена «L'âne mort et la femme guillotinée» вышел в свет в Париже весной 1829 года и имел скандальный успех, вызвав бурное обсуждение в печати, в том числе в России, где, по наблюдению В.В.Виноградова, он был воспринят «как манифест „неистовой литературы“». Особенно ожесточенные споры в русских литературных кругах разгорелись после появления русского перевода романа в 1831 году (см. об этом: *Виноградов В.В.* Романтический натурализм: Жюль Жанен и Гоголь // Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 77–91. Впервые статья была опубликована в 1925 году в 3-м выпуске альманаха «Литературная мысль»). В России роман вышел в двух книгах также без указания имени автора под заглавием «Мертвый осел и обезглавленная женщина» (М.: Унив. тип., 1831).

3. О литературных «пристрастиях» В.П.Тургеневой см. работы Л.А.Бальковой: 1) *Les livres français de la bibliothèque de Tourguéniev // Cahiers Ivan Tourguéniev — Pauline Viardot — Maria Malibrán. N 5 (1988). P. 37–38;* 2) Книги Августа фон Коцебу в личной библиотеке И.С.Тургенева // Библиофил. 2000. № 1. С. 212–221; 3) «Голубая тетрадь». Книжные вкусы С.Н. и В.П. Тургеневых // Балькова Л.А. Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005. С. 33–40 и др.

4. См.: *Балькова Л.А.* «Голубая тетрадь». Книжные вкусы С.Н. и В.П.Тургеневых. С. 34.

5. Необходимо отметить, что первое и последовавшее за ним в 1830 году второе издания «Мертвого осла...» вышли без указания

имени автора. На обложке второго романа Жанена «Исповедь», появившегося в апреле 1830 года, уже значилось: «написанный автором „Мертвого осла“». «Впрочем, — как отмечает современная исследовательница, — все уже в Париже давно знали, кто автор. Эти книги принесли Жанену не только громкую славу, но и официальное признание авторства его первого романа» (см.: *Принцева О.И. Жюль Жанен, или Первые шаги «неистового романтизма» // Французская литература 30–40 х годов XIX века: «Вторая проза» / Отв. ред. А.Д. Михайлов, К.А. Чекалов. М., 2006. С. 105).*

6. См.: Сорок одна повесть лучших иностранных писателей (Бальзака, Бальоля, Блюменбаха, доктора Гаррисона, Е. Гино, Гофмана, А. Дюма, Ж. Жанена, Вашингтона Ирвинга, Кинда, Крузе, И. Люка, Сентина, Тика, Цшокке, Ф. Шаля и других): В 12 ч. М.: В тип. Н. Степанова, 1836. Ч. 8.

7. Впервые: *Телескоп*. 1836. № 6. Цит. по: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 142.

8. Сведения о составе «русской» части библиотеки Тургеневых-Лутовиновых см.: Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог / Сост. и автор вступит. статьи Л. А. Балыкова. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на рус. яз. 208 с. Научное описание «журнальной» и «иностранный» частей этого фамильного книжного собрания готовится в настоящее время силами сотрудников ОГЛМТ.

9. За возможность ознакомиться с машинописью Каталога приношу искреннюю благодарность заведующей музеем И. С. Тургенева Людмиле Анатольевне Балыковой.

10. Первое французское издание «Contes» вышло в двух книгах, каждая из которых подразделялась на два тома. В 1834 году появился русский перевод трех новелл первого тома («Крейслер», «Смерть Дуаена» и «Женни-цветочница») под названием «Фантазии». См.: *Жанен Ж. Фантазии*. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1834. Ч. 1. Вскоре на этот перевод откликнулась «Северная пчела», поместившая рецензию: *Фантазии Жюль-Жанена*. Перевод с французского. Часть I. Спб. 1834, в 12 д. 159 стр. (рец.) // *Северная пчела*. 1834. № 20.

11. См.: Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838–1844) / Подготовка текста В. А. Лукиной, коммент. С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной. Ч. 1 // *И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы*. М.; СПб., 2009. Вып. 1. С. 508. Продолжение публикации (часть 2), в которую вошли письма за конец 1838–1840 годы, вскоре выйдет во 2-м выпуске сборника «И. С. Тургенев. Новые исследе-

дования и материалы». Далее ссылки на эту публикацию: *Письма В.П.Тургеневой*, с указанием части и страницы.

12. См.: Premier Supplément au Catalogue des livres en vente chez Ch. Urbain et Comp. à la Petroffka, maison Annenkoff, à Moscou. M., 1833. P.2. Примечательно, что на этой же странице вниманию потенциальных покупателей предложены «Contes fantastiques, par Hoffmann, trad. d'allemand par Loève Weimar» в 4-х томах и «L'Imitation de Jésus-Christ, traduction nouvelle, par M. l'abbé F. de la Menaie avec des réflexions à la fin de chaque chapitre», которые не могли оставить Варвару Петровну равнодушной.

13. Определение, данное Жанену Белинским в упомянутой выше статье. См.: *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т.2. С.141.

14. Очевидно, первое упоминание о «Contes» Жанена содержится в той части письма от 14 (26) октября – 21 октября (2 ноября) 1838 года, которая была впоследствии утрачена (см.: *Письма В.П.Тургеневой*. Ч. 1. С. 568–572).

15. Письма В.П.Тургеневой. Ч.1. С. 580. Письмо от 13 (25) ноября 1838 года.

16. Помимо нее, в томе были опубликованы: «Iphigénie», «Strafford sur l'Avon», «Les Châteaux en Espagne d'une jeune Fille», «La Vente à l'Encan», «Rambouillet», «La Rue des Tournelles» и «La Ville de Saint-Etienne (Loire)».

17. Исследователям известны две подобные записные книжки: так называемая «Голубая тетрадь» (*ИРЛИ*. № 13506) и московская памятная книжка (*РГАЛИ*. Ф. 509). Как отмечает Л.А.Балыкова, в «Голубой тетради», например, «можно прочесть отрывки из Евангелия, Монгомери, г-жи де Жанлис, В.Скотта. „Записи мыслей своих и чужих“ <...>, писавшиеся ею, по-видимому, на протяжении многих лет, представляют собой свод рассуждений и выписок из книг о смысле жизни, о любви, о добре и зле, о семейном счастье, о наилучшем устройстве домашней жизни, о воспитании детей» (см.: *Балыкова Л.А.* «Голубая тетрадь». Книжные вкусы С.Н. и В.П. Тургеневых. С. 34–35). Подобные записные книжки были популярны в дворянской среде, особенно среди женщин.

18. *Письма В.П.Тургеневой*. Ч.2 (в печати). Письмо от 1 (13) января 1839 года.

19. *Janin J.* Contes fantastiques et contes littéraires. Paris, 1832. Т.4. P.113.

*Люблю! Люблю навек, куда тебе укрыться,
Защиты нет, люблю, как и надежды нет,
Страдаю, но позволь у ног твоих пролиться
Слезам моим, раз утешенья нет.*

20. Ibid. P. 117—118.

*Душа твоя пылка, но разум лед и ветер.
Признание в стихах кокетки записной
Так трогает тебя, но смех простушку встретит,
Нагую правду истины святой.*

*Тот станет идолом и править будет снова,
Кто лучше воспевает превратности любви,
А я, что отдала б и жизнь свою за слово,
Услышу от тебя: Уйди.*

*Ведь кто я? Я никто, страдальца, кто любит,
Былинкам несть числа, гонимыми судьбой,
Безвестной прожила, не зная, что там будет,
Заметит ли он смерть, ту, что придет за мной.*

21. «„Фантастических историй” и „Сказок и фантазий” Гофмана...» (франц.). Речь идет о книге: «Contes et fantasies de E.T.A.Hoffmann, traduits de l'allemand et suivis de sa vie par M.Loève-Veimars. Bruxelles, 1834», которая сохранилась в мемориальной библиотеке Тургенева. По всей видимости, Варвара Петровна рекомендовала ее сыну для прочтения одновременно с «Contes» Ж.Жанена, в том самом письме, конец которого утрачен.

22. У В.П.Тургеневой: «Вагг». Следует отметить описку, которую Варвара Петровна, по-видимому, допустила в этом слове: «Вагг» вместо «Bart». Подобного рода описки или ошибки довольно часто встречаются в ее письмах (например, «Hoffman» вместо «Hoffmann», «d'Arbantesse» вместо «d'Abrantès» и т. д.).

23. *Письма В.П.Тургеневой*. Ч.2 (в печати).

24. А не один из французских поэтов, которым, как пишет Л.А.Павлова, В.П.Тургенева отдавала «поэтические предпочтения» (см.: Павлова Л.А. «Недаром я мать поэта...» (Жуковский и Пушкин в письмах В.П.Тургеневой к сыну) //Спасский вестник. Тула, 2009. Вып.17. С.116).

25. Как следует из новеллы, Жан Бар — моряк, командир королевской эскадры, оказывается в таверне «Два лебедя» после посе-

щения королевского дворца. Вместо тяжелых, украшенных чистым золотом штанов и куртки, расцарапавших ему до крови тело, он надевает поношенные, залатанные штаны и чувствует себя совершенно счастливым. Пребывание во дворце, куда он попал на прием к королю, наводит на него тоску: королевская кошка его оцарапала, выругавшись от боли, он узнал, что во дворце нельзя ругаться, а также сидеть, курить, насвистывать и т. д. Уходя из дворца, Жан Бар взял с короля слово к следующему его посещению приказать привратнику не запрещать ему делать то, чему он «научился на королевской службе». Когда же король спросил, как ему удалось победить неприятельскую эскадру, Жан Бар показал это, начав теснить придворных, и вызвал у короля и маркизов смех.

26. *Письма В.П.Тургеневой*. Ч.2 (в печати).

27. Там же. Письмо от 7 (19) февраля 1839 года.

28. *Janin J. Contes fantastiques et contes littéraires*. Т.4. P.125

О радость черная, в тяжелый этот час

Увидеть слез ручьи, пролитые из глаз,

Оплаканных тобой, и руку возложить

На грудь врага, внемля: трепещет и дрожит.

Не вызывает сомнений, что стихотворение «Oh! c'est un noir plaisir...» представляет собой далеко не единичный пример переводов, осуществленных Тургеневым по просьбе Варвары Петровны. Вероятно, их было значительно больше. В это время писатель все-раз пробовал свои силы на поприще художественного перевода, и подобные просьбы воспринимались им, очевидно, как своего рода упражнения в мастерстве. Возможно, и перевод Песни Фортунии из комедии Мюссе «Подсвечник», сохранившейся в архиве компаньонки Варвары Петровны — В.Н.Колонтаевой, был из их числа.

29. Отметим, что в письмах к сыну Варвара Петровна неоднократно цитирует и обыгрывает строки из целого ряда произведений Пушкина, отчасти желая угодить ему, но в то же время выделяя творчество поэта среди других современных русских писателей. Попытка собрать сохранившиеся в ее переписке упоминания недавно была предпринята в упоминавшейся уже статье: *Павлова Л.А.* «Недаром я мать поэта...» (Жуковский и Пушкин в письмах В.П.Тургеневой к сыну). С. 117—121, однако собранные данные нуждаются в дальнейшем осмыслении.

30. я владею своими чувствами (буквально: я держу своего врага в своей власти) (*франц.*).

31. Ты! — не страдай, твоя боль мучит меня. — Нет... не нужно платить болью за боль. О!.. это радость черная (*франц.*).

32. тьфу... тьфу (*франц.*).

33. *Спасибо (искаж.)* — за Жюля Жанена... за Жана Бара, за «Поэтическую вечеринку». — Вы мне обеспечили, добрейшая мамаша, приятное чтение (*франц.*).

34. *Письма В.П.Тургеневой*. Ч.2 (в печати). Письмо от 26 марта (7 апреля) 1839 года.

35. Z*** <Майков Л.Н.> Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4 го марта 1880 г. //Русская старина. 1883. Т.40. №10 (Октябрь). С.202.

А. Звигильский
Франция, Буживаль
Музей Тургенева

И.С. ТУРГЕНЕВ И МАРКО ВОВЧОК

Сексуальная жизнь Ивана Тургенева до сих пор не была предметом специальных исследований. Тем не менее, следует указать на Дневник Эдмона Гонкура, в котором предстает интимная сторона жизни Тургенева, весьма откровенно рассказывавшего о своих похождениях с женщинами в мужской компании во время «обедов пяти».

Со своей стороны, мы имели случай продемонстрировать, основываясь на этих откровениях, те значительные трансформации, которые претерпевали события жизни писателя-реалиста, будучи перенесенными на бумагу. Он был «реалист, чтобы все увидеть, поэт, чтобы все украсить», как верно заметила Жорж Санд. Формулировка, к которой мы добавили ещё один нюанс.

Сексуальность является определяющим фактором для Тургенева в процессе его литературного творчества: в свое время мы показали это на примере рассказа «Три встречи» и стихотворения в прозе «Встреча». В обоих случаях женщина является инициатором отношений. Психологический механизм, как мы увидим, играет не последнюю роль в случае с Марко Вовчком, которую мы будем называть её настоящим именем — Мария Александровна Маркович.

В переписке Тургенева 1859-1862 годов с этой украинской или русско-украинской писательницей, родившейся в «селе Екатери-

нинское Елецкого уезда Орловской губернии», мы замечаем постоянное влечение, которое испытывал Иван в течение трех лет общения с ней и бесплодных попыток добиться взаимности. Правда, во время своих многочисленных передвижений по Европе Мария Александровна нередко предстает в окружении мужчин. Она моложе его на 15 лет, что является её преимуществом, но у неё есть муж и шестилетний сын, которого она берет с собою во все свои путешествия, кроме того, она не красавица, как и Полина Виардо, бывшая много старше Марии. Известно, что Полина ревновала к ней Тургенева; в 1862 году в письме к нему она назвала её «ваша малороссийская толстушка». Та самая Полина Виардо, у которой с конца 1858 года завязался «идеальный роман» с немецким дирижером Юлиусом Рицем.

Неопубликованное письмо к Юлиусу Рицу от 15 декабря 1858 года не слишком лестно для Тургенева, который, кажется, вовсе не занимает её мысли: *«Я напишу вам ещё вечером. Это принесет мне облегчение! После смерти Ари Шеффера я не писала писем, от которых становится легче. Его смерть оставила меня в печальном одиночестве – у меня есть друзья, но нет ни одного, кого бы я любила так, как этого человека, который во многих случаях был мне и водителем, и отцом, и спасителем. Будь благословен Господь, пославший мне вас и открывший, чем вы можете стать для меня! До вечера, брат мой. Пишите экспресс-почтой, чтобы мне не пришлось ждать дольше необходимого.*

Сердечно ваша.

Среда.»¹

Характер связи Полины и Юлиуса легко прочитывается в этом письме: он – брат её, она – его сестра. В то же время характер отношений Марии и Ивана не столь очевиден: был ли он платонического или физического свойства?

Полина и Мария. Тургенев снова встречает в новой любовной ситуации прежние препятствия: муж и ребёнок, что, парадоксальным образом, является для него преимуществом, ибо есть нечто мазохистское в его манере любить. И потом, это имя: Мария. Как сестру Полины, её зовут Марией, это его любимое имя, как он ответил на вопрос анкеты 1869 года. Было, по меньшей мере, две Марии в его жизни: сестра Льва Толстого и украинка. Потом явится актриса Мария Савина.

Несмотря на то, что «малороссийская толстушка» вовсе не красавица, Тургенев, тем не менее, выразил нелепое желание познакомиться

её с Павлом Васильевичем Анненковым: «<...> вы должны непременно сойтись с ней<...> Чур не влюбиться! Что весьма возможно, несмотря, что она не очень красива»². Тот отвечал ему 5 сентября 1860 года, когда знакомство состоялось: «Жаль, что недостает времени и пространства для развития этого знакомства»³. По-видимому, именно интеллектуальные качества личности привлекают Ивана Сергеевича прежде всего. Марко Вовчок пишет, и Тургенев выступает её переводчиком, что льстит ей. Ещё до знакомства с нею он перевел её «Украинские народные рассказы» на русский язык, затем он принимается за «Институтку» («Панночка») – в то время как сам занят работой над новым романом «Накануне». Благодаря знанию русского языка Мериме первый во Франции познакомился с книгой Марко Вовчка: Тургенев подарил ему экземпляр редкого издания «Украинских рассказов», вышедшего в свет в 1859 году. Мериме дважды намеревался перевести один из них (в 1860-м и 1869-м) – «Козачка». «*Стенька Разин, Пугачев и другие великие бунтари были правы в своем стремлении уничтожить злоупотребления самыми быстрыми и энергичными средствами*». «*Повести Марко Вовчка, как мне кажется, способны зажечь крепостных, чтобы они вспорали брюхо своим господам*». Все же автор не столь радикален в своем юношеском произведении. Но она описывает крестьянский бунт в неоконченной повести «Гайдамаки». Заметим, что у Тургенева был похожий сюжет: мужики из «Записок охотника» не бунтуют, но в его последнем создании «Конец» есть предощущение Октябрьской революции.

В 1859 году Тургенев уже признает значение писательницы, которая проникается атмосферой социальных преобразований, столь же необходимых Украине, как и России.

Иван путешествует с Марией по Германии. Воспоминания, которые он сохранит о тех странствиях, исполнены поэзии, но он далек от того, чтобы перейти к действиям, хотя и желает обладать этой женщиной. Он помнит, что ему понадобилось шесть лет ожидания, чтобы увенчалась его любовь к г-же Виардо. Судя по всему, когда он, после трех лет знакомства, окончательно расстанется с Марией, даже в финале их истории он будет лишь на подступах к цели: «*Жму Вам руку – и делаю ещё что-то, на что Вы, бывало, никогда не отвечали*» (Письма, 4, 333; Письмо от 22 мая (3 июня) 1861 года). В самом деле, из 48 дошедших до нас писем Марии в конце каждого мы прочтем лишь неизменное «преданная Вам», и никакого намека на

поцелуй. Это «преданная Вам» соответствует более или менее выражению «сердечно Ваша», которое заключает, как мы заметили, письмо Полины Виардо к Юлиусу Рицу. Выражение, лишенное плоти, малейшего намека на чувственность в отношениях корреспондентов. В своем последнем письме от 28 сентября 1862 года, Тургенев рискнул, ибо терять ему больше нечего, написать: *«Целую Вас – во уста сахарныя» - на бумаге это Вас не рассердит»* (Письма, 5, 108).

Пришло время сказать, кем же была та, кого Тургенев называл «Сфинксом» и «престранным существом», которое «разобрать очень трудно» (письмо от 22 мая (3 июня) 1861 года). Пришло также время попытаться вникнуть в сложную психологию Тургенева в её столкновении с собственной сексуальностью и в разрешении этого столкновения - в литературном творчестве. Письма Герцена и Тургенева, которыми они обменялись в ноябре 1860 года, просвещают нас на сей счет. Герцен, 9 ноября: *«Далее (свято между нами). "Die Liebe muss sein Platonisch" ("любовь должна быть платонической" – цитата из стихотворения Гейне "Sie sassen am Theetisch") – мы это знаем. Но М<арья> А<лександровна> жила вместе и ездила вместе с молодым человеком и всё "aristotelisch", то есть не платонически, я знаю верно. Пишу это к одному тебе, потому что мне смешно, что ты на практике и сегодня не такой психолог, как в "Накануне"»⁴*. Тургенев отвечает 14 ноября: *«Ты знаешь, что я нахожусь в отношении к М<арье> А<лександровне> в положении дяди или дядьки и говорю с ней очень откровенно. Я совершенно убежден – и это убеждение основывается именно на тех психологических данных, о которых ты упоминаешь; но les apparences - действительно против неё»* (Письма, 4, 256).

На самом же деле Тургенев ревнует к Александру Пассеку, его соперник моложе Марии на три года, к тому же он её любовник. Он не может допустить мысли, что она отказалась от него, несмотря на клятвы в верности, несмотря на многократные сентиментальные встречи в России, в Германии и во Франции, и что она отдалась юному Пассеку. Герцен прав, он проницательно угадал характер этой связи и первый заметил, что литературный персонаж в какой-то степени предшествовал модели. В романе «Накануне», созданном в пору, когда зарождалась страсть Ивана Сергеевича к Марии Александровне, героиня Елена, будучи вполне «идеальной» девицей, состоит в физической связи с человеком, чьи идеи и чувства она разделяет. Отчего бы в жизни не быть тому же, что в романе? В романе,

который по самой своей реалистической природе должен отражать жизнь. По всей вероятности, положение «дядьки», в котором Тургенев видел себя, не предполагало обета целомудрия. Вместо «дядьки» Жорж Санд употребила бы, возможно, слово «жокей»; этот термин она использует в 1844 году в поразительном письме подруге – Полине Виардо, где она предлагает ей в качестве «жокея», т.е. любовника, собственного сына. Что и было принято и осуществлено заинтересованной стороной.

Случай с Марией Александровной – совсем другое дело. Записочки, которые она посылает Ивану Сергеевичу (около сотни писем за три года) напоминают послания XXI века, отправленные по мобильной связи. Настоятельное желание свидеться с той и с другой стороны.

Чувство Марии к Ивану как будто остается неизменным. Она постоянно «*преданная вам*» и даже «*преданная вам навеки Мария Маркович*». Она прибавляет даже некий чувствительный оттенок в письме от 2 июля 1862 года: «*Преданная Вам всегда и любящая Вас*». Однако, несмотря на очевидные признаки женского чувства, превосходящего дружбу, Тургенев сомневается и колеблется. Конечно, дело в Пассеке. «<...>счастье каждого человека основано на несчастье другого», - утверждает автор в XXXIII главе романа «Накануне». Однажды Иван сказал Марии, что она «не без хитрости». Вспомнил ли он отрывок из повести «Институтка», которую он сам же и перевел? Служанка Устинья, за которой ухаживает Прокоп, раздумывает, что ей надлежит делать: «Я и сама не ведаю, чего желает мое сердце: хочу ли я, чтобы Прокоп снова явился под моим окном? Или чтоб он не приходил?». Но разве же это хитрость, когда испытываешь тьму противоречивых чувств?

Подобные противоречивые чувства вовсе не чужды и Тургеневу. «*Что я Вам предан – это несомненно; но кроме этого чувства, во мне есть другое, довольно странное, которое иногда заставляет меня желать Вас иметь возле себя – как в моей маленькой парижской комнате – помните?»* (Письма, 4,332). Это было год назад, в Hôtel Вурон в ночь на 28 мая 1860 года. Мария оставила сына в Лозанне, а муж ещё не добрался до Парижа. Встреча была, но пока... Покойный Борис Викторович Богданов говорил мне как-то, что в жизни не все так отчетливо, математически расчислено – белое или черное... «... мне до сих пор не ясно, как понять все то, что было, под какую рубрику все это отнести? При свидании я Вам сообщу, на каком предположении

я остановился – как на самом вероятном – хоть мало лестном для меня» (там же; письмо от 22 мая (3 июня) 1861 года).

Где же истина? И что есть истина? Это эпиграф к знаменитому стихотворению Пушкина «Герой». Тургенев применяет эту формулу к себе: иллюзия устраивает его больше, чем истина. Истина сливается с ложью. Марию Александровну это возмущает. Тургенев, пресытившийся многим в этой жизни, взошедший на ту ступень знания, выше которой ему не суждено было подняться, уверяет, что «правда и ложь суть одно и то же». Есть, однако, и нечто незыблемое – желание делать добро. Материальная помощь, которую писатель оказывает этой забывчивой, расточительной женщине, продолжится, несмотря на разочарования, ибо он оставался верен девизу Вовенарга: «Великие мысли рождаются из сердца», изречение, которое он приводит в своей речи о Гамлете и Дон-Кихоте в 1860 году. Но какая разница между этим текстом, исполненным оптимизма, и «Довольно», первые главы которого были написаны в марте 1862 года и запечатлели экзистенциальную тоску, испытанную писателем после любовного фиаско с Марией и в особенности после окончательного, как ему казалось, расставания с Полиной, которую он покинул после рождения её сына Поля четыре года назад.

Тургенев разгневан связью Марии с Александром Пассеком в Риме. Но его реакция неожиданна, судя по письму, которое он посылает Марии 1 марта 1861 года: *«Может быть, Вы хорошо сделали, что поехали... Будем думать, что хорошо, так как теперь этого уже вернуть нельзя. Постарайтесь, по крайней мере, извлечь всевозможную пользу из Вашего пребывания в Риме: не млейте, сидя по часам бок с Вашими, впрочем, милейшими приятелями; смотрите во все глаза, учитесь, ходите по церквам и галереям.*

Рим удивительный город: он до некоторой степени может всё заменить: общество, счастье – и даже любовь» (Письма, 4, 295).

Тон – педагогический, но отнюдь не менторский, не тон гувернера или духовника. Это тон автора «Накануне», где двое влюбленных наслаждаются красотами искусства Венеции. Художественное формирование личности является ключевой идеей тургеневской философии. В своем «Словаре любовников из России» («Dictionnaire des amoureux de la Russie») на странице 771 Доминик Фернанде упоминает «заключительные главы романа «Накануне», где герой отправляется умирать в Венецию, предвари-

тельно послушав в Опере “Травиату” и побродив по Меланхолическому пляжу Лидо – ассоциации, предвосхитившие на целый век темы, разработанные Висконти».

В своем Дневнике Елена написала: «<...> наши вкусы похожи: и он и я, мы оба стихов не любим, оба не знаем толка в художестве» (6,226). Культ красоты становится центральной темой романа, который почитался тогда – накануне отмены крепостного права – революционным.

Елена, чей прообраз до сих пор неизвестен, скроена в большой степени по образу Марии Александровны. Елене 20 лет в 1853 году, в момент вступления русских войск в Молдавию (глава XXIII). Стало быть, она родилась в 1833 году, как Мария Александровна. Известно, что Тургенев хотел дополнить образ этой героини – возможно, самый прекрасный из всех его литературных созданий – чертами характера Полины Виардо: *«Не знаю, говорил ли я вам, что работаю над новым романом – сейчас я как раз сочиняю отрывок из дневника молодой девицы (все молодые девицы ведут дневник – а вы вели дневник?), - но это очень трудно. Трудно схватить ту смесь нерассудительности и инстинкта, которая стоит всей рассудительности мира. А, кроме того, надо быть наивным... Я <...> чувствую в себе много детского, но это совершенно разные вещи»* (Письма, 4, 420; письмо от 11(23) октября 1859года). Нам неизвестен ответ Полины и помог ли он Тургеневу в его работе: он пытается постигнуть «специфический механизм» женской души. Но главное, в этом дневнике он заставляет Елену произнести то, что тщетно ожидал услышать из уст Марии: «Я влюблена!».

Тургенев хочет, во что бы то ни стало, вырвать это признание у любимой женщины. Именно она должна сказать первое слово, как мы уже заметили. «Да» из уст Марии рассеяло бы его сомнения в этой двусмысленной любовной истории. Писатель в какой-то мере компенсирует физическую фрустрацию чудесным признанием Елены холодному и индифферентному Инсарову: «Вы хотели заставить меня сказать, что я Вас люблю, - прошептала она, - вот... я сказала» (6, 236). Это разделенная любовь, хотя инициативу взяла на себя она: «О мой брат, мой друг, мой милый!.. – шептали её губы, и она сама не знала, чьё это сердце, его ли, её ли, так сладостно билось и таяло в её груди» (там же). «Брат мой» - эти два слова мы находим, как было замечено, в конце любовного письма Полины Виардо к Юлиусу Рицу. Для Тургенева, как и для Полины, любовь неизбежно

проходит стадию братских чувств.

Братство предполагает доверие. Андрей Петрович Берсенев ухаживает за Дмитрием Инсаровым, как за родным братом: «А Андрею Петровичу я доверяю, как брату», - скажет Елена в XXVIII главе.

Какова же роль Марии Александровны во всей этой истории? Для Тургенева она «темный и непонятный Сфинкс» (письмо от 1 сентября 1860 года). После весенней грозы 1861 года она сделает ему признание в любви на свой манер, отнюдь не как брату: *«Я вам предана всегда и верно. Вы для меня лучше многих, многих, многих людей, но видно, я не за то люблю вас, потому что бывало время, когда вы казались хуже, и я тогда вас все так же любила»*⁵.

Верность, в которой уверяла Тургенева Мария Александровна, имела для него определяющее значение. Но вот она изменила клятве верности, покинув Тургенева, чтобы соединиться с юным Пассеком. Верность, которую не только требовала Елена, но которую она сама проявила во время своей недолгой идиллии с Инсаровым, является неотъемлемой частью нравственного кодекса, коему она никогда не изменит. Вспомним XIV главу романа, где Елена говорит о долге справедливости, требующем воздаяния убийце отца Инсарова. И даже если мы не имеем никаких документальных свидетельств, должен был существовать в отношениях Тургенева с Марией Александровной некий молчаливый договор – не нарушать их духовного союза, не разрушать гармонии, что их соединяло.

Нам понятен теперь его разрыв с Марией, понятно и раздражение, прозвучавшее в его письме к Этцелю после смерти Александра Пассека, умершего, как и Инсаров, от туберкулеза: «Семейство г-на Пассека обвиняло её в том, что она убила его...» (Письма, 7, 242).

Перевод Л.А. Балыковой.

Примечания

1. Это неопубликованное письмо П.Виардо к Ю.Рицу написано в Веймаре в декабре 1858 года. Хранится в Публичной библиотеке Нью-Йорка.

2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.т. Письма. Т.4. М.: Наука, 1987. С.211. В дальнейшем ссылки на это

издание приводятся в тексте в скобках с указанием тома и страницы арабскими цифрами; ссылка на письма сопровождается пометой «Письма».

3. Анненков П.В. Письма к И.С.Тургеневу. Кн.1. 1852-1874 / Изд-е, подготовленное Н.Н.Мостовской и Н.Г.Жекулиным. СПб.: Наука, 2005. С.81.

4. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30 томах. Т.27. Кн.1. М.: Наука, 1954-1965. С.108.

5. Письмо М.А. Маркович И.С. Тургеневу от 8(20) июля 1861 года //Литературное наследство. Т.73. Из Парижского архива И.С. Тургенева. Кн.2. М.: Наука, 1964. С.293.

Л.А. Балыкова

И.С. ТУРГЕНЕВ и НАДЕЖДА ШЕНШИНА: БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОВЕСТИ «ЗАТИШЬЕ» (1854)

«Затишье», - по сути, первая повесть Тургенева, в которой самобытно и ярко явился образ «тургеневской девушки», наделенной исключительными душевными качествами. В центре повествования история Маши, вокруг неё «выстраиваются» остальные персонажи, образуя некое поле притяжения, побуждающее их проявить свои главные свойства, сказать свое слово о нравственном и общественном значении поколения 40-х годов в истории России. Героиня притягивает читателя цельностью характера, подлинным трагизмом её судьбы. Самая необычность этой истории побуждает исследователя обратиться к поискам её истоков в биографии писателя.

Как известно, рукопись произведения не содержит указаний на реальное лицо, чья судьба была положена в основу художественного образа. Правда, сохранилось свидетельство Н.А.Островской, которая приводит слова Тургенева, что в лице Маши «представлена девушка, малороссиянка, которую он знал в молодости и в которую был даже немножко влюблен».

«- Сюжет, конечно, сочинен? – спросила я. – Она, надеюсь, не утопилась?»

- Конечно, нет, - отвечал Иван Сергеевич, – хотя она и была способна на это»¹.

Другой мемуарист, М. Драгоманов, в своих воспоминаниях писал, ссылаясь на свидетельство самого писателя, что образ главной героини в повести «Затишье» явился своего рода памятником симпатий автора к Украине². Можно предположить, что интерес Тургенева к Украине был обусловлен в какой-то мере возникшим в Орле в конце 1840-х – начале 1850-х годов кружка молодых прогрессистов, группировавшихся вокруг бывшего члена Кирилло-Мефодиевского братства, украинского фольклориста и этнографа А.В. Марковича и его жены М.А. Маркович (украинской писательницы, выступавшей под псевдонимом Марко Вовчок). Тургенев, неоднократно бывавший в эти годы в Орле, мог услышать об этом кружке от фольклориста П.В. Киреевского, близко знавшего чету Марковичей. Или от орловского врача и литератора И.В. Павлова, входившего в кружок, – с ним писатель познакомился в начале 1850-х годов³. «Малороссийский элемент» мог присутствовать и в беседах Тургенева с А.А. Фетом, служившим на Украине и пережившим там историю любви с М.Лазич, закончившуюся трагически. Следует отметить в этой связи, что, работая в годы ссылки над романом «Два поколения», Тургенев намеревался посетить Малороссию, «чтобы сделать несколько зарисовок с натуры» (Письма, 2, 390). Как бы то ни было, сиюминутные живые впечатления, встречи, жизненные коллизии, переживания всегда играли для Тургенева первостепенную роль в его работе над литературными произведениями. Вот почему необходимо пристальнее взглянуть в события жизни писателя, непосредственно предшествовавшие созданию повести «Затишье». Это даст возможность проследить процесс превращения «натуры» в художественный образ, возведения его, в конечном итоге, в литературный тип.

Путешествие во мценское Волково⁴ возвращает нас в 50-е годы XIX века, в то «замечательное десятилетие» жизни Тургенева, когда происходит его сближение с писателем-земляком А.А. Фетом. Оба они были поэтами, оба страстно любили охоту, принадлежали к одному кругу помещного орловского дворянства. Будучи за границей, Тургенев с образом Фета, а потом и его шурина И.П. Борисова связывал мечты о возвращении на родину.

У всякого, кто прикасается к переписке двух писателей за этот период, возникает впечатление, что в это время они были столь душевно близки, что поверяли друг другу самое сокровенное. Примечательно: Тургенев из всех своих русских приятелей, посетивших Париж в 1856 году, одного Фета пригласил погостить в имение Ви-

ардо Куртавнелъ. Поэт, без сомнения, был осведомлен о характере отношений Тургенева с г-жой Виардо, правда, в своих «Воспоминаниях» он деликатно едва касается этой темы. Можно думать, что и Тургенев был посвящен в семейную тайну Шеншинных – тайну болезни матери Фета и его близких.

Отношения двух литераторов распространялись и на их семьи. Шеншины бывали в Спасском. Н.Н.Тургенев, дядя писателя, с женой и свояченицей посещали шеншинскую усадьбу Новосёлки. Фет в своих «Воспоминаниях» довольно лаконично освещает начало их взаимоотношений. Он вводит Тургенева в семейный круг Шеншинных как будто лишь в пору его спасской ссылки, а именно в мае 1853 года. Во всяком случае, он относит знакомство с Тургеньевым своей любимой сестры Надежды Афанасьевны к этому времени. Вот как он пишет об этом: «Однажды за полчаса до прихода отца прогремевшая карета остановилась у крыльца, и быстро вошедшая в столовую Надя расцеловалась со мной.

– Я привезла тебе все поклоны, и Шеншины убедительно просят нас с тобой приехать в следующее воскресенье. Будет Тургенев, с которым я сегодня познакомилась. Он очень обрадовался, узнавши, что ты здесь <...> мне сказывали, – прибавила Надя, – что он поневоле у себя в Спасском, так как ему воспрещен въезд в столицу»⁵.

Вспоминая о времени знакомства Надежды Афанасьевны с Тургеньевым, Фет либо забывает, либо сознательно опускает тот факт, что его сестра ещё ранее познакомилась с ним; возможно, он просто ничего не знал об этом событии. В.Колонтаева, часто гостившая в Спасском, писала о посещении имения Тургеньевых А.Н.Шеншиным с дочерью. Судя по её рассказу, этот визит состоялся ещё при жизни матери Тургенева, Варвары Петровны, в бытность там обоих её сыновей. Как мы полагаем, эта встреча могла состояться в 1846 году. Наденьке Шеншиной было тогда всего четырнадцать лет. Примечателен один эпизод этого посещения: Николай Сергеевич Тургенев стал подтрунивать над юной девушкой, почти подростком – «она так покраснела от смущения, что слезы готовы были брызнуть у неё из глаз... Заметив это, а также гневные взоры матери, бросаемые по направлению разговаривающих, Иван Сергеевич поспешил подойти к госте и, предложив выйти на балкон, начал оживленный и веселый разговор, а при отъезде гостей пошел к себе во флигель и, захватив грудку книг, вручил их девице Ш...ной»⁶. Эта встреча могла послужить основанием дальнейшего сближения писателя с сестрой Фета.

Биограф Тургенева И.Ф.Рында, комментируя этот рассказ Колонтаевой и других мемуаристов, замечает: «Заступничество Ивана Сергеевича в то время определило навсегда направление чувства Надежды Афанасьевны». Он ссылается также на свидетельство бывшей пяличницы в доме Шеншиных, «необыкновенно бодрой и живой старухи», «с необыкновенным одушевлением» передававшей ему, в какое волнение приходила Надежда Афанасьевна при приезде Ивана Сергеевича в Новоселки. Во время разговора «она теряла всякое самообладание и буквально впивалась глазами в Ивана Сергеевича»⁷.

Фигура умолчания в «Воспоминаниях» Фета в части датировки и обстоятельств знакомства сестры Нади с Тургеневым, кажется, не случайна. Создается впечатление, что он специально опускает этот эпизод и в дальнейшем повествует об их встречах как о чем-то не столь уж значительном.

Между тем, предположение о серьезном увлечении сестры Фета подтверждают не только записки Рынды, расспрашивавшего знавших её людей, но и свидетельство Дмитрия Пименовича Соболева, псая Шеншиных, нашедшее отражение в Воспоминаниях Ю.А. Бахрушина. «В то время как господа скрывали роман Тургенева с Надей, – замечает он, – слуги охотно обо всем рассказывали». Итак, Дмитрий Пименович утверждал, что сестра Фета «очень в Ивана Сергеевича влюблены были»⁸.

Все это привносит существенные оттенки в отношения Фета и Тургенева. Последний был в эту пору завидным женихом и отнюдь не чурался мысли о женитьбе. Можно предположить, что и практичный Фет мог рассматривать возможность сближения начитанной, блестящей красавицы-сестры и автора «Записок охотника».

Не подлежит сомнению, что Тургенев и Надежда Афанасьевна не раз встречались в Новоселках и в Спасском, и в Волкове у Шеншиных, где сестра Фета любила бывать по окончании института. По свидетельству Фета, отец его, Афанасий Неофитович, сам редко выезжавший в гости, охотно отпуская Надю только в Волково к однофамильцам соседям⁹.

Полагаем, что на именинах у хозяйки Волкова Елизаветы Дмитриевны Шеншиной (урожд. Карповой), куда Тургенев был приглашен и где гостил 10-12 сентября (29 августа – 1 сентября по старому стилю) 1850 года, присутствовала и Надежда Афанасьевна Шеншина. В письме П.Виардо Тургенев довольно иронично описывал семейный праздник в доме своей «прежней любви» (Е.Д.Шеншиной).

Он писал, что прощает ей её мужа, её троих детей, прощает то, что она постарела и подурнела, но не в силах простить ей её ужасной игры на фортепиано и того, что она сделалась «незначительной, сонной и пошлой» (Письма, 2, 355). Ночь он провел в доме Шеншиных, посвятив часть времени перечитыванию писем г-жи Виардо.

Писатель, не мысливший жизни без общества умной, образованной, хорошенькой женщины, вполне мог обратить внимание на семнадцатилетнюю Надежду Шеншину, глядевшую на него с восхищением и красневшую при каждом взгляде, обращенном на неё. Отчего не вообразить Тургенева и Наденьку Шеншину затерявшимися в аллеях огромного волковского парка? Юную смолянку её брат-поэт характеризует как весьма интересную, пылкую и любознательную девушку¹⁰. Она тогда разбила немало сердец и, между прочим, навсегда покорила сердце своего будущего мужа мценского помещика Ивана Петровича Борисова.

Несомненно, что и Тургенев, тогда уже известный литератор, только что вернувшийся из-за границы, не только был способен вызвать интерес, но прямо мог поразить воображение молодой девушки, «исполненной живого сочувствия к произведениям искусства». Писатель, решительно, был в центре внимания в кругу орловских провинциалов. Фет, посетивший Волково в мае 1853 года, не без яду заметил, что волковские дамы обступили Тургенева и «льнули к нему как мухи к меду»¹¹.

Часть 1852 года и почти весь 1853-й писатель поневоле провел в Спасском. К осени 1853 года пришел конец эпохе, насыщенной впечатлениями провинциальной жизни, новыми знакомствами и увлечениями. К декабрю его ссылка заканчивается, и писатель возвращается в северную столицу. Что касается Надежды Афанасьевны, то она, получив после смерти отца состояние, в 1854 году отправляется за границу – поправить здоровье. Неизвестно, виделся ли Тургенев с Надеждой Афанасьевной весной и осенью того года. Достоверно одно: когда Иван Сергеевич приехал в свое имение летом 1855 года, Н.А.Шеншиной он уже не застал.

Как складывались отношения Шеншиной и Тургенева в эти годы? Нет сомнения, она знала о бесконечной преданности писателя г-же Виардо, знала о том, что её чаяния занять место в его сердце останутся без ответа. То, что для других заканчивается «мирным разрывом», для натур, подобных Надежде Афанасьевне, оборачивается серьезной душевной травмой: отъезд девушки за границу «по

случаю сильно пошатнувшегося здоровья» как будто бы свидетельствует об этом. Впрочем, и другие подобные истории с Тургеневым не раз заканчивались драматически для героинь его романов...

За границей Надежда Афанасьевна проживала преимущественно в Неаполе. Там расцвела её красота, там она блистала на светских балах и в гостиных. Прежнее чувство как будто требовало замещения. Она бросается с головой в роман с искателем приключений Эрбелем, для которого она – лишь очередная победа. Он скоро пресытился этой историей и без сожаления оставил экспансивную девушку, которая и не думала скрывать своих отношений с ним. Она с вызовом бросила брату: «... моя будущность обеспечена: хоть день да мой!»¹². Пребывание за границей, которое должно было укрепить и успокоить Надежду Афанасьевну, лишь усугубляет её разочарование и надлом.

Виделась ли она с Тургеневым за границей? На этот вопрос Фет отвечает утвердительно¹³. Он упоминает, между прочим, об участливом внимании писателя к его сестре. Он пишет о посещении ими обоими концерта, где пела г-жа Виардо, и где присутствовал Тургенев. Поэт заметил сильнейшее впечатление, произведенное этим пением на Ивана Сергеевича, который бледнел и закрывал лицо руками. Можно только гадать, какие чувства вынесла Надежда Афанасьевна из подобных встреч. Как пишет Фет, тогда у его сестры случилась испугавшая его истерика¹⁴.

Возвращение Фета и Надежды Афанасьевны на родину пришлось на зиму 1857 года. Оно завершилось серьезной нервной болезнью девушки. Она обвинила зятя Александра Никитича Шеншина и сестру в том, что они оставили её без средств за границей. И.Ф.Рында утверждал, якобы со слов дворни, будто Надежда Афанасьевна жаловались, что в Париже она жила на средства Тургенева. Это свидетельство имеет под собой некоторое основание: задержки с высылкой денег из России имели место, Надежда Афанасьевна вынуждена была брать деньги займы у Фета, о чем тот пишет в своих «Воспоминаниях».

Внезапная тяжелая болезнь Наденьки решила её судьбу. В 1857 году ей исполнилось 25 лет. Она покорила мнению лечившего её доктора, посоветовавшего ей для исцеления поскорее выйти замуж. Тогда-то многократно отклоняемое предложение руки и сердца со стороны И.П.Борисова было принято, и в январе 1858 года Надежда Афанасьевна вышла замуж.

Как сложилась её семейная жизнь? Пресловутое «стерпится-слюбится», кажется, не возымело на её характер и судьбу особенно-

го действия. Будучи уже замужней дамой, она как будто не оставила мыслей о Тургеневе. Упомянутый выше Дмитрий Пименович Соболев утверждал, что Борисов якобы вынужден был прятать жену в приезды Тургенева, и что будто бы однажды, после какого-то недоразумения между нею и Иваном Сергеевичем она в полном иступлении побежала из дома к пруду топиться...¹⁵. Имел ли место этот случай на самом деле или это досужий вымысел? А если имел, то было ли это до или после замужества Наденьки – как знать? Возможно, история безнадежно влюбленной девушки в повести «Затишье» есть отзвук, а может, предчувствие роковой развязки в судьбе Надежды Шеншиной. Как бы то ни было, однажды Фет в прощальном письме Тургеневу выскажет ему свою давнюю затаенную обиду за сестру: «...Вы когда-то просидели целый вечер спиной к его (т.е. Пети Борисова – Л.Б.) матери...»¹⁶.

Для биографа Тургенева ясно, что столь неординарная фигура, её характер, её страсть, её судьба не могли не сказаться в творчестве писателя.

В январе 1854 года, едва вернувшись в Петербург из ссылки, Тургенев берется за написание повести «Затишье». В центре повествования – две подруги, две барышни. Одна – смуглая красавица Мария Павловна, натура цельная и страстная, другая – полная её противоположность, прелестная белокурая и весьма прагматичная Надежда Алексеевна (имя Надежда присутствует-таки в тексте, как и инициалы «Н.А.»). Их портреты составляют некий pendant к портретам сестер Фета из его «Воспоминаний», где они также являют контраст, как бы дополняя друг друга: темнорусая, кареглазая, экзальтированная Надежда и практичная белокурая Любовь Афanasьевна, бывшая замужем за своим однофамильцем А.Н.Шеншиным, жившим одно время в Волкове, у своего брата Н.Н.Шеншина.

Фет в «Воспоминаниях» с любовью запечатлел образ умершей сестры Нади: её сияющие глаза, легкий румянец, играющий на щеках и так шедший к ней... Тургенев, создавая в «Затишье» портрет Маши, подчеркивая её малороссийское происхождение, статичность её фигуры, её красоту, многократно повторяет характерную деталь: способность мгновенно заливаться алой краской.

Интересно, что рассказывая об обитателях Волкова Шеншиных, Фет обращает внимание на контраст между своими родственниками – однофамильцами. Противоположны по внешности и по характеру сестры Н.Н.Шеншина и сами братья А.Н. и Н.Н. Шеншины. Семья

Шеншиных, пребывавших в Волкове, столь разных внешне и по своим качествам, должна была произвести впечатление на Тургенева, который «населил» повесть «Затишье» парами персонажей, объединенных по принципу контраста: сдержанная Маша и общительная кокетка Надежда, говорливый старик Ипатов и его друг Иван Ильич Бодряков (Складная Душа), отличавшийся всегдашней молчаливостью и готовностью пойти на уступки, положительный «gentleman» Астахов и артистичный, изменчивый Веретьев, даже пара девочек, дочерей Ипатова, даже самая его усадьба, состоявшая из двух отдельных домов, построенных друг против друга двумя братьями, бывшими примерными друзьями.

Между прочим, не забывает автор повести и о себе, как бы «раздваиваясь» между своими героями, он наделяет их какими-то собственными чертами: неудачная попытка Астахова заняться хозяйством отдаленно напоминает недолгий опыт хозяйствования на земле самого Тургенева в начале 1850-х годов (имение героя – Сасово – прямо перенесено из перечня его тамбовских деревень¹⁷), Веретьев также заимствует в какой-то мере его собственную судьбу скитальца и художественную одаренность. Представляется, что вся эта симметрическая «выстроенность» действующих лиц должна бы свидетельствовать о некой «предустановленной гармонии» провинциального «затишья», уходящей корнями в отдаленное прошлое (недаром Ипатов сравнивает своего отца и его брата с античными героями Дамоном и Пифионом, прославившимися своей преданной дружбой). Эта гармония особенно выразительно сказалась в эпизодах повести, посвященных музицированию в доме Ипатовых. Малороссийские песни в исполнении Маши, хоровое исполнение русских народных песен, вдохновляемое Веретьевым, – все как будто свидетельствует о любовном согласии, царившем в маленьком кружке провинциалов, о ладе, который, кажется, не в силах нарушить никакие житейские мелочи.

Музыкальная оркестровка, как видно, неслучайно столь сильно звучит на страницах «Затишья». Она лишний раз свидетельствует об увлеченности самого автора народными песнями; он тогда даже собрал некую коллекцию русских народных, украинских, французских, испанских песен. Возможно, что он даже сам однажды посетил тот демократически настроенный кружок в Орле, о котором упоминалось выше – уж слишком неординарное он представлял собой явление в губернском городе, уж слишком яркие в нем собирались

люди! Кроме того, писатель, испытывавший тогда у себя дома настоящий музыкальный голод, не мог не отметить одной поразительной особенности волковских соседей: хозяин, Николай Никитич Шеншин был «прирожденным музыкантом и целыми часами фантазировал на рояле», недурно играла его жена (хотя Тургенев и высмеял её игру в письме к П.Виардо), сестра Николая Никитича, существо далеко недюжинное, «безукоризненно играла на рояле и читала ноты без всякой подготовки»¹⁸.

Н.П.Генералова не без основания замечает в своей книге, в главе, посвященной встрече Тургенева и Фета, что в Волкове писателя «привлекало молодое, веселое, музыкальное общество, ярко описанное Фетом в воспоминаниях»¹⁹.

Несравненный мастер пейзажа, Тургенев точно и лаконично использует в «Затишье» свой дар. Пейзажный аккомпанемент в повести поначалу соответствует образу «затишья» - образу незамутненной ясности и чистоты. Самые маленькие господские домики в Ипатовке, глядевшие друг на друга, как будто «переглядывались через широкую гладь пруда блестящими стеклами своих маленьких чистых окон» (4,387). Первая пейзажная зарисовка в повести – картина старинного парка ипатовской усадьбы, расположенной «приветливо, уединенно и красиво», напоминает шеншинский парк Волкова с его липовыми аллеями, «заматерелыми соснами», дубами, ясенями, густой зеленью сирени и акаций. Вспоминая шеншинское Волково, кажется, что его хозяевам, подобно Ипатову, столь большой парк держать было «не по средствам».

Природа словно раскрывает чудеса первой любви, говорит сердцу влюбленной девушки и говорит за неё в летнюю ночь, проникая все «благовоной свежестью», волшебным светом, когда «круглый лик луны то отражался ясно в пруде, то вытягивался в длинный золотой сноп медленно переливавшихся блесток» (4,407).

То пейзаж передает томление, нарастающее напряжение любовного чувства героини (налетевшая гроза, сменившаяся ночным благовонием). Напротив, «невинная торжественность утра», сопровождающая свидание Маши и Веретьева, контрастирует с трагическими предчувствиями героини.

Наконец, осенний мрак, беззвездное небо, завывание ветра сопровождают последний приезд Астахова в Ипатовку. Состояние природы соответствует безысходному отчаянию героини, решившей покончить счеты с жизнью. Ласковое, безмятежное «затишье» обо-

рачивается смертельным омутом, затягивающим так или иначе всех героев. Привычный, узнаваемый усадебный пейзаж обретает черты высокой поэзии, некоего философского комментария к разыгравшейся трагедии на лоне, казалось бы, предуманной гармонии.

Центральное событие в повести Тургенева – именины в доме хлебосольного помещика Гаврилы Степаныча Акилина: бал, на который собираются уездные дворяне. Тогда определяются окончательно взаимоотношения героев, решаются их дальнейшие судьбы. Можно думать, что картина бала складывается у Тургенева не без влияния впечатлений, полученных во время подобных торжеств в доме Шеншиных. Писатель сам сообщал об одном из них – бале в честь именин Е.Д.Шеншиной, который он весьма иронично зарисовал в упомянутом выше письме П.Виардо. Явно сатирический оттенок присутствует и в картине бала в доме Акилина из повести «Затишье». Здесь встречаются лица, как будто шагнувшие из жизни на страницу художественного произведения. Вот мелькает в вихре танца Надежда Алексеевна «вся светлая и радостная» (не отразился ли здесь светлый, «дневной» лик Наденьки Шеншиной?) с каким-то «маленьким, кривоногим, но пламенным артиллеристом» (4,427). Фигура, в которой вполне узнаваем маленький, некрасивый, страстно влюбленный в сестру Фета Иван Петрович Борисов. Последний закончил кадетский корпус в Москве и был выпущен в артиллерию. Он с десяток раз делал предложение Надежде Афанасьевне и получал отказ, после чего многократно возвращался на Кавказ, в действующую армию. Возможно, этот сюжет впоследствии нашел отражение у Тургенева в романе «Рудин». Любопытно, что Борисов сделался со временем одним из самых близких друзей писателя. Возможно, его притягивало к Тургеневу воспоминание о горячо любимой и трагически умершей жене...

Автор «Затишья» в финале повести как будто прозревает жизненный «сюжет», отправив свою героиню Надежду Алексеевну в Италию (он даже упоминает о посещении героиней знаменитой «Собачьей пещеры», о которой напишет и Фет, рассказывая об итальянском вояже с сестрой). Однако под пером Тургенева она все более обретает черты светской хищницы – тип, который столь беспоощадно представит писатель в своем последующем творчестве.

Повторимся, в образе сестры Фета видится некоторое сходство с чертами двух девушек из «Затишья»: Маша будто «унаследовала» нечто от её наружности, от её страстного характера, Надежда Алексеевна похожа на неё прихотливостью, капризностью натуры. В ху-

дожественном произведении эти черты укрупняются, приобретают определенность, возводятся в тип. В галерее тургеневских женских образов Маша, наделенная недюжинными душевными силами и богатством натуры, является, быть может, самой трагической героиней. Её финальное «спасите», огласившее мглу осеннего «затишья», звучит символически: словно напоминание о многих женских душах, безмолвно страдающих на бескрайних просторах России.

Так переплетаются жизнь и вымысел в творчестве Тургенева, прорастают поэтическими образами жизненные коллизии, которые играют не последнюю роль в истории самого писателя. Встраиваясь в некий повторяющийся сюжет, они, быть может, выражают предчувствие автора насчет его собственной судьбы, в которой, в конечном итоге, воплотились некие типические черты и судьбы целого поколения «русских людей культурного слоя».

Примечания.

1. Тургеневский сборник. Пг.: Огни, 1915. С.91.

2. Полное собрание сочинений и писем И.С.Тургенева в 30-ти томах. Сочинения. Т.4. 2-е изд. М., 1980. С.636. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами, ссылка на письма дается с пометой «Письма».

3. Лобач-Жученко Б.Б. О Марко Вовчок: Воспоминания, поиски, находки. Киев: Днепро, 1987. С.36.

4. Экспедиция Тургеневского общества из Орла в Ближнее и Дальнее Волково Мценского района состоялась летом 2008.

5. Фет А. Воспоминания. Ч.1. М.: Правда, 1983. С.234.

О времени встречи Тургенева с Н.А.Шеншиной см.: Генералова Н.П. И.С.Тургенев: Россия и Европа. Спб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2003. С.377. Автор датирует эту встречу 17(29) мая 1853 г. Неделий позже – 24 мая (5 июня) 1853 г. в Волкове состоялась встреча Тургенева с Фетом.

6. Колонтаева В. Воспоминания о с.Спасском //Исторический вестник. 1885. С.56.

7. Рында И.Ф. Черты жизни Тургенева. Спб., 1903. С.31-32 (Указано С.Л. Жидковой).

8. См.: Бахрушин Ю.А. Воспоминания. М., 1994. С.386-387. Автор выражает глубокую признательность заведующей музеем писателей-орловцев Л.М.Маричевой, указавшей нам этот источник.

Правда, она характеризует дошедшую до нас историю о любви Н.А. Шеншиной к Тургеневу как «легенду» (см.: Тургенев И.С. Новые исследования и материалы. М.-СПб.: Альянс – Архео, 2009. С.360). Мы полагаем возможным рассматривать эту историю как имеющую под собой реальные основания.

9. Фет А. Указ. соч. С.232.

10. Там же.

11. Там же. С.235.

12. Там же. С.300.

13. Фет А. Мои воспоминания. 1848-1889. В 2-х частях. Ч.1. М., 1890. С.167.

14. Фет А. Воспоминания. М.: Правда, 1983. С.308.

15. Бахрушин Ю.А. Указ. соч. С.386-387.

16. Письмо А.А.Фета к И.С.Тургеневу от 12(24) января 1875г. // Переписка И.С.Тургенева в 2-х томах. Т.1. М.: Художественная литература, 1986. С.460-461.

17. Гос. архив г. Тамбова. Фонд 260, д. 8350. (Сообщено П.Почиталиным, директором Сасовского историко-краеведческого музея в 1997г.)

18. Фет А. Воспоминания. С.233.

19. Генералова Н.П. Указ. соч. С.377.

20. Л.М.Лотман предположила, что «к числу лиц, так или иначе оказавших влияние на творческий замысел повести Тургенева «Ася» (1858) относились Фет и его сестра Надежда Афанасьевна, которые путешествовали за границей осенью 1856 – в начале 1857 годов.

Е.Г. Мельник

ЕВПРАКСИЯ. К ПРООБРАЗУ ЛУКЕРЬИ В РАССКАЗЕ «ЖИВЫЕ МОЩИ»

Тургенев встречал на своем пути разных женщин. Это были и принцессы крови и образованные аристократки, но это были и женщины из простолюдинов, неграмотные крестьянки. Но никогда в отношении к ним у писателя не было цинизма, в каждой он умел увидеть тот свет женственности, который вообще отличал романтика того времени. В этом смысле показательна история взаимоотноше-

ний Тургенева и дворовой девушки Евпраксии.

Впервые имя Евпраксии Тургенев упоминает в «Мемориале». «В первый раз имею женщину, Апраксею в Петровском»¹. Эта запись помечена 1837 годом.

В 1839 году до Тургенева – студента Берлинского университета, видимо, доходят слухи о том, что его мать притесняет Евпраксию. Тургенев обеспокоен. Он полагает, что в этом решающую роль сыграла его связь с девушкой. Встревоженный, он шлет письмо дяде (письмо не сохранилось). Варвара Петровна узнает о беспокойстве сына. В письме от 15 февраля 1839 года она пишет Ивану в Берлин: «Да, да, да. Батюшка, что это за вздор пишешь ты к дяде!... о Евпраксии. Такие ли мы люди. Я... Я... я дама светская! Никогда, ни минуты не была она под наказанием [...] Евпраксия живет да стареется беспечно. Какой ты, какой же уморительный Иван. Да за что же тут награждать и вольную давать старой девке, которая и прежде и после отправляла свое ремесло. Дать ей ассигнацию и полно; мучить ее не за что, награжденья не стоит».

Пройдет много лет, но Тургенев не забудет эту женщину. Известно, что Евпраксия впоследствии тяжело заболела, была прикована к постели и входила в число пенсионеров Тургенева.

В письме от 9(21) октября 1867 года Тургенев сообщает своему управляющему – Кишинскому, что он получил «второе письмо от Евпраксии, сестры жены Леона Лобанова, которая просит «во 1-х о том, чтобы ее не тревожили в ее помещении, а во 2-х, она желала бы, чтобы ей отрезали где-нибудь на границе Спасской дачи клочок земли, на которой она со временем могла бы поселиться с сестрой и зятем. У меня есть особенные причины обращать внимание на просьбу Евпраксии, и поэтому я прошу Вас: во 1-х, оставить ее во флигеле и снабжать, как это делалось доселе, всем нужным, во 2-х, если окажется возможным отрезать ей кусок земли, то предоставить мне на этот счет соображения»².

Кишинский в ответ промолчал. В письме от 12 ноября 1867 года, адресованном Кишинскому, Тургенев вновь тактично напоминает о Евпраксии и ее родственниках Лобановых³. 13 апреля 1868 года опять тому же адресату: «Еще раз рекомендую Вам старуху Евпраксию, есть особенные причины, которые побуждают меня по мере возможности ее успокоить»⁴.

Видимо, просьба Тургенева не дала положительного результата. И тогда в письме от 7(19) мая 1868 года Тургенев вынужден сде-

лать признание Кишинскому, откровенно объясняя причины своей настойчивости: «...эта калека Евпраксия (но это между нами) была когда-то, очень давно тому назад красавица, и я, будучи молодым, 17-и летним малым, впервые имел с ней плотские дела, вот это-то и не забывается»⁵.

Как распорядился Кишинский, и осталась ли Евпраксия в Спасском, неизвестно. Однако доподлинно известно, что Евпраксия продолжала входить в число пенсионеров Тургенева. Так, в письме новому управляющему Спасского Н.А.Щепкину, сообщая список своих пенсионеров, Тургенев просит снова включить в него Евпраксию Ивановну Лобанову (письмо от 22 октября 1876 года). В «Ведомости о расходе денег по имениям Коллежского Секретаря И.С. Тургенева» (хранится в фондах музея Тургенева), составленной управляющим Н.А.Щепкиным за 7 месяцев 1878 года помечено: «выдано пенсии Е.Лобановой – 50 рублей»⁷.

В Государственном архиве Орловской области имеется документ 1876 года, который свидетельствует о том, что Лев Иванович Лобанов и его домочадцы были прихожанами Покровской церкви в г.Орле. Среди домашних Льва Ивановича значится: «свояченица Евпраксия Ивановна – 68 лет»⁸ (сообщено Л.В.Ивановой).

В 1878 году семейство Лобановых поселилось на углу Новосильской (нынешней Пушкинской) и Старо-Московской улиц в большом собственном доме, который по преданию помог приобрести И.С.Тургенев. Внучка Л.И.Лобанова впоследствии вспоминала, что Тургенев в свои приезды в Орел в 1879 и 1881 годах навещал их в собственном доме⁹. Надо думать, что он видел свою «прежнюю любовь» Евпраксию, которая в эти годы уже и в самом деле напоминала «живые мощи».

Двоюродная сестра Тургенева Е.Н.Конусевич вспоминала: «...Я её помню, она уже была беззубая старуха, щеки ввалились, нос с подбородком соединился, но ещё видны были черты былой красоты. Она была высокого роста, ещё очень прямо держалась. В далеком прошлом качалась на качелях, упала и сломала ногу. Прилично очень одевалась, носила кисейные наплюенные чепцы. Такая была чопорная, с хорошими манерами. На её обязанности было наливать чай. Бывало, никогда не сядет, хотя и была хромая. Многие ей говорили: «Что вы, Апроксея Ивановна, все стоите, почему не сядете?» Она отвечала: «Помилуйте, разве это можно сидеть при господах, покорно благодарю, я не уморилась и постою»¹⁰.

Воспоминания Тургенева об отношениях с Евпраксией принадлежат к числу, пожалуй, самых сокровенных. Тургенев время от времени возвращается к образу молодой Евпраксии и, по сути, к своей собственной юности. В своем Дневнике Эдмон Гонкур записал следующий рассказ писателя: «Я был совсем молод, был девствен и знаком с желаниями настолько, насколько это бывает в пятнадцать лет. У матери моей была горничная, красивая, с глупым видом, - но, знаете, бывают такие лица, которым глупый вид придает нечто величавое. День был сероватый, мягкий, дождливый, один из тех дней, как будто насыщенных эротизмом. Спускались сумерки. Я гулял в саду. Вдруг вижу... девушка эта подходит прямо ко мне – я был ее господином, а она моею крепостною – берет меня за волосы на затылке и говорит: “Пойдем”. Далее было ощущение, похожее на то, что мы все знаем. Но та нежность, с которой она скрутила мои волосы, сказав одно единственное слово, иногда, когда мне случается думать об этом, это воспоминание делает меня абсолютно счастливым»¹¹.

Евпраксия пережила Тургенева на 5 лет. В записной книжке, которая принадлежала потомкам Лобановых и ныне хранится в фондах музея Тургенева, на одной из страниц есть запись: «1888 года октября 5 в 1 час ночи скончалась тётя раба Евпраксия, похоронена была 6го октября, в четверг»¹².

Исследователи считают, что Евпраксия послужила Тургеневу в качестве прототипа образа Лукерьи в рассказе «Живые мощи». Если это так, то благодарная память поэта перевоплотила образ девушки из народа, возвысив черты простой женщины почти до лика святой.

Примечания.

1. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем (2). Соч. Т.11. С.198;
2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем (2). Письма. Т.8. С.53;
3. Там же. Т.8. С.63;
4. Там же. Т.8. С.185;
5. Там же. Т.8. С.198;
6. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем (1). Письма. Т.10. С.336;
7. ОГЛИМТ, ф.1, оп.1, №196 оф;
8. ГАОО, ф.101, оп.1;
9. Понятовский А.И. Тургенев и семья Лобановых //Тургеневский сборник. Вып.1. Л.: Наука, 1964. С.276;

10. Конусевич Е.Н. Иван Сергеевич Тургенев //Литературное обозрение. 1993. №11-12. С.6;

11. Цит. по: Zviguilsky A. Tourguéniev et Edmond de Goncourt: des relations ambiguës //Cahiers Ivan Tourgénéiev, Pauline Viardot, Maria Malibran. №20. Paris, 1936. P.67-68;

12. ОГЛМТ, ф.1, оп.1, №42001 оф.

Г.Н. Павлова

А.М. ПУТИНЦЕВ: К ИСТОРИИ ОПИСАНИЯ МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ И.С. ТУРГЕНЕВА

Книги родовой библиотеки вызывали интерес у И.С.Тургенева на протяжении всей его жизни. И если в детские годы приобщение к чтению было для него открытием «другой жизни», то уже будучи взрослым человеком, известным писателем Тургенев обнаруживал, что книги, перешедшие к нему по наследству, воссоздают характеры и дополняют портреты тех людей, родных и друзей, которым они принадлежали. Сам он впоследствии также пополнял семейную библиотеку, уже согласно своим интересам и характеру. Поэтому не удивительно, что книги мемориальной тургеневской библиотеки стали предметом пристального изучения для нескольких поколений литературоведов и музейных сотрудников.

Одним из первых, кто прикоснулся к книжным сокровищам Тургеневых–Лутовиновых, был профессор А.М.Путинцев. Им же в 1930-е годы на основе изученных маргиналий были написаны первые статьи о Тургеневской библиотеке и подготовлены материалы по её описанию. К сожалению, в силу ряда причин, большая часть тургеневедческих работ Путинцева осталась неопубликованной, а биография самого ученого, первого исследователя тургеневского книжного собрания долгие годы зияла большими пробелами, ликвидировать которые сотрудникам Орловского объединенного литературного музея И.С.Тургенева помогло лишь личное общение с внучкой профессора, кандидатом физико-математических наук, сотрудником Физического института имени И.Н.Лебедева Российской Академии наук Еленой Павловной Черенковой.

Алексей Михайлович Путинцев (10.01.1880 – 16.05.1937) – профессор-филолог, историк литературы, этнограф, фольклорист. Родился в селе Старая Хворостань Коротоякского уезда Воронежской губернии в семье священника, в которой было пятеро детей: три девочки и два мальчика. Обучение Алексей Путинцев начал в Воронежском духовном училище, а в 1901 году он успешно окончил Воронежскую духовную семинарию. Казалось, что его дальнейший путь служения был уже преопределен. Однако, нарушив семейную традицию, Алексей Михайлович решил получить светское образование. С юных лет в круг его интересов входили этнография, литература, фольклористика. С 1901 по 1906 годы Путинцев учился в Юрьевском (Дерптском, Тартусском) университете, сначала – на юридическом, а затем на историко-филологическом факультете.

По окончании университета, в течение двенадцати лет Путинцев преподавал русский язык и словесность в гимназиях и реальных училищах в Новочеркасске, Самаре, Казани и Камышине. В Новочеркасске он познакомился с выпускницей Московского Института благородных девиц, учительницей иностранных языков Марией Михайловной Борейшей, которая стала его женой. В 1909 году в Казани у них родилась дочь Мария.

Еще в студенческие годы проявилась склонность Путинцева к научной работе. За время учебы в университете им было написано и опубликовано более тридцати статей по филологии, этнографии, фольклору. С 1906 года он являлся действительным членом Воронежской ученой архивной комиссии, с 1909 по 1924 годы входил в группу ученых, работавших над составлением академического «Словаря русского языка», с 1912 года был действительным членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, а с 1913 года действительным членом Русского географического общества по отделению этнографии. За десять послеуниверситетских лет Путинцев написал около 80 работ, которые публиковались в сборниках и периодической печати в Санкт–Петербурге, Воронеже, Казани, Киеве, Ярославле. Его статьи появлялись на страницах таких изданий, как «Филологические записки», «Русский филологический вестник», «Вестник образования и воспитания» и др. Это были работы по методике преподавания русской словесности в младших классах, обзорные статьи, очерки о жизни и творчестве И.А.Крылова, Л.Н.Толстого, К.Бальмонта, К.И.Рылеева,

Н.В.Гоголя, П.П.Ершова, И.С.Никитина, А.В.Кольцова и др., статьи о народных обычаях, о частушках и пословицах, краеведческие разыскания. По широте своей научной деятельности Путинцев был поистине личностью российского масштаба. Бытовые неурядицы революционного периода заставили семью Путинцевых переехать поближе к родным в Воронежскую губернию. В 1918 году они поселились в селе Левая Россось, где священником служил брат Путинцева Иван Алексеевич (в кровавом 1937 году он будет безвинно расстрелян в числе множества жертв сталинского террора). Во время переезда поезд, в котором ехали Путинцевы, был разграблен, на зиму они остались без теплой одежды и самых необходимых вещей. В селе, как впрочем и во всей стране, царили голод и нищета, несколько раз менялась власть. Алексей Михайлович работал учителем и заведующим в сельской школе, решая все проблемы её существования. Ничто не располагало к научным изысканиям. Однако, именно в 1920-е годы Путинцев, начав работать преподавателем в Воронежском университете, приступил к подготовке диссертации, которую блестяще защитил в мае 1921 года, став доцентом, а позже и профессором кафедры русской литературы филологического (позднее – педагогического) факультета этого университета.

В 1921 году Путинцев участвовал в этнографической экспедиции Центрального музея этнографии, являлся товарищем председателя правления Воронежского отделения московского Общества по исследованию памятников древности имени А.И.Успенского, редактором «Воронежского историко-архивного вестника».

Среди разнообразия тем, которыми занимался Путинцев, была одна, которую можно назвать не просто основной, а самой любимой, в которую Алексей Михайлович вложил не только силу ума, познаний, организаторские способности, но и частицу своей души – это изучение жизни и творчества замечательного русского поэта, воронежца И.С.Никитина.

Никитинской теме посвящено более пятидесяти публикаций А.М.Путинцева. Алексей Михайлович возглавлял работу по подготовке экспозиции Музея литературы Воронежского края им. И.С.Никитина (ныне – Дом-музей И.С.Никитина), который открылся в 1924 году, а его первым заведующим в течение шести лет оставался сам основатель. На территории никитинской усадьбы в здании бывшей гостиницы постоялого двора все эти годы жила семья Путинцевых.

При музее существовало литературно-справочное бюро для учителей, студентов и всех любителей старины. А.М.Путинцев одним из первых ввел понятие «литературное краеведение». Его книга о литературном краеведении «Краевая художественная литература» (Воронеж: Коммуна, 1929) является первым специальным пособием по данной теме и содержит практические советы по созданию литературных музеев на местах. В Воронеже Путинцев объединил вокруг себя целый ряд людей, заинтересованных в изучении литературно-краеведческих тем. В частности, он собрал обширнейший материал о жизни и творчестве ещё одного воронежского уроженца – поэта Алексея Кольцова и впервые опубликовал 438 пословиц, записанных в свое время Кольцовым.

Путинцев являлся участником и организатором многочисленных фольклорных, краеведческих и этнографических экспедиций по Воронежскому краю, в ходе которых было собрано несколько тысяч частушек, пословиц, написаны статьи о крестьянском быте и costume.

Весной 1930 года дочь Путинцева Мария Алексеевна, окончив педагогическое отделение Воронежского университета, уехала преподавать в город Козлов (ныне Мичуринск, Тамбовской области). Там судьба свела её с будущим мужем, выпускником Воронежского университета, учителем физики и математики (впоследствии – выдающимся ученым, лауреатом Нобелевской премии 1958 года) Павлом Алексеевичем Черенковым (1904–1990). Тесть и зять едва успели познакомиться. Осенью 1930 года А.М.Путинцев был арестован по делу Воронежской областной контрреволюционной монархической организации «Краеведы».

Десятилетия спустя внучка Путинцева добилась возможности ознакомиться с документами судебного следствия, по которому проходил её дед. В своих руках она держала и «дело» другого деда, по отцовской линии, трудолюбивого и домовитого крестьянина А.Е.Черенкова, расстрелянного в 1938 году. В ходе процесса над «Краеведами» обвинялось 92 человека. Один был оправдан, пятеро приговорены к расстрелу, остальные отправлены в лагеря и ссылки.

Подобные аресты прошли тогда и в Орле. Орловская область в те годы входила в состав Центральной Черноземной области с центром в Воронеже. Из членов Орловской группы арестовали десять человек, в числе которых находилась и Вера Михайловна Викторова (урожденная княжна Оболенская), работавшая с 1922 по 1929 годы

в музее И.С.Тургенева (в 1927-28 годы – заведующая музеем). Её арестовали в 1931 году в Москве, обвинив в том, что она, работая в музее, «защищала личность Тургенева» и приговорили к трем годам ссылки в Казахстан. Двоих из десяти орловцев расстреляли.

А.М.Путинцев был сослан на пять лет в местечко Вороний Порог под Ленинградом. Семья в это время переехала в Ленинград. Павел Алексеевич Черенков поступил в аспирантуру АН СССР, поселившись с женой и тещей в аспирантском общежитии. Мария Алексеевна ездила навещать отца, отвозила ему теплую одежду, продукты, которых, к сожалению, в доме было немного, так как действовала карточная система. Е.П.Черенкова до сих пор бережно хранит том избранных сочинений А.С.Пушкина, побывавший с её дедом в ссылке. Спустя некоторое время срок наказания Путинцеву был сокращен и в 1932 году его освободили.

Начались поиски жилья и работы, в результате которых А.М. и М.М. Путинцевы переехали в Орёл, где для Алексея Михайловича нашлась работа сначала библиотекаря, а потом и преподавателя педагогического института. Тогда же он получил задание редакции «Литературного наследства» составить описание книжного собрания В.Г.Белинского, входящего в мемориальную библиотеку И.С.Тургенева.

Директором Литературно-бытового музея имени И.С.Тургенева (именно так назывался в 1930-е годы музей) с марта 1930 по 1948 год являлся Борис Александрович Ермак (1906-1986). Кроме него в штате имелась техническая служащая. В 1933 году исполнялось 50 лет со дня смерти И.С.Тургенева. В связи с проведением крупных мероприятий в музее Б.А.Ермак к 1933 году добился осуществления первого за все годы существования музея, капитального ремонта здания и увеличения штата сотрудников до пяти человек. К 1934 году штатное расписание музея выглядело следующим образом: директор – Ермак Б.А., экскурсовод-массовик – Ермак Екатерина Августовна (1903 г.р., жена директора), билетер Строганов Василий Иванович (1871 г.р. из административно ссыльных), техническая служащая – Бондарева Анна Петровна (1907г.р.) и дворник Родин Илья Степанович (1902г.р.). Вот с этими людьми почти ежедневно встречался А.М.Путинцев, приходя в музей, чтобы поработать с книгами. Ясно, что научных сил в музее не хватало, и Б.А.Ермак прибегал к помощи преподавателей пединститута, вводя их в состав Совета музея.

С первых же дней пребывания в Орле А.М.Путинцев тоже начал участвовать в научной работе музея. Так, 26 июня 1931 года он выступил на заседании Ученого совета музея с сообщением о тургеневедческих работах М.К.Клемана. В обсуждении его доклада активное участие приняли члены совета – С.Горовой и М.Покровский. Летом 1933 года А.М.Путинцев способствовал приобретению музеем редких и ценных книг у некоего Ильинского, распродававшего свою домашнюю библиотеку (к сожалению, в бумагах не сохранилось инициалов, но вероятнее всего речь идет о литературоведе Л.В. Ильинском).

4 сентября 1933 года в Орле вышел очередной номер газеты «Орловская правда». Основной темой выпуска было 50-летие со дня смерти И.С.Тургенева. На полном развороте газеты (стр.2 и 3), а также, частично, на 4-й странице были помещены тургеневские материалы: отрывки из произведений писателя и статьи краеведов, членов Совета музея С.Горового, М.Покровского и др., а также статья А.М.Путинцева «Местный колорит в творчестве Тургенева». Газета содержала объявление о проведении 4 сентября 1933 года в 18 часов в летнем городском театре юбилейного заседания с участием представителей партийных и профсоюзных органов, профессора АН СССР Бельчикова, директора Воронежского пединститута Стоичева, делегата московской Тургеневской читальни Стефановского, артистов Большого театра и др. Сообщалось, что «на заседание прибудет тов. Данков, девяностолетний старик – колхозник, бывший кучер писателя».

С выполнением задания «Литературного наследства» по описанию книг Белинского у Путинцева вышла небольшая заминка. В фонде научной и хозяйственной переписки музея сохранилась копия письма Путинцева в редакцию «Литературного наследства», датированная декабрем 1932 года: «Сообщаю Вам, что я не могу приступить к выполнению Вашего поручения – описание библиотеки Белинского, так как зав. Тургеневским музеем Б.А.Ермак не разрешает начать работу. Он выставляет такие условия, при которых возможна моя работа:

1. необходимо, во избежание «параллелизма», мою работу по библиотеке Белинского согласовать с работой по той же библиотеке, исполняемую в качестве общественной нагрузки одним из преподавателей г.Орла;

2. необходимо, кроме того, выпустить эту работу печатным выпуском с надписью сверху «Труды Тургеневского музея». №4».

В письме указан орловский адрес проживания А.М.Путинцева: «ЦЧО, г.Орел, Правый берег р.Оки, д.№68, квартира Жисминой». Постепенно разногласия между А.М.Путинцевым и Б.А.Ермаком были устранены, и профессор приступил к порученной ему работе. По мнению О.Г.Ласунского, первого биографа Путинцева, 1932-1935 годы, прожитые ученым в Орле, были «самыми плодотворными» в плане научной деятельности. К сожалению, большинство статей, подготовленных Путинцевым в эти годы, не были опубликованы. Очевидно, сказалась судимость. И если за три студенческих года им было опубликовано около 30 статей, то за четыре года после ссылки их оказалось только семь, хотя работал и писал уже известный в стране профессор очень много. Не увидели свет около десятка статей, написанных Путинцевым на основе изученных маргиналий тургеневской библиотеки для сборника «Звенья», а подготовленное им описание книг Белинского было опубликовано лишь частично в 19-21 томах «Литературного наследства» за 1935 год.

В своей книге «А.М.Путинцев – историк литературы, фольклорист и этнограф» (Воронеж, 1969) Олег Григорьевич Ласунский дает библиографический список трудов Путинцева, в том числе и его работ по тургеневской теме, большая часть из которых осталась неопубликованной. Вот как выглядит этот список.

I. Опубликованное.

1. Уроки объяснительного чтения из произведений И.С.Тургенева // *Филологические записки. Выпуск II.* - 1909. - с.12;
2. Местный колорит в творчестве И.С.Тургенева // *Орловская правда.* - 1933. - №204. - 4 сентября;
3. Библиотека В.Г.Белинского [в музее И.С.Тургенева в Орле] // *Литературное наследство. т.19-21.* - 1935. - с.603-616.

II. Неопубликованное.

1. Библиотека И.С.Тургенева в с.Спасском–Лутовинове бывш. Мценского уезда, Орловской губернии. (3 печатных листа);

2. Описание книг библиотеки И.С.Тургенева (автографы, надписи, пометки). Перечень книг с предисловием и примечаниями;
3. К драматической деятельности И.С. Тургенева (0,5 печатн. листа);
4. Философия и И.С.Тургенев (его увлечение Монтенем, Шеллингом, Гегелем, Шопенгауэром и др.) (1 печатн. лист);
5. Крепостной театр в усадьбе Тургеневых – Лутовиновых (организация театра, его репертуар, воздействие на писателя) (1 печатн. лист);
6. Из детских лет Тургенева (его воспитание и обучении дома в детстве) (1 печатн. лист);
7. Из мелких заметок И.С.Тургенева (1 печатн. лист);
8. Дополнения и поправки к «Хронологической канве для библиографии И.С.Тургенева» Н.Н.Гутьяра (0,5 печатн. листа);
9. Тургеневские юбилейные торжества (0,5 печатн. листа);
10. Библиотека В.Г.Белинского. Описание книг с предисловием и примечаниями (325 машинописных страниц).

И завершают список три статьи об атеизме И.С.Тургенева (по 0,5 печатн. листа каждая).

Этот простой перечень работ Путинцева позволяет оценить широту охвата им тургеневской тематики.

В 1936 году А.М.Путинцев покинул Орёл и, после недолгого пребывания в Перми, переехал в Тамбов. В 1936-37 годах он являлся профессором Тамбовского государственного учительского института. Алексею Михайловичу шел пятьдесят восьмой год, он был полон планов и надежд, но здоровье его к этому времени оказалось серьезно подорвано: сказались лишения, тревоги и перенесенный в 1920-е годы туберкулез легких. 16 мая 1937 года А.М.Путинцев умер от инсульта. Архив профессора был передан в Российский Государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). К этому архиву обращались сотрудники Орловского объединенного государственного литературного музея И.С. Тургенева в процессе работы по описанию мемориальной библиотеки писателя, отметив, что труд А.М. Путинцева не утратил своей актуальности по сей день. Разработанные профессором принципы описания мемориальной библиотеки И.С. Тургенева легли в основу работы, ведущейся в настоящее время в музее.

Литература и материалы.

1. Акиншин А.Н. Судьба краеведов (конец 1920 – начало 30-х годов) // Вопросы истории. 1992. №6-7.
2. Документы фонда научной и хозяйственной переписки музея И.С.Тургенева. 1933-36 гг.
3. Ласунский О.Г. А.М.Путинцев – историк литературы, фольклорист и этнограф: Краткий очерк деятельности и библиография трудов. Воронеж, 1969.
4. Орловская правда: Газета. 1933. №204, 4 сентября. (с.2,3,4 – материалы «Тургеневского номера» газеты к дню памяти И.С. Тургенева).
5. «А.М.Путинцев. Биография»: Из семейных воспоминаний / Подготовлено Е.П.Черенковой для ОГЛМТ.

*Вокруг тургеневской
энциклопедии*

*И. Ф. Горбунов – отставной генерал Дитятин,
герой из рассказа Горбунова. 1887 г.*

И.С.ТУРГЕНЕВ И АКТЕРЫ АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА (ОКОНЧАНИЕ)

То, что привлекало Тургенева в творчестве П.В.Васильева, который продолжал в своем актерском искусстве традиции гениального А.Е.Мартынова, воплощая на сцене драматизм жизни, как малого мира сего, так и царственного героя, вызывало жесткую критику реакционной прессы, зависть и нападки собратьев по театральным подмосткам.

Поиски П.В.Васильева особенно были неприемлемы для Петра Андреевича Каратыгина, брата знаменитого трагика Василия Андреевича Каратыгина. Актер, водевилист, он был яростным противником драматургии Н.В.Гоголя, А.Н.Островского. Его перу принадлежал известный водевиль «Натуральная школа», подвергавший осмеянию прогрессивные тенденции русской литературы.

Каратыгин резко нападал на Васильева за его стремление выйти за рамки своего амплуа характерного актера, попробовать себя в ролях высокой трагедии. Он видел в Васильеве комического актера и не принимал его в ролях трагического звучания. После того, как Васильев сыграл роль Ивана Грозного в трагедии А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного» в 1867 году, Каратыгин не преминул отозваться на это событие эпиграммой:

*Васильев в «Грозном» мог смешить,
Но вряд ли повод даст к суждениям серьезным:
Иваном грязным он и грузным может быть,
Но мудрено ему быть Грозным.¹*

Каратыгину было от чего придти в негодование. Привыкший к величественным образам царей, которые поднимал на котурны его знаменитый брат-трагик, он пришел в сильнейшее раздражение, увидев другого царя в исполнении Васильева. Актер, прежде всего, показал живого человека, со всеми его противоречиями, силой и слабостями, лишив Грозного внешней помпезности. Позднее в своих «Записках» Каратыгин упомянул о неких советниках и знатоках драматического искусства, которые подвигли Васильева попробовать свои силы в ином амплуа. Он не назвал фамилии, но хорошо знал, что одним из советников был Тургенев.²

Нет сведений, что Тургенев присутствовал на премьере «Смерть Иоанна Грозного», а также о его встречах в это время с Васильевым. Они встречались, как упоминалось выше, уже в 1871 году, когда писатель вернулся в Петербург и присутствовал вновь на чтениях у Васильева. Несомненно, что творческие поиски его были Тургеневу весьма интересны и близки.

В свое время Белинский заметил, что П.А.Каратыгин имел «талант односторонний, годный не для многих ролей, но, тем не менее, весьма замечательный».³ Он играл преимущественно комедийные и водеvilные роли, никогда не выходя за рамки ампула комического актера. Отсюда его упорное заблуждение – а он все примерял на себя – что комический актер не способен играть драматические роли.

Кроме того, Каратыгин был автором многочисленных водевилей. Белинский писал: «Из всех наших водевилистов только один г.П.Каратыгин стоит выше других наших водевилистов. Нельзя сказать, чтоб он превосходил их только талантом – нечто похожее на талант есть и у некоторых из них; но у г.П.Каратыгина много ума, которому в особенности и обязаны своим успехом его водевили <...> Он не перекладывает французских водевилей на русские нравы, но рисует петербургские нравы среднего круга...».⁴

Каратыгин в своих водевилях часто откликался на злободневные события, происходившие в столице. В водевиле «Ложка первого яруса на последний дебют Тальони», одном из лучших, что вышли из-под пера Каратыгина, он искусно передал тот ажиотаж, который вызвали в 1838 году в Петербурге гастроли знаменитой балерины. Тургенев в это время был за границей, но его занимало происходившее во взбудораженной приездом Тальони северной столице. Его мать Варвара Петровна Тургенева 1/13 января 1839 года выслала ему в Берлин отрывки из водевиля Каратыгина с тем, чтобы он почувствовал атмосферу балетомании, заразившую семейство чиновника из Коломны и других представителей петербургского общества.⁵

Отсутствуют сведения о том, читал или видел на сцене Тургенев другие водевили Каратыгина. Читал – вряд ли, но вот видеть, очевидно, мог. Каратыгин был весьма плодовитым автором семидесяти оригинальных и переводных водевилей, которые часто шли на сцене.

В 1849 году в свой бенефис Каратыгин сыграл роль Алупкина в комедии Тургенева «Завтрак у предводителя». Роль актеру не за-

далась. Неизвестный рецензент довольно резко отозвался об игре Каратыгина: «В пьесе и без того так много изысканной карикатуры, что не следовало бы, кажется, увеличивать ее резкою выступкою и дикими жестами господина Алупкина, который беспрестанно балансировал локтями».⁶ Критик не очень высоко оценил комедию Тургенева, еще менее излишнюю шаржировку игры Каратыгина.

Актер был первым исполнителем на петербургской сцене некоторых ролей в комедиях Тургенева. Он сыграл фон Фонка в комедии «Холостяк», премьера которой состоялась 14 октября 1849 года в бенефис М.С.Щепкина, гастролировавшего тогда в столице. Позднее он исполнил роль Трембинского в «Нахлебнике», увидевшем свет ramпы Александринского театра в бенефис актрисы Ф.А.Снетковой в 1862 году.

Судя по отзывам критиков, Каратыгин более передавал внешнюю характерность тургеневских героев, впадая, порой, в привычное комикование. Он был далек от понимания сущности драматургии Тургенева. Недаром вскоре после неуспеха комедии «Где тонко, там и рвется» на сцене Александринского театра, сыгранной 10 декабря 1851 года в бенефис актрисы Н.В.Самойловой и снятой после двух представлений с репертуара, Каратыгин не отказал себе в удовольствии отозваться эпиграммой:

*Тургенев хоть у нас и славу заслужил,
На сцене же ему не слишком удастся...
В комедии своей он так перетончил,
Что скажешь нехотя: «Где тонко, там и рвется».*⁷

Сведения об интересе Тургенева к личности и творчеству Каратыгина отсутствуют, но то, что он хорошо знал его неприятную водевильную манеру, отозвалось в неожиданном каламбуре Тургенева в письме к Н.В.Ханькову от 16 (28) мая 1873 года: «С удовольствием – и с Вами (это хоть бы Каратыгину 2-му) обедаю в субботу».⁸

Много лет Тургенев поддерживал дружеские отношения с Иваном Федоровичем Горбуновым, актером, блестящим автором-рассказчиком собственных произведений из народного быта, жанровых и сатирических. Горбунов начинал свой артистический путь в Малом театре, дебютировав в бенефис П.М.Садовского в роли Вани в пьесе «Образованность» 16 ноября 1854 года. К тому вре-

мени он уже известен в Москве своими устными рассказами в доме А.Н.Островского, где слушателями были драматург и члены кружка, известного под названием «Молодая редакция» журнала «Москвитянин», в других московских домах и салонах. Герои Горбунова в «Прогулках фабричных», «У квартального надзирателя», мастеровой и его хозяин в сценке «Мастеровой» – это слой народной жизни, увиденный, услышанный и передаваемый автором с необычайным мастерством.

Но с поступлением на сцену Малого театра после достаточно успешного дебюта у Горбунова не заладилось. Островский и друзья актера посоветовали ему попробовать поступить на сцену Александринского театра в Петербурге. С просьбой содействовать Горбунову в этом драматург обратился к Тургеневу. Писатель уже был знаком с актером и принял живое участие в его судьбе. Он писал Островскому 10(22) февраля 1855 года, что болен и не мог ничего написать ему «о г-не Горбунове – потому что не видел еще Федорова, но как только выздоровею, тотчас пойду к нему и подробно напишу Вам результаты нашего свидания».⁹

Павел Степанович Федоров был начальником репертуарной части петербургских театров, и от него очень много зависело. Благодаря хлопотам Тургенева и других почитателей таланта актера, Горбунов 17 февраля 1855 года дебютировал на сцене Александринского театра, был принят в труппу, в которой служил до конца своих дней.

Тургенева восхищал интонационный и импровизаторский дар Горбунова-рассказчика, его умение передавать богатство и своеобразие русского языка многочисленных героев: крестьян, ремесленников, купцов, воссоздавать несколькими штрихами запоминающиеся характеры. Актер часто выступал на вечерах в квартире Тургенева перед ним и его друзьями. Он стал своим человеком в этом кругу петербургских литераторов.

Горбунов познакомился у Тургенева с Л.Н.Толстым, А.В.Дружининым, но не порывал связи с московским кружком и, прежде всего, с Островским.

Театр не приносил актеру полного удовлетворения. После дебюта в «Ночном» Стаховича в роли Вани у него были удачи: Кудряш в «Грозе», Афоня «Грех да беда на кого не живет» – драмах Островского, но в общем-то главным в его творчестве стали устные рассказы, которые он исполнял в дивертисментах перед занавесом Алек-

сандринского театра. В них он был необычайно раскрепощенным, глубоким и талантливым мастером.

Отношения Тургенева и Горбунова довольно скоро стали дружескими, несмотря на некоторые шероховатости иной раз. Так, 23 февраля (6 марта) 1862 года писатель рекомендовал актера Д.Я.Колбасину, жившему тогда в Новгороде: «Податель сей записки Иван Федорович Горбунов, имя которого Вам, вероятно, очень хорошо известно. Он едет в Новгород на недельку и желал бы, если возможно, остановиться у Вас. Я уверил его, что Вы очень ему обрадуетесь и примете его с радушием».¹⁰ Наверное, Колбасин принял Горбунова хорошо, хотя потом его радушия поубавилось: он пожаловался Тургеневу на поведение гостя, который уехал, забыв о денежном долге хозяину. Писатель был очень раздосадован, о чем говорят строки его письма к Колбасину: «А Горбунов – свинья. Я бы ему в глаза это сказал – да он ускакал с Островским в Москву – и пробудет там вероятно, до Святой. Я сегодня же напишу Островскому – и заставлю этого фокусника выслать Вам деньги».¹¹

Постепенно раздражение Тургенева улеглось, тем более, что он, очевидно, заставил актера возместить ущерб Колбасину. Писатель вообще снисходительно относился к «слабостям» артистических натур. И в 1862 году Тургенев обедал в Пале-Рояле вместе с приехавшими в Париж Островским и Горбуновым, слушая речи генерала Дитятин, осколка старой России, одного из блистательных сатирических созданий Горбунова. Дитятин, хотя и «слап», как подписывал фотографии в облике генерала Горбунов, но имел свои нелепые и смехотворные суждения по разным поводам. Недаром его девизом было: «Не свирепствую – но непреодолим». 13 марта 1879 года герой актера весьма энергично возмущался «Записками охотника» коллежского секретаря Тургенева, вызвав необычайную веселость у всех, кто присутствовал в ресторане Бореля в Петербурге на обеде, данном в честь писателя.

Порой Тургенев не отказывал себе в удовольствии привести в письме забавлявшее его словечко Горбунова. Он писал Е.П.Ковалевскому о М.А.Маркович: «Она хочет Вас видеть – само по себе – и, что для нее несколько «внове», как говорит Горбунов, в качестве просительницы».¹²

Иногда писатель ссылался на талант Горбунова-рассказчика по более серьезному поводу, чтобы определеннее выразить свое мнение. Критически оценивая брошюру, которую народники собирались

распространять среди крестьян, он писал П.Л.Лаврову 1 (13) февраля 1876 года: «Надо быть хорошим чтецом (вроде И.Ф.Горбунова), чтобы верно передать, например, страницу 9-ю; представьте ее в чтении человека едва грамотного: ничего не выйдет».¹³

Горбунов вместе с Тургеневым участвовал в 1874 году в сборнике «Складчина», изданном в помощь пострадавшим от голода в Самарской губернии.

Известно лишь одно письмо писателя к актеру от 29 марта (10 апреля) 1881 года, в котором он извещал Горбунова о том, что собирается исполнить его поручение, но ответ адресует на имя Я.П.Полонского, так как актер, иронически замечает Тургенев, «по неизменной строжайше соблюдаемой привычке всех русских»¹⁴ не приложил своего адреса.

И.Ф.Горбунов – пожалуй, последний актер Александринского театра, о котором есть сведения, что Тургенев поддерживал с ним дружеские отношения.

Знакомство же с актрисой Александрой Ивановной Шуберт, ученицей М.С.Щепкина, которая играла на сценах Малого, Александринского, провинциальных театров, было мимолетным. В 1854 году, когда Шуберт была в труппе Александринского театра и жила на квартире своей сестры актрисы П.И.Орловой, их навестили Тургенев, А.В.Дружинин, Д.В.Григорович. Дружинин записал в своем дневнике: «Тургенев оказался слабым после болезни, тем не менее он поехал <...> на обещанный вечер. Нас встретили как нельзя милее и ласковее <...>, а разговор более шел “об искусстве”».¹⁵ Сама Шуберт вспоминала об этом визите: «Сестра просила их бывать. В следующую субботу приехал Тургенев с Григоровичем. Я по своей глупости сказала Тургеневу, что мне не нравится, зачем он в своих сочинениях вдается в описание природы: это очень скучно читать и я всегда пропускаю. Наше знакомство не упрочилось. Тургенев вскоре уехал за границу».¹⁶

Шуберт обладала большим педагогическим даром, в своих артистических скитаниях по провинциальным театрам она опекала еще совсем юных М.Г.Савину и В.Н.Давыдова, впоследствии блистательных актеров «театра Тургенева». Занятия Шуберт с молодыми актерами в шутку называли «консерваторией». «Большую пользу принесла мне эта консерватория, и я не раз потом вспоминал милую, умную и добрую Александру Ивановну. На Савину она имела огромное влияние» – вспоминал В.Н.Давыдов.¹⁷

Другим актером из окружения А.Н.Островского, с которым какое-то время поддерживал отношения Тургенев, был Федор Алексеевич Бурдин. Друг А.Н.Островского, его представитель в Петербурге, активно способствовавший продвижению пьес драматурга на сцену Александринского театра, иной раз достаточно успешно выступавший в его драматических произведениях: Митя в комедии «Бедность не порок», купец Пузатов в пьесе «Картины семейного счастья», Мамаев в «На всякого мудреца довольно простоты».

Но это довольно редкие проблески таланта Бурдина на сценических подмостках, чью артистическую манеру хлестко определил Апполон Григорьев, как «бурдинизм», то есть в его работах наличествовали выпренность, ломанье, ложный трагизм, игра на публику. В жизни актер часто вел себя бесцеремонно и навязчиво.

Тургенев с опасливой иронией относился к выходкам Бурдина, стараясь держаться от него на расстоянии, хотя не всегда это удавалось. Он писал Островскому из Парижа: «Бурдин был здесь и приставал ко мне; - хорош был гусь прежде – воображаю, что он будет из себя выламывать, вернувшись в Россию».¹⁸

И вольно или невольно им приходилось встречаться, так как Бурдин был своим в литературных кругах, предлагал услужливо себя в качестве тещи, когда возникала необходимость в озвучивании новых произведений на писательских вечерах. В 1854 году на вечере у Тургенева, где А.Ф.Писемский представлял друзьям роман «Тысяча душ», Бурдин читал главы произведения и даже заслужил похвалу А.К.Толстого за мастерское чтение.

В конце 1858 года, договариваясь о встрече с Н.А.Некрасовым, Тургенев писал: «Мы увидимся, вероятно, у хлыща Бурдина, до того времени – до свидания».¹⁹ Среди литераторов Бурдин имел прозвище «хлыщ» - отзвук фельетонов И.И.Панаева, который ввел в обиход это словечко, чтобы обозначить пустоту франтоватого человека, по сути фата.

Для Тургенева Бурдин – человек и актер вполне был достоин этого прозвища. Недаром, мы упоминали ранее, что драматург пришел в страшное раздражение, узнав о притязаниях актера на роль Кузовкина в «Нахлебнике», воспринимая такую возможность как катастрофу.

Других актеров и актрис Александринского театра Тургенев видел как зритель, не вступая с ними в тесные отношения. Это, прежде всего, Фанни (Федосья) Снеткова 3-я, «царица грез театрального Петербурга», так говорили о ней современники.

Снеткову отличали искренность чувств на сцене и необыкновенная красота. Ее дарование выходило далеко за рамки амплу инженю, недаром вершиной творчества актрисы стала роль Катерины в драме А.Н.Островского «Гроза». Тургеневу она была, очевидно, памятна по спектаклю «Не в деньгах счастье» И.Е.Чернышева, где Мартынов сыграл блистательно остро драматическую роль Боярышников, столь восхитившую Тургенева, а Снеткова – роль дочери Боярышников, вначале отринутой отцом, а в финале обретенной им. «Снеткова открывала в характере тихом и скромном поворот к драме. В поникшей своей героине она находила вдруг вечные черты характера русской женщины: сердечную отзывчивость, готовность забыть себя ради другого. В такие минуты игра Снетковой получала истинно трагическую глубину».²⁰

Снеткова была партнершей Мартынова в возобновленной комедии Тургенева «Холостяк», сыграв роль Маши. В 1862 году для своего бенефиса актриса выбрала комедию драматурга «Нахлебник», после долгих цензурных мытарств разрешенной к исполнению. Она сыграла роль Ольги Петровны.

Отклики Тургенева на актерские работы Снетковой неизвестны, но в последний год жизни в письме писателя к Я.П.Полонскому имя актрисы неожиданно возникло. Объясняя поэту выбор имени героини в повести «Клара Милич», Тургенев писал: «Настоящее имя Клары Милич – Екатерина Миловидова, но не вижу, почему она не могла бы назваться на театре Кларою, подобно тому как тебе знакомая актриса называлась «Фанни».²¹ Все же, вероятно, память об актрисе, ее красоте и творческом даровании сохранились и ото-звались в сознании Тургенева много лет спустя.

Присутствуя на репетициях возобновляемой в сезон 1855/56 гг. на сцене Александринского театра своей комедии «Завтрак у предводителя», Тургенев мог оценить актерский талант одного из старейших артистов Ивана Ивановича Сосницкого в роли старого предводителя дворянства Пехтерьева, вновь увидеть хорошо знакомого ему Василия Васильевича Самойлова в роли нового предводителя Балагалаева. Но более всего ему, наверное, кроме Мартынова, была интересна блистательная Юлия Николаевна Линская, сменившая в роли Кауровой Елену Яковлевну Сосницкую.

Как уже упоминалось ранее, Тургенев был раздражен «грубой шаржировкой» в исполнении актеров. Это, скорее всего, относилось к игре П. А.Каратыгина (Алупкин) и П. И.Григорьева 1-го

(Беспандин). Но вряд ли это раздражение было вызвано игрой А.Е.Мартынова (Мирволин) и Ю. Н. Линской (Каурова). Последняя была первой и превосходной исполнительницей на петербургской сцене роли Пряжкиной в комедии «Холостяк» (1849). В свой бенефис 16 ноября 1856 года Линская возобновила «Завтрак у предводителя», сыграв еще в одном спектакле 30 ноября того же года, столь она дорожила ролью Кауровой. К сожалению, нам неизвестно, какое впечатление произвел на драматурга спектакль, на репетициях которого он присутствовал, но у зрителей «Завтрак у предводителя» имел успех.

Одним из последних спектаклей, виденных Тургеневым в Александринском театре в 60-е годы, была «Воспитанница» А.Н.Островского, которая шла в один вечер с комедией драматурга «Холостяк». Он писал П.Виардо 16 (28) января 1864 года: «Вечером пошел в русский театр смотреть пьесу Островского. На мой взгляд, актеры отвратительные, актрисы еще того хуже: фальшивые интонации, фальшивые жесты. Когда я вижу фальшь на сцене, мне всегда хочется забраться под стул».²²

Позднее он уже редко посещал Александринский театр.

Примечания.

1. Русская эпиграмма второй половины XVII–XX в. Л.: Советский писатель, 1975. С.454.
2. Каратыгин П.А.Записки. В 2-х т. Т.1. Л.: Academia, 1929. С.390.
3. Белинский В.Г. О драме и театре. В 2-х т. Т.2. М.: Искусство, 1983. С.300.
4. Белинский В.Г. С. 255.
5. Письма В.П.Тургеневой к сыну. ОР РНБ. Ф.795. Л.80. Копии.
6. Новости русской сцены //Библиотека для чтения. 1850. №1. С.105.
7. Русская эпиграмма. С.454.
8. Тургенев И.С. ПССиП (2). Письма. Т.12. С.146.
9. Там же. Т. 3. С.13.
10. Там же. Т.4. С.165.
11. Там же. Т.4. С. 175.
12. Там же. Т.4. С.216.
13. Тургенев И.С. ПССиП (1). Письма. Т.XI. С.210.
14. Там же. Т.XIII(1). С.78.

15. Дружинин А.В. Повести. Дневник. М.: Наука, 1986. С.282.
16. Шуберт А.И. Моя жизнь. Л., 1929. С.159-160.
17. Давыдов В.Н. Рассказ о прошлом. Л.-М., 1962. С.101-102.
18. Тургенев И.С. ПССиП (2). Письма. Т.3. С.147.
19. Там же. С.357.
20. Золотницкая Т.Д. Фанни Снеткова. Л.: Искусство, 1973. С.59-60.
21. Тургенев И.С. ПССиП (1). Письма. Т.ХIII(2). С.161.
22. Там же. ПССиП (2). Письма. Т.5. С.372.

Л.М. Александрова

И.С. ТУРГЕНЕВ И ВЛАСТЬ

Данная работа – это ряд заметок, которые имеют некоторое отношение к указанной теме, скорее, это заявка на тему. Мы уделили большее внимание политическим взглядам Тургенева и едва затронули тему личных взаимоотношений писателя с членами Императорского Дома.

В наше время утраты ценностей, интеллектуального брожения подвергаются переоценке и идейные убеждения Тургенева. Иногда они подаются предвзято, бездоказательно негативно даже известными специалистами. Поэтому мы хотели бы выразить нашу позицию, наш взгляд на указанную тему и послушать голос самого И.С.Тургенева, звучащий в его письмах и в воспоминаниях о нём.

Одним из первых исследователей личности Тургенева как политического мыслителя был М.М.Ковалевский (1851-1916), историк, социолог, юрист, профессор Московского и Петербургского университетов, общавшийся с писателем в конце 1870-х – начале 1880-х годов за границей и в России. В работе М.М.Ковалевского «Тургенев как политический мыслитель и художник» (Опыт характеристики Тургенева на основании его писем – «Русские ведомости», 1884, №323) читаем: «Любовью к России и русским дышат эти письма, поражая в то же время глубоким и возвышенным пониманием патриотизма, который для Тургенева то же, что чувство долга». И далее: «Впечатление, которое Иван Сергеевич произвёл ими [письмами – М.К.] на меня, было впечатление мудреца. В чём же <...> се-

крет его несомненного влияния на многих из нас в деле выработки убеждений и даже выбора того направления, какое приняла наша практическая деятельность? Я полагаю, что он лежит в неоценённых свойствах ума и сердца этого поистине русского мудреца и прежде всего в терпимости его к чужим мнениям, готовности обсуждать общественные вопросы с людьми самых крайних воззрений, признавать за здоровое и верное, что случайно могут содержать в себе и наиболее антипатичные ему взгляды, расширять под влиянием чужих воззрений своё собственное политическое мирозерцание». К такому же выводу приходит и П.Б.Струве (1870-1944), анализируя письма Тургенева в работе «И.С.Тургенев как политический мыслитель»: Тургенев оказывал влияние на современников не только как художник, но и как мудрый политический мыслитель¹.

С исчерпывающей полнотой, на наш взгляд, эта работа П.Б. Струве проанализирована в статье И.Д.Кузнецовой «Опыт комментария»².

Известно, что Тургенев в отличие от многих писателей-классиков, поглощённых литературным трудом, чрезвычайно интересовался политикой, международной и внутренней, и в области политической мысли, по свидетельству современников, стоял на таком же высоком уровне, как и в области философии. Немецкий литератор и дипломат Х.Гогенлоэ говорил: «Если бы я был царём Александром, я бы Тургеневу поручил сформировать кабинет министров»³. Возможно, это было одной из причин того, что и художественное творчество и общественно-политические взгляды Тургенева вызывали столь противоречивую оценку современников.

Император Николай I «в сущности, за книгу “Записки охотника”», как писал Тургенев, отправляет писателя в ссылку, а его сын, император Александр II, воспитанный В.А.Жуковским, растроганно плачет над рассказами из «Записок охотника».

Как свидетельствует запись в Дневнике братьев Гонкур от 2 марта 1872 года, Тургенев говорил: «Будь я человеком тщеславным, я попросил бы, чтобы на моей могиле написали лишь одно: что моя книга [«Записки охотника» - Л.А.] содействовала освобождению крепостных. Император Александр велел передать мне, что чтение моей книги было одной из главных причин, побудивших его принять решение»⁴.

В конце 1870-х годов реакционный журналист Болеслав Маркевич, которого Тургенев изобразил в романе «Новь» в образе Калло-

мейцева, в своих статьях, носивших характер политического доноса, обвиняет Тургенева в неблагонадежности, пишет, что писатель преклонялся перед революционной молодежью.

Опубликовано письмо И.С.Тургенева редактору журнала «Вестник Европы» М.М.Стасюлевичу от 1879 года (И.С.Тургенев. ПСС и П., т.ХV. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961), которое исследователи называют политической исповедью писателя, – это «Ответ иногороднему обывателю». Под псевдонимом «Иногородний обыватель» публиковал свои статьи Б.Маркевич.

«Я всегда был и до сих пор остался “постепеновцем”, либералом старого покроя в английском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ только свыше, принципиальным противником революций», - пишет Тургенев. Писатель не принимал абсолютной наследственной власти, когда монарх уподобляется древнему арабскому калифу – в его руках законодательная и судебная власть, он глава церкви и войска, и только в его руках – жизнь и судьба его подданных. По свидетельству публициста и переводчика М.О.Ашкинази, с которым Тургенев общался в Париже, писатель много раз говорил ему, что его идеалом для России была конституционная монархия с царём, подобным английской королеве Виктории, то есть государственный строй Великобритании.

К представителям династии Романовых Тургенев неоднократно обращался не только в письмах, но и в своём творчестве – более 100 раз, особенно часто к образам Петра I и Екатерины II.

На заре своей литературной деятельности в рецензии на книгу А.Н. Муравьёва «Путешествие по святым местам русским» (1836) юный Тургенев писал: «Дионисий и Авраамий Палицын убедили юного Михаила Фёдоровича (уговаривали 6 часов – Л.А.) принять царство и, дав России благословенный дом Романовых, тем упрочили навеки её благополучие и могущество». Реформаторская деятельность Петра I вызывала восхищение писателя. «Петр I – великолепный тип русской удали и страсти», «Петр I приобщил Россию к Европе», «<...> благодаря Петру Великому восторжествовал русский язык – язык народный», - такова оценка Тургеневым личности Петра I.

В письме к П.Виардо от 21 февраля (4 марта) – 4(16) марта 1852 года он писал о смерти Н.В.Гоголя: «Гоголь во многих отношениях был для нас продолжением Петра Великого». А в рассказе «Хорь и Калиныч», открывающем книгу «Записки охотника», читаем: «Из

наших разговоров с Хорем я вынес убеждение, что Пётр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях».

Тургенев любил эпоху Екатерины Великой. Это был век Просвещения, это были блеск, красота, эпоха ярких личностей. Не случайно многие персонажи Тургенева, особенно его последних повестей, – герои XVIII века (повести «Бригадир», «Старые портреты» и др.). Тургенева пленял эстетизм века Екатерины.

Из членов современного ему российского императорского дома – писатель ненавидел императора Николая I.

Как пишет в своих воспоминаниях Н.А.Островская, «добрый, мягкий Тургенев об одном человеке не мог говорить равнодушно – бледнел и менялся в лице – о Николае Павловиче. <...> Тургенев говорил о своей ненависти к деспотизму Николая I, о нескрываемой радости, вызванной у всех либерально настроенных людей его внезапной смертью <...>»⁵.

О ненависти Тургенева к императору Николаю I свидетельствуют и его письма. В письме к А.А.Фету 6(18) сентября 1871 года из Бадена он писал: «Я в жизни ненавидел только одно лицо (оно уже умерло, слава Богу) [императора Николая I – Л.А.], а презирал только трёх людей – Жирардена, Булгарина и издателя «Московских ведомостей» (М.Н.Каткова - Л.А.)». В письме Тургенева от 16 февраля 1861 года к Е.Е.Ламберт, урождённой Канкриной, дочери министра финансов, который был близок ко двору родного брата императора Николая Павловича – Михаила Павловича Романова, читаем: «Сегодня 6 лет (уже 6 лет!) тому назад как умер Николай Павлович. Стало быть – завтра – великий день!»

Фридриху Боденштедту, переводчику произведений Тургенева на немецкий язык, он говорил: «Крымская война нам много помогла – освободила нас от царя Николая I (личина большого человека) и пробудила общественное сознание»⁶.

До нас дошла сатира Тургенева на Николая I «Когда монарх наш незабвенный» на крах международной политики царя Николая Павловича (см.: Тургенев И.С. Сочинения. Т.12. М.: Наука, 1986. С.309). Тургеневу принадлежат и такие слова: «При Николае Павловиче не то, что жить, дышать было нельзя»⁷. По свидетельству той же Н.А.Островской, в черновом варианте незавершенного рассказа для книги «Записки охотника» «Русский немец и реформатор» некий помещик поразительно похож на императора Николая Павловича:

в своей деревне он всё порядок водворял – мужиков обустроил по своему плану, заставлял их есть, пить, делать по своей программе; ночью вставал, обходил избы, будил народ, всё наблюдал, но мужикам приходилось плохо. «Нечего было думать печатать, цензура ни за что бы не пропустила», – говорил Тургенев.

По свидетельству Х.Х.Бойесена (1848-1895), писателя, профессора Корнельского и Колумбийского университетов, Тургенев ярко выразил свой взгляд на деспотизм, рассказав ему о встрече с английским писателем, историком и публицистом консервативного направления Т.Карлейлем (1795-1881), который нападал на демократию и выражал симпатии России и императору Николаю I. «Движение великих народных масс, движущихся по мановению одной могущественной руки, – говорил он, – вносит цель и единообразие в исторический процесс. В такой стране, как Великобритания, иногда бывает досадно наблюдать, как всякое ничтожество может высунуть голову наподобие лягушки из болота и квакать во все горло. Подобное положение вещей ведёт лишь к замешательству и беспорядку». В ответ на это Тургенев сказал Карлейлю, что чрезвычайно легко любить деспотизм на расстоянии, что ему следовало бы отправиться в Россию и прожить месяца два в одной из внутренних губерний; тогда бы он воочию убедился в результатах восхваляемого им деспотизма. Тот, кто утомлён демократией, потому что она создаёт беспорядки, напоминает человека, готовящегося к самоубийству. Он утомлён разнообразием жизни и мечтает о монотонности смерти. До тех пор, пока мы остаёмся индивидуумами, а не однообразными повторениями одного и того же типа, жизнь будет пёстрой, разнообразной и даже, пожалуй, беспорядочной. И в этом бесконечном столкновении интересов и идей лежит главная надежда на прогресс человечества. «Этому уроку научил меня долгий жизненный опыт. *В течение многих лет я фактически веду жизнь “изгнанника”*, а в течение некоторого времени я, по воле императора, был принуждён жить в своём поместье без права выезда. Как видите, я имел возможность на себе изучить прелести абсолютизма, <...> оный не сделал меня поклонником этой формы правления»⁹.

Известно, что Тургенев поддерживал реформы Александра II, а отмена крепостного права, на которую решился император, была в центре его внимания на протяжении всей жизни.

Александр II, будучи Наследником, помог Тургеневу, когда арестованного писателя – дворянина, аристократа, поместили на съез-

жую, где секли провинившихся дворовых крепостных крестьян. Это было страшное оскорбление – не случайно высший свет был так возмущён. «Литература у нас в части», - говорили в свете. По совету А.К.Толстого Тургенев писал Наследнику, связь эта осуществлялась через карамзинский кружок. Благодаря будущему императору Александру II писатель был переведён на квартиру частного пристава и, известно, что у узника было так много посетителей, что на площади перед зданием, где была квартира пристава, пришлось поставить специального регулировщика – она была запружена каретами.

По свидетельству А.Ф.Тютчевой, по её совету императрица и другие члены императорской семьи прочли рассказ Тургенева «Два приятеля», опубликованный в январской книге «Современника» за 1854 год. «Они были очарованы и поручили мне передать автору самые лестные отзывы», - писала А.Ф.Тютчева сестре¹⁰. Императору Александру II импонировало «лирическое обаяние таланта Тургенева», роман «Отцы и дети» был принят благосклонно царской семьёй.

Как известно, в 1842 году Тургенев поступил на службу в Министерство внутренних дел, в особенную канцелярию, занимавшуюся крестьянским вопросом, которой руководил В.И.Даль. По поручению министра внутренних дел Л.А.Перовского Тургенев пишет работу «Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянине», которая являлась неким экзаменом при поступлении на службу. «Замечания» Тургенева проникнуты искренней верой в бескорыстное желание правительства облегчить положение крестьян и в целесообразность государственного бюрократического аппарата, призванного следить за соблюдением законности. Однако очень скоро он разочаровался в своих надеждах и в начале 1845 года навсегда покинул поприще государственной службы. Борьбу с крепостным правом он перенёс в область литературно-художественного творчества, и, в первую очередь, эта борьба отразилась в «Записках охотника».

В 1846 году во французском журнале социалистического толка, основанном П.Леру, Ж.Санд и Л.Виардо, была помещена статья Л.Виардо «Об освобождении крепостных в России», большую часть которой составлял текст, написанный для Л.Виардо И.Тургеневым. В статье 1846 года он решительно настаивает на освобождении крестьян и негодует по поводу медлительности правительства. Его суж-

дения близки суждениям И.С.Тургенева и А.И.Герцена. Он говорит о восточном происхождении русского самодержавия и азиатском характере русской цивилизации: русские цари создали крепостное право, превратив в рабов людей своего племени, чего не было в Европе, и не определили юридических отношений крестьян и их владельцев. Статья обнаруживает основательное знакомство писателя с русской и западной экономической литературой.

Глубокий анализ истории крепостного права в России дан им в «Записке о крепостном праве», включенной в статью Л.Виардо «История Дмитрия. (Этюд о положении крепостных в России)», опубликованную в журнале «Парижское обозрение» в 1857 году. Если в Западной Европе, - писал Тургенев, - крепостное право возникло в результате завоеваний, - франки завоевали галлов и превратили их в рабов и т.п., то в России крепостное право возникло в результате самодержавно-деспотической власти, полновластной собственности на землю – князья дарили земли с жившими на них крепостными боярам, цари – дворянам. Крепостные составляли как бы живой инвентарь поместья; это было стадо, которое держат на том участке, где оно родилось, где должно умереть, где размножается и сохраняется. О помещике говорили, что у него не столько-то десятин земли, а столько-то крепостных душ. В Россию рабов не привезли в цепях с другого континента, но и у черных рабов был «черный кодекс», а превратили в рабов своих соплеменников – людей одной расы, крови, одного языка, одной веры, рождённых свободными людьми. Это – чудовищное преступление. В вопросе освобождения крестьян Тургенев выступает с декабристских позиций. Н.И.Тургенев считал, что инициатива освобождения крестьян должна исходить от царя. И.С.Тургенев в своей «Записке» пишет о том же: в России из 50-ти миллионов крепостных четырнадцатью миллионами владеет императорский дом, первый шаг в вопросе освобождения крестьян должен сделать царь.

В 1857 году, будучи в Риме, Тургенев общается с членами «русского кружка» - страстными поборниками отмены крепостного права – В.А.Черкасским, Д.А.Оболенским, Н.А.Милютиним, Я.И.Ростовцевым. Они собирались в салоне великой княгини Елены Павловны, супруги брата Николая I, Великого князя Михаила Павловича Романова. Одной из первых в России отменившая крепостное право в своих полтавских имениях, Великая княгиня считалась в то время главой либерально-аристократической партии.

В письме П.В. Анненкову 19(31) января 1858 года Тургенев писал о ней: «Рассеяния, о которых я упомянул выше, состоят во множестве новых знакомств. Из них упомяну великую княгиню Елену Павловну, с которой я уже имел несколько длинных разговоров. Она женщина умная, очень любопытствующая и умеющая расспрашивать – и не стесняться; на конце каждого её слова сидит как бы штопор – и она всё пробки из вас таскает: оно лестно, но под конец немного утомительно».

В этой среде в 1858 году возник замысел журнала «Хозяйственный указатель». И.С.Тургенев по просьбе кн. Д.А.Оболенского пишет записку о необходимости издания журнала и программу журнала, в котором публиковались бы научные статьи в области землепользования, по финансовым и экономическим вопросам, статистические данные, ибо за века владения крепостными крестьянами дворяне в массе своей не приобрели навыков культурного хозяйствования, и их сведения в этих областях недостаточны. Для осуществления крестьянской реформы в должном виде необходимы не только совместные усилия правительства, царя и дворянства, но и гласный печатный орган, то есть в вопросе проведения крестьянской реформы Тургенев выступает также с декабристских позиций – он рекомендует опираться на науку, гласность, прессу. Журнал издан не был.

Общение писателя с Великой княгиней Еленой Павловной продолжалось и в 1860-е годы. Она приглашала Тургенева и в Петербурге, и в Баден-Бадене, связь эта осуществлялась через фрейлину Великой княгини баронессу Э.Ф.Раден. 17 февраля 1860 года Тургенев писал А.А.Фету из Петербурга: «Я не удержался – и выехал раз: а именно на бал к великой княгине Елене Павловне, где я увидел много милых женщин и где всё было весьма великолепно и изящно».

Великая княгиня Елена Павловна, урождённая Фредерика Шарлотта-Мария Саксен-Кобург-Готская (1806-1873), после смерти мужа, Великого князя Михаила Павловича (1798-1849), образованного человека, собиравшего вокруг себя умных и талантливых людей, много читавшего, принимавшего участие в литературных и политических спорах, приняла на себя роль покровительницы умов, науки и искусства.

Но мнение о ней современников было весьма неоднозначно. Внук Н.М.Карамзина, князь В.П.Мещерский, друг рано умершего Наследника Николая Александровича, писал о Великой княгине: «Я

испытал разочарование <...>. <...>передо мной сидела персона, совсем убеждённая в том, что она необыкновенное по уму существо и что она совсем не как другие. Чувствовалось, что она думала об эффекте, который она должна произвести. <...> Великая княгиня задавала мне ряд вопросов, но, видимо, нисколько ими не интересовалась, и, не слушая ответов, сама отвечала на них <...>, убежденная, что всё, что гласят её уста – умные слова»¹¹.

По свидетельству знакомого И.С.Тургенева и П.В.Анненкова, члена Литфонда П.М.Грибовского на его вопрос о Елене Павловне: «<...> Что она такое была? Откуда у неё репутация либералки?», – Тургенев отвечал: «Как вам сказать. У неё, пожалуй, и намерения были хорошие и, по-своему, она была, пожалуй, либералка, но врала она много. На полтинник она правду говорила, а на два рубля врала»¹².

В 1860 году, когда в Париже распространялось в рукописных списках «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», и когда И.Тургенев ознакомился с ним, в декабре этого года он пишет по просьбе Лавровского кружка Письмо-адрес Александру II, в котором выдвигаются политические требования. П.Л.Лавров назвал этот Адрес проектом Конституции.

Действительно, в Адресе просматриваются черты Конституции:

«Мы просим:

- 1) Отмены телесных наказаний.
- 2) Гласности судопроизводства.
- 3) Ежегодного отчёта в государственных расходах и приходах и участия в их поверке.
- 4) Расширение круга деятельности губернских собраний.
- 5) Сокращения срока службы для солдат.
- 6) Уравнения раскольников с прочими подданными.

<...> Мы <...> смеем думать, что удовлетворив справедливые желания Вашего народа, Вы навсегда устранили возможность всяких потрясений. Кто не чувствует себя полноправным гражданином, не может быть и полноценным подданным» (ПСС и П(2), Соч., Т.4, С.401).

Как видим, предложенная Тургеневым Александру II программа политических преобразований России исторически восходит к тем задачам, которые были сформулированы в 1847 году в Письме Белинского к Гоголю (уничтожение крепостного права, отмена телесных наказаний, выполнение существующих законов. Не случайно

Тургенев говорил: «Белинский и его Письмо к Гоголю – вся моя религия». Черновой вариант Письма-адреса Тургенева имп. Александру II был обнаружен французским исследователем А.Мазоном в Парижском архиве писателя, а окончательный текст был передан Тургеньевым Артуру Бенни, который уезжал в Россию. Но поскольку в России была угроза ареста А.Бенни, последний сжёг все бумаги, в том числе и Письмо-адрес Тургенева.

19 февраля 1863 года на обеде у Н.А.Милютина, в узком дружеском кругу, [на обеде присутствовало 10 человек: Н.И.Тургенев и члены его семьи, В.П.Боткин, П.В.Ханыков и Н.В.Ханыков, Н.В.Щербань]. Тургенев произнес речь, в которой говорил: «<...>Нет во всей России такой бедной хижины, в которой крестьянин не помолился бы сегодня за царя, в котором он по справедливости признаёт своего Освободителя; а мы, воздав дань глубокой благодарности государю за твёрдость духа и мудрость, с которыми он осуществлял свою истинную царскую мысль <...>, запишем на скрижалях отечественной истории имена, которые должны навсегда на них остаться: имена начинателя и совершителя – Николая Тургенева и Николая Милютина»¹³.

В 1857 году по Указу императора Александра II были возвращены из ссылки декабристы, облегчена участь петрашевцев. Но в конце 1860-х годов писатель с горечью отмечает, что реформаторы покидают правительство – Н.А. Милютин и др. Консерваторы требовали, как пишет Тургенев, «подморозить» Россию, и Александр II вынужден был встать на консервативный путь. В 1879 году, когда Тургенева чествовала вся Россия, император сказал о нём: «C'est ma bête noire» (Тургенев у меня как соринка в глазу)¹³. Писатель был окружён жандармами, ему предложили возвращаться во Францию.

В 1881 году император Александр II подписал проект Конституции, подготовленный Н.А.Милютиным и А.А.Абаза. На следующий день он должен был представить его на одобрение Государственного совета, но в день подписания проекта императора убили.

Тургенев присутствовал в Париже на молебне по погибшему царю, выражая этим своё отношение к убийству. Писатель передал деньги крестьянам своей усадьбы Спасское–Лутовиново на строительство часовни в память Александра II – впервые в русской провинции.

Император Александр III, как известно, свернул все реформы. Тургенев познакомился с ним в Париже в 1879 году, когда он

ещё был Наследником. По его просьбе писателя пригласил на завтрак Н.А.Орлов, посол России во Франции. Тургенев писал об этой встрече П.Л.Лаврову из Буживаля 7(19) ноября 1879 года: «Я <...> в последнее время встречался с высокопоставленными лицами, но разговоры с ними были столь же ничтожны, как и сами эти лица». М.И.Семевский, издатель журнала «Русская старина», записал рассказ Тургенева об этой встрече со слов друга Тургенева А.В.Топорова и И.И.Глазунова. Писатель говорил, что Наследник произвёл на него впечатление очень посредственного человека, а о беседе с Марией Федоровной рассказывал, что она сыпала фразу за фразой, торопилась, задавала нелепые вопросы и перескакивала с предмета на предмет, не высказала ни одной стройной мысли. Выразила сожаление, что Тургенев пишет свои сочинения по-русски¹⁴ (и это будущая русская императрица! - Л.А.).

В марте 1881 года Тургенев стал автором Адреса новому Государю Александру III от имени «Общества взаимного вспоможения русских художников» в Париже. «Общество» было на грани запрещения, ибо Тургенев пригласил на одно из его заседаний П.Л.Лаврова. Будучи секретарём «Общества», Тургенев писал по просьбе его председателя А.П.Боголюбова: «Комитет, который имел счастье видеть в Вашей особе, Августейший Государь, своего покровителя, дерзает надеяться, что и впредь Ваше величество удостоит наше «Общество» своим высоким вниманием», - это была дипломатия, проявленная писателем ради спасения «Общества». Статья Тургенева «Александр III», опубликованная в Париже в марте 1881 года (в №13 журнала «La Revue politique et littéraire»), решительно отличается от Адреса. Это своеобразное политическое обращение писателя к царю в период, когда политика нового царствования ещё не определилась, и в либеральных кругах была надежда на принятие Конституции. Тургенев проявил большую осведомлённость не только в вопросах внутренней и внешней политики, но и показал, что ему хорошо были известны личные, общественные, придворные отношения и взгляды Александра III, информацию о коих он получал от Н.А.Орлова. Но в статье он многое смягчил, сгладил углы, чтобы способствовать благоприятному развитию русско-французских отношений. Тургенев намеревался также написать императору Александру III, дабы указать ему на необходимость дать России Конституцию. Но уже в апреле 1881 года был опубликован «Манифест», подписанный К.Победоносцевым, в котором утверждалась «сила и

истина самодержавной власти и готовность охранять её от всяких поползновений».

Действия Александра III глубоко разочаровали Тургенева. В январе 1882 года он говорил П.Л.Лаврову: «Прежде я верил в реформы сверху, но теперь я решительно разочаровался. Я сам бы с радостью присоединился к движению молодёжи, если бы не был так стар и верил в возможность движения снизу».¹⁵

Узнав о смерти Тургенева, Александр III с удовлетворением заявил: «Одним нигилистом стало меньше».¹⁶

Тургенев был лично знаком и с двумя братьями императора Александра II – Великими князьями Николаем Николаевичем и Константином Николаевичем. П.Л.Лавров вспоминал, с какой «неподражаемой добродушной иронией говорил он о личностях из царской фамилии, с которыми ему пришлось встречаться в Париже, об их «ограниченности, невежестве и неловкостях».¹⁷ Великий князь Николай Николаевич (1831-1891) в русско-турецкой войне проявил себя как бездарный полководец, но был произведён в генерал-фельдмаршалы. Тургенев писал П.В.Анненкову в августе 1877 года: «Что касается до наших войн <...> я продолжаю смотреть на это с довольно мрачной точки зрения. Не в состоянии я представить себе Великого князя Николая Николаевича в виде Цезаря – хоть ты что».

В письме тому же Анненкову из Буживаля 27 октября 1879 года: «<...> что такое фельдмаршал Николай Николаевич (мне и с ним пришлось познакомиться). Уму непостижимо!»

В 1880 году писатель охотился вместе с Великим князем Николаем Николаевичем в имении барона Гинцбурга под Парижем. По словам Тургенева, Великий князь был любезен, одобрительно отзывался о журнале «Вестник Европы». Художник Н.Д.Дмитриев-Оренбургский написал с натуры портреты участников охоты – 30 портретов. Картина Дмитриева-Оренбургского «Охота Великого князя Николая Николаевича в Шамбодуэне» экспонируется в музее И.С.Тургенева в Буживале. Эту картину – портрет И.С.Тургенева находится в экспозиции Орловского государственного литературного музея И.С.Тургенева.

Великий князь Константин Николаевич (1827-1892) в 1850-1860-е годы имел репутацию либерального сторонника реформ, но о нём говорили и как о вздорном, легкомысленном человеке. Великий князь занимал ряд крупных государственных постов, был генерал-адмиралом русского флота и др. Тургенев прибегал к помощи ве-

ликого князя, когда нужно было облегчить участь революционеров: в 1879 году через князя Н.А.Орлова хлопотал об арестованном Г.А.Лопатине.

В 1880-е годы великий князь Константин Николаевич был Президентом Русского музыкального общества.

В начале 1880-х годов он подолгу жил в Париже, где с ним нередко общался писатель. 13 февраля 1882 года Тургенев пишет Анненкову: «Читал я своего «Отчаянного» в нашем кружке с успехом - Великий князь Константин Николаевич изволил смеяться – впрочем мы с ним в приятельских отношениях – он даже сам свёл меня к своей квази-жене Кузнецовой, с которой он живёт – трое детей, а она простая, некрасивая и очень тихая и скромная горничная».

В Дневнике Великого князя Константина Николаевича есть записи о Тургеневе: «3 февраля 1882 года. Тургенев и Боголюбов обедали у меня. Разговор самый оживлённый, свободный и интересный. Он нам всем оставил очень приятное впечатление.

1 мая 1882 года. Визит к г-же Виардо. Приятно болтали с ней и её мужем. Потом поднялись к бедному Тургеневу, который болеет какой-то непонятной болезнью, которая называется грудной жабой. Он мне ужасно симпатичен, и, кажется, и я ему тоже.

30 декабря 1882 года. В нашем русском аристократическом клубе была ёлка. Брандуков играл на виолончели, Енгальчева пела, Иван Сергеевич прочёл три маленьких рассказа (из «Стихотворений в прозе» - Л.А.). Меня поразило, как он от болезни постарел и ослаб»¹⁷.

Об этом же вечере Тургенев писал в своём Дневнике: «Сегодня вечером я на полчаса съезжу в наше общество, где будет ёлка, музыка и прочее. Прочту что-нибудь. Там будет Великий князь Константин Николаевич, который вчера сюда приехал и вчера же был у Полины и меня видел. Рассыпался в любезностях, целовал у неё руку. Несчастье его смягчило. Но какая, в сущности, ничтожность»¹⁹.

Вновь и вновь убеждаемся – сколь проницателен и искренен был Тургенев, убеждаемся, что писатель не склонял головы перед властью предрекающими.

Когда речь шла о его задушевных убеждениях – в вопросах ли художественного творчества или общественно-политических вопросах – мягкость и уступчивость Тургенева превращались в негибкость. Но он мог быть и гибким, когда этого требовали ин-

тересы дела. Не случайно Д.С.Мережковский писал о Тургеневе: «<...> Гений меры, а потому гений культуры». Будучи трезвым реалистом, одним из самых пронизательных политических мыслителей своего времени, прекрасно оценивая условия русской действительности, Тургенев ясно видел консерватизм правительства, радикализм революционеров, несостоятельность либералов, но он носил в душе своей глубокое чувство ответственности перед русским обществом – признак высокого духовного аристократизма – и страстную жажду политического обновления русской жизни. И когда появлялась самая малейшая надежда на развитие общественных сил в России, он старался способствовать этому всеми средствами.

Отсюда его связь с революционерами, хлопоты о смягчении участи тех из них, кто подвергался репрессиям, дружба с П.Л.Лавровым, субсидирование его журнала «Вперёд!» и т.п.

«Такие люди, как И.С.Тургенев, <...> не приносят ущерба тираниям, но убивают тиранию», - писал М.О.Ашкинази, переводчик и публицист в книге «Tourguéneff inconnu» («Неизвестный Тургенев»), изданной в Париже в 1884 году под псевдонимом Michel Delines.

Примечания

1. «Из архива русской эмиграции» //Струве П.Б. Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000.
2. Тургеневский сборник. Вып.4. М., 2007.
3. И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. Т.2. М.: Худ. лит., 1969. С.325.
4. Там же, С.280.
5. Островская Н.А. Из воспоминаний об И.С.Тургеневе //И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. Т.2. М.: Худ. лит., 1969. С.325.
6. Тургенев И.С. ПСС и П(2). Письма. Т.4. М.: Наука, 1987. С.666.
7. Островская Н.А. Из воспоминаний об И.С.Тургеневе //И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. Т.2. М.: Худ. лит., 1969.
8. Там же.
9. Бойсен Х. Визит к Тургеневу //И.С.Тургенев в воспоминаниях современников. Т.2. М.: Худ. лит., 1969. С.350-351.

10. Жидкова С.Л. И.С.Тургенев и семья Ф.И.Тютчева //Тургеневский ежегодник 2002 года. Орёл, 2003.
11. Мещерский В. П. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.
12. Островская Н. А. «Воспоминания о Тургеневе» /Публ. В.А. Громова //Тургенев и его современники. Л.: Наука, 1977. С.204.
13. Тургенев И.С. ПСС и П(2). Сочинения. Т.12. С.321
14. С.М. Встреча И.С.Тургенева с Александром III //Красная палатка. 1928. №28.
15. Лавров П.Л. И.С.Тургенев и развитие русского общества //И.С.Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.-Л.: АCADEMIA, 1930. С.70.
16. Там же, С.52.
17. Там же.
18. Литературное наследство. Т.73. Кн.1. М.: Наука, 1964. С.415.
19. Тургенев И.С. ПСС и П(2). Сочинения. Т.11. М.: Наука, 1983. С.208.

С.Л.Жидкова

ТУРГЕНЕВ И АВТОРЫ XVIII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПИСАТЕЛЯ)

В рецензии на драму С.А. Гедеонова «Смерть Ляпунова» (1846), говоря об истории развития литературы в России, Тургенев писал: «<...> Мы начинаем с подражания чужеземным образцам; <...> Между тем неслышно и тихо совершается переворот в обществе; иноземные начала перерабатываются, превращаются в кровь и сок; восприимчивая русская природа, как бы ожидавшая этого влияния, развивается, растёт не по дням, а по часам, идёт своей дорогой <...>».¹

Среди авторов, которых, по мысли Тургенева, можно было отнести к числу учеников западных писателей, назовём имена В.К.Тредьяковского, А.Д.Кантемира, А.П.Сумарокова, М.М.Хераскова, А.Н.Радищева и др.

В настоящей статье мы остановимся на именах Кантемира, Сумарокова, Радищева.

Первый русский сатирик

Антиох Дмитриевич Кантемир (1709-1744), выдающийся дипломат, учёный, переводчик, один из основоположников новой русской поэзии, был младшим сыном молдавского господаря, сподвижника Петра I Дмитрия Константиновича Кантемира. Имя Кантемира связано с нынешней Орловской областью – в 1711 году указом Петра I Д.К.Кантемиру была пожалована тысяча дворов в Комарицкой волости Севской провинции, где на берегу реки Обшерицы он основал поселение Дмитровка, ныне город Дмитровск-Орловский.² В мемориальной библиотеке Тургенева, хранящейся в Государственном музее Тургенева в Орле, находится второе издание философского трактата Фонтенеля в переводе Кантемира – «Разговоры о множестве миров господина Фонтенелла Парижской академии наук секретаря /С французского перевёл и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве в 1730 году». СПб., 1761.³ В мемориальной библиотеке Тургенева также находились «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни» СПб., 1762 - книга передана в музей В.Г.Белинского в г.Чембары Пензенской области.⁴

«Сатиры» считались главной и самой ценной частью творчества Кантемира. Не случайно юный И.И.Дмитриев в похвальной надписи к портрету Кантемира писал:

*Се князь изображён Молдавский Кантемир,
Что первый был отцом российских сатир,
Которы в едкости Боаловым равнялись
И коих остротой читатели пленялись.⁵*

Как следует из писем В.П.Тургеневой к сыну Ивану, она была хорошо знакома с «Сатирами» Кантемира. Очевидно, имея в виду тяжёлый и громоздкий язык «Сатир», она назвала Кантемиром деревянный porte-papier (портфель для бумаг – фр.), о котором 2/14 декабря 1838 года писала Тургеневу: «... вот я беру Кантемира. Кантемиром называется деревянный porte-papier с ручкой – итак, беру Кантемира, пишу вчерашнего дня журнал <...>». В одном из писем В.П.Тургеневой имеется отсылка к III-ей сатире Кантемира «О различии страстей человеческих. К архиепископу Новгородскому» (1730),

где представлены характеры скупца Хрисиппа, сплетника Менандра, льстеца Трофима и других, в том числе недоверчивого Невия. Несмотря на то, что персонажи Кантемира носят античные имена, сатира отражала современную Кантемиру русскую действительность.

*Невий бос и без порток из постели встанет
Пятью и десятью в ночь, осмотрит прилежно,
Заперты ли все двери и окна надежно,
На месте ли кабинет, и сундук, и ящик.
Сотью шлет в деревню он изведать, приказчик
Не крадет ли за очми; за дворецким ходит
Сам тайно в ряд; за собой слуг своих не водит,
Чтоб, где берет, где кладет он деньги, не знали.
Котел соседу ссудил – тотчас думы вспали,
Что слуга уйдет с котлом; тотчас шлет другого
По пятам за ним смотреть; и спустя немного
Пришло в ум, что сам сосед в котле отпереться
Может, - воротить слугу третий уже шлетя.
Вскинет ли глаз на кого жена ненарочно,
Невий чает, что тому, уж ожидать мочно
Все от жены, и затем душу свою мучит:
Детей мать долги копить потаенно учит;
Друг шепчет ли что с другим – Невию наветы
Строят иль смеются те. Меряет ответы
Долго на всякий вопрос, боясь обмана
Во всем. Подозрителен весь свет, и изъяна
Везде опасается. В таком непрестанно
Беспокойстве жизнь свою нурит окаянно.
Я б на таком не хотел принять договоре
Ни самый царский престол: скучило б мне вскоре
И царско титло. Суму предпочту в покое
И бедство я временно, сколь бы то ни злое,
Тревоги, волнению ума непрестанну,
Хоть бы в богатство вели, в славу несказанну;
Часто быть обманутым предпочту, конечно,
Нежели недоверием мучить себя вечно.⁶*

27 июня (8 июля) 1842 года, сообщая сыну о хозяйственных неурядицах, В.П.Тургенева писала: «Я дала себе слово ничего не при-

нимать к сердцу. – Нажитое наживется. – На мой век станет. – А вы, будете умны – сами достанете. – А я буду стараться, чтобы, как говорит Кантемир, не мучить себя окаянно, и потому иду спать».

Позднее, жалуясь на старшего сына Николая, оставившего против ее воли военную службу и желавшего жить независимо, она обращается к V сатире «На человеческие злонравия вообще. Сатир и Перьерг» (1737):

*Пришел побор, пахаря вписали в солдаты –
Не однажды дымные вспомнит уж палаты,
Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане,
Десятью заплачет в день по сером жупане.
«Толь не житье было мне, - говорит, - в крестьянстве?
Правда, тогда не ходил я в таком убранстве,
Да летом в подклети я, на печи зимою
Сыпал, в дождик из избы я вон ни ногою;
Заплачу подушное, оброк – господину,
Какую ж больше найду я тужить причину?
Щей горшок, да сам большой, хозяин я дома,
Хлеба у меня через год, а скотам – солома».⁷*

14 июля 1844 года В.П.Тургенева писала Тургеневу о старшем брате: «Он писал к дяде, что в Петербурге с голоду не умирают, и что он в своем горшке щей хочет быть большой». Впрочем, здесь Варвара Петровна скорее ориентируется на Пушкина, цитировавшего Кантемира в «Отрывках из путешествия Онегина».

Такие реминисценции в переписке с сыном были возможны, потому что речь шла о знакомых, близким обоим корреспондентам предметах. Не случайно в написанной на склоне лет автобиографической повести «Пунин и Бабурин» (1874) Тургенев возвращается к поэзии XVIII века и, среди прочего, к Кантемиру: «Таким образом мы прошли с ним не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира (чем старше были стихи, тем больше они приходились Пунину по вкусу), но даже “Россиаду” Хераскова».⁸

Тургенев чувствовал живую связь поэзии Кантемира с жизнью и в этом был близок Белинскому, который писал, что Кантемир «воздвиг себе маленький, скромный, но тем не менее бессмертный памятник в русской литературе. Имя его уже пережило много эфемерных знаменитостей, и классических и романтических, и еще переживёт

их многие тысячи. Этот человек по какому-то счастливому инстинкту первый на Руси свел поэзию с жизнью <...>⁹

«Отец российского театра»

В уже упомянутой рецензии на драму С.А.Гедеонова «Смерть Ляпунова» Тургенев не без иронии вспоминал об Александре Петровиче Сумарокове, которого в свое время «величали русским Вольтером». Действительно, слава Сумарокова (1717-1777), поэта, писавшего в самых разных жанрах: оды, элегии, басни, сатиры, трагедии и комедии, была велика. В мемориальной библиотеке Тургенева находится второе издание «Полного собрания всех сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св.Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы в удовольствие любителям российской учености Николаем Новиковым, членом вольного российского собрания при Императорском Московском университете». М., 1787. Ч.2-10.10

Творчество Сумарокова в числе других писателей XVIII века высоко ценила В.П.Тургенева. 24 августа (4 сентября) 1840 года она писала сыну: «Поэзия умерла с Пушкиным, – бедная Россия. – Однако был же у нас Сумароков, Ломоносов, Державин, Пушкин». Сочинения Сумарокова входили в круг детского чтения Тургенева, о чем он вспоминал в процитированном выше отрывке из автобиографической повести «Пунин и Бабурин». По всей вероятности, Тургенев был знаком с сатирой Сумарокова «Другой хор к превратному свету» (1763), обличающей злоупотребления тогдашней России:

*Прилетела на берег синица
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океана.
Спрашивали гостейку приезжу,
За морем какие обряды.
Гостья приезжа отвечала:
«Все там превратно на свете.
За морем Сократы добронравны,
Каковых и здесь мы выдаем*»*

* Так в тексте издания Сумарокова из мемориальной библиотеки Тургенева.

*Никогда не суеверят,
Не ханжат, не лицемерят;
Воеводы за морем правдивы;
Дьяк там цуками не ездит,
Дьячихи алмазов не носят,
Дьячата гостинцев не просят,
За нос там судей писцы не водят.
Сахар подьячий покупает.
За морем подьячие честны,
За морем писать они умеют.
За морем в подрядах не крадут <...>»,¹¹*

цитата из которой «все там превратно на свете» в его памяти наложилась на похожую строку из посвящённой Сумарокову «Оды о суете мира» (1775) его ученика В.И.Майкова – «Все на свете сим превратно».

В письме к М.А.Бакунину и А.П.Ефремову от 3, 8 (15, 20) сентября 1840 года из Мариенбада, где Тургенев лечился, рассказывая о своем разговоре с доктором, он иронизирует: «Доктор уверяет про мою болезнь, что она “wohlthätige Krisis” (“благоприятный кризис” – нем.); я смотрю ему в глаза и думаю: “Ах ты ...!” А он улыбается. Так на свете все превратно! – Я вру». В 1849 году Тургенев использует эту контаминацию, заключив текст в кавычки, в комедии «Холостяк», один из героев которой – Филипп Егорович Шпундик, «степной помещик с невинными претензиями на образованность», произносит: «Да, брат, да; недаром говорится в стихах: “Так на свете всё превратно”. Да». Эту же контаминацию Тургенев использует в письме к П.В.Анненкову от 8 (20) января 1882 года из Парижа: «Вчера здесь, как Вам известно, совершился финансовый и политический крах – и Гамбетта, ещё за два месяца популярнейший человек во Франции и в Палате, кверху тормашками полетел в грязь. Поучительный казус! “Так на свете всё превратно”».

Несомненно, Тургеневу были знакомы и драматические произведения Сумарокова. Обращаясь в «Речи о Шекспире» (1864) к эпохе Екатерины Великой – времени начала новой русской литературы, Тургенев писал: «<...> Сумароков считался нашим великим трагиком». Это суждение Тургенева в какой-то мере перекликается с посвящёнными Сумарокову стихами А.Ф.Воейкова из его поэмы «Искусство и Науки», некогда напечатанной в I-й части «Новых

образцовых сочинений», служивших в детстве Тургеневу учебной книгой:

*О, будь благословен, гонитель, бич пороков,
Отец Российского театра Сумароков!
Не жди, слепым судьям не стану подражать,
Не стану я тебя Расином называть;
Не стану опытов твоих равнять с Вольтером,
Или с единственным в комедиях Мольером!
Желаю быть к тебе не строг, а справедлив:
Ты вечно незабвен! Ты тем уже счастлив,
Что первый Талию к нам призвал с Мельпоменой,
И первый овладел отечественной сценой, <...>
Но груб и вял твой слог, неверен часто вкус,
И много ты писал не спрашиваясь Муз:
Твои трагедии – младенца лепетанье.¹²*

Подобно Воейкову Тургенев понимал ограниченность и подражательность драматургии Сумарокова; понимал он и другое – волею судьбы Сумароков оказался первым русским драматургом.

«Поборник освобождения крестьян»

Литературная и общественная деятельность ещё одного писателя XVIII века приходится на последнюю треть столетия.

Александр Николаевич Радищев (1749-1802), философ-просветитель, переводчик, поэт, писатель родился в семье саратовского помещика. Первоначальное образование Радищев получил в Москве, а 25 ноября 1762 года был зачислен в Пажеский корпус, куда ранее (15 ноября) поступил двоюродный дед Тургенева Иван Иванович Лутовинов. Возможно, в память о четырёхлетнем совместном пребывании в стенах Пажеского корпуса И.И.Лутовинов приобрёл выполненный Радищевым и снабжённый его примечаниями перевод философа-утописта аббата Мабли «Размышления о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастья греков» СПб., 1773, сохранившийся в библиотеке Тургенева.¹³ На корешке книги имеется тиснение: «Романы», выполненное, по всей видимости, в целях маскировки после опубликования и последующего запрещения главной книги Радищева – «Путешествие

из Петербурга в Москву» (1790), ставшей причиной ссылки её автора в Сибирь.

Многие годы «Путешествие» распространялось в списках, один из которых был приобретён земляком и знакомым Тургенева П.В.Киреевским и ныне хранится в фондах Орловского музея Тургенева. В мае 1854 года во время пребывания в Москве Тургенев получил от И.Е.Забелина для передачи А.А.Краевскому ещё один список «Путешествия».¹⁴

Сам Тургенев, безусловно, был знаком с текстом «Путешествия» и с глубоким уважением относился к его автору, которого назвал первым в России «поборником освобождения крестьян».¹⁵

По всей видимости, Тургенев был знаком и с биографией Радищева, написанной его сыном Павлом Александровичем Радищевым и опубликованной в «Русском вестнике», который Тургенев выписывал с момента основания.¹⁶ Тургенев принимал живое участие в судьбе сына Радищева: 8 (20) января 1860 года по его предложению, на заседании комитета Литфонда было принято решение о назначении П.А.Радищеву, лишённому «всяких надёжных средств к существованию», ежегодной пенсии в размере 400 рублей серебром.¹⁷

Тургенев содействовал открытию в Саратове Художественного музея, который должен был носить имя Радищева. В апреле 1880 года, по просьбе внука Радищева Алексея Петровича Боголюбова, он составил «конспект письма» в Саратовскую Думу, призванного ускорить процесс создания музея: «Профессор Алексей Боголюбов отдаёт теперь же всё своё художественное имущество <...> городу Саратову с тем, чтобы городом было выстроено приличное помещение для устройства музея, <...> которому было бы присвоено название Музея Александра Николаевича Радищева, родного его, Боголюбова, деда и саратовского уроженца».¹⁸

В сознании образованного класса России имя автора «Записок охотника» не однажды связывалось с именем Радищева. Так, на следующий день после похорон Тургенева в 194-м номере «Русского курьера» от 27 сентября 1883 года была помещена передовая статья, где говорилось, что Тургенев «крепко связал Россию с Европою, научая нас подниматься до высоты её цивилизации, указывая Западу на великие достоинства русского народа, на борьбу за образованность, за достоинство личности, которую ведёт русское общество со времени Радищева и Новикова».¹⁹

Примечания

1. Тургенев И.С. ПСС и П (2). Соч. Т.1. С.237.
2. Жудин И.М. Семья Кантемира и Дмитровка. Орёл, 2005. С. 10-11.
3. Библиотека И.С.Тургенева. Орёл, 1994. С.186.
4. То же. С.103.
5. Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986. С.228
6. Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. СПб., 1762. С.56-57.
7. То же. С.102.
8. Тургенев И.С. ПСС и П (2). Соч. Т.9. С.18.
9. Белинский В.Г. М: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. Т.8. С.614.
10. Библиотека И.С.Тургенева. Орёл, 1994. С.176-177
11. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св.Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, Александра Петровича Сумарокова /Собраны и изданы в удовольствие любителям российской учености Николаем Новиковым, членом вольного российского собрания при Императорском Московском университете. М., 1787. Ч.8. С.339.
12. Новое собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, вышедшее в свет от 1816 по 1821 год /Изданное Обществом Любителей Отечественной словесности. Ч.1. СПб., 1821. С.265-271.
13. Библиотека И.С.Тургенева. Орёл, 1994. С.123-124.
14. Блинчевская М.Я. К истории отношения Тургенева с И.Е.Забелиным //Тургеневский сборник. I. М.-Л.: Наука, 1964. С.280-281.
15. Тургенев в последние годы жизни. Из воспоминаний и писем А.П.Боголюбова, 1873-1883 /Публ. Н.В.Огарёвой //Л.Н. Т.76. С.459.
16. Александр Николаевич Радищев. По воспоминаниям сына П.А.Радищева //Русский вестник. 1858. Т.18. Декабрь. С.395-433.
17. Громов В.А. Тургенев и Литфонд. Забытое письмо писателя в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» (1860) //И.С.Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С.10.
18. Гитлиц Е.А. Тургенев и А.П.Боголюбов. (К организации «Радищевского музея» в Саратове) //Тургеневский сборник. II. М.-Л.: Наука, 1966. С.305-306.
19. Громов В.А. Под сенью Пушкина: Литературные очерки об И.С.Тургеневе и А.С.Пушкине. Орёл, 2001. С.179.

*По Тургеневским
местам*

*Открытие мемориальной доски
в селе Волково Мценского района. 4 июня 2009 г.*

«... даже сквозь облик будничного Тургенева,
со всеми его слабостями и недостатками,
будет просвечивать и его великий ум,
и его великое сердце»
Я.П. Полонский

К ИСТОРИИ СПАСКОЙ БОГАДЕЛЬНИ

И.С.Тургенев принадлежит к тем писателям, которые, говоря нам о добре и зле, о человеческом достоинстве и непорядочности, о честности и лжи, собственной жизнью подтверждали правильность своих слов и действий. Делиться с ближним, будь то материальная помощь или помощь-поддержка, было неотъемлемой частью его души. П.В.Анненков характеризовал писателя как человека, нравственная доблесть которого превышала все его недостатки. Это может показаться некоторым преувеличением, но свидетельства и факты говорят сами за себя.

С детских лет Тургенев видел вокруг себя много несправедливости. И впоследствии это зародило в нем «раннюю ненависть к рабству и крепостничеству». Душа Тургенева отзывалась на любую человеческую боль. К нему мог прийти с просьбой о помощи любой, независимо от положения и степени знакомства, и не встречал отказа. Сочувствие и сострадание с особенной яркостью проступало у Тургенева в его отношении к людям «простого звания», к «униженным и оскорбленным», крестьянам, которые не могли себя прокормить.

Особенную заботу, попечение и интерес проявлял Тургенев к крестьянским детям. В 1863 году он построил школу и полностью содержал ее на собственные средства до конца своих дней. Иван Сергеевич назначал и выплачивал регулярные годовые пенсии даже тем, кто не имел никакого отношения к нему.

Естественным для писателя стало решение о строительстве богадельни в Спаской усадьбе. В богадельне могли доживать свой век неимущие дворовые и бывшие крепостные крестьяне.

«Богадельня – заведение для призора дряхлых, увечных и неисцелимых нищих; Божий приют» - такое определение дает в словаре В.И.Даль¹.

Во времена матери И.С.Тургенева подобная богадельня была заведена на хуторе Петровском, в версте от усадьбы, с той лишь

разницей, что она была «для бедных дворянок». Бывший крепостной Варвары Петровны Федор Безюкин оставил нам подробнейшее описание не только Спасского, но и Петровского, в котором он родился: «При Петровской усадьбе застал я фруктовый сад и липовый парк, с несколькими около сажалки еловыми и сосновыми аллеями, и большой и длинный крытый тесом дом, в коем была рождена и выращена Варвара Петровна, и который уже при мне служил уютною фермой для бедных дворянок и имел вывеску с надписью: *«Дающего рука да не оскудевает!»* Много помещалось бедных старых и не очень старых дворянок в этой уютной ферме на полном иждивении учредительницы, которую и было придумываемо соответственное для всех «дворянское» занятие. Именно: вязали чулки в запас, плели кружева в запас, вышивали шелком и гарусом ковры, подушки, шили женские платья для себя, варили различное варенье, солили и мариновали фрукты и грибы и пр. и пр. Боже, чего только в этой женской дворянской «обители» не приготавливалось и не припасалось! Одних опенков на сушку подвозили целыми возами»². Далее продолжает автор: «невдалеке от уютной фермы, за кустарным цветником, находился другой такой же величины крытый тесом флигель, в котором помещались: богадельня, больница с подразделениями на покои, смотря по сорту призреваемых и больных, а также и по роду болезни, начиная от простудных, лихорадки и горячки, до умалишенных и совершенно бешеных людей. При больнице же и богадельне, в особых отделениях, помещались врач и фельдшер»³. Судя по воспоминаниям В.П.Житовой, воспитанницы В.П.Тургеневой, после пожара усадебного дома 1839 года старший сын Николай Сергеевич отвез свою матушку в Петровское: «В то время маленький петровский домик уже давно был обращен в богадельню, где оканчивали свой век пять или шесть старушек разного звания. И Варваре Петровне пришлось теперь из своего дома переселиться на время в жилище ею же призреваемых бедных»⁴, т.е. в богадельню. Шло время, Варвара Петровна скончалась, и богадельня на хуторе была закрыта.

В июле 1873 года напротив церкви Спаса Преображения Господня в усадьбе И.С.Тургенева было построено новое бревенчатое здание богадельни. По свидетельству современников – это был небольшой домик в «русском вкусе», где содержались преимущественно бывшие дворовые, часть из которых имел право помещать и брат писателя, как соучредитель.

Обратимся к тому времени, когда задумывалось и проектировалось здание, вспомним, какие затруднения и препятствия оказались

на этом пути. Тургенев в этот период постоянно беспокоился о состоянии своих имений, которыми управлял его дядя Н.Н.Тургенев. Он передал дела новому управляющему Н.А.Кишинскому, который прежде занимался тверскими имениями генерал-адъютанта П.Н.Игнатьева.

Летом Кишинский приступил к своим обязанностям и энергично начал «необходимые экономические реформы». Он деловито входил во все тонкости только что принятого хозяйства. Именно Кишинский подал мысль Тургеневу завести богадельню. И уже в ноябре 1867 года Тургенев ему писал: *«Любезнейший Никита Алексеевич <...> Мысль Ваша насчет устройства богадельного дома мне очень нравится, и я буду ожидать обещанного Вами проекта»*⁵. Тогда же начинается интенсивная переписка по данному вопросу. Многие письма Тургенева в Спасское в этот период, в той или иной степени, касаются и богадельни, несмотря на занятость Тургенева и его нездоровье. Через полгода Тургенев сообщал о том, что он одобряет проект богадельни и возвращает его Кишинскому⁶. Но где этот проект – неизвестно. Может быть, он находится в письмах и бумагах Кишинского? Следует сказать, что в хозяйственных хлопотах о богадельне, связанных с финансами, принимал участие брат писателя, что характеризует его с несколько неожиданной стороны: *«<...> брат Н<иколай> С<ергеевич> дает на сооружение богадельни в Спасском 1000 р. сер., - делится Тургенев с управляющим, - из которых я уже получил 500, о чем я Вас и извещаю. Брат в первых числах июля едет к себе в деревню – и прибудет в Спасское. Я просил его, чтобы он сообща с Вами выбрал окончательное место для постройки богадельни, так как он теперь стал одним из ее основателей: купим ли мы Порфирьево * место или займем место возле церкви – это будет зависеть от того, на что вы оба решитесь. Очень бы я желал, чтобы основание могло быть положено 6-го июля нынешнего года. Если же это невозможно – то в скором времени после 6-го»*⁷.

Тургенев долго и тщательно подбирал место и с этой просьбой обращался не только к Порфирию Кудряшову, который «заупрямился», но и к Лобанову, бывшему дворовому матери. Разумеется, все переговоры шли через управляющего. Что же касается даты основания, то почему Тургенев настаивал именно на 6-м июля? Возможно, объясняется это тем, что 6(18) июля – день рождения Полины Виардо.

* Порфирий Тимофеевич Кудряшов, дворовый матери И. С. Тургенева. Тургенев выделил ему, а затем подарил участок в 15 десятин, который находился в самом селе к югу от Варнавицкого колодца⁸

Брат писателя и управляющий выбрали место возле церкви. Тургенев поблагодарил Кишинского: «*Коли Порфирий упрямится, Господь с ним, - но хороши были бы мы, если б уступили ему колодезь ***, как он того желал! Место, выбранное Вами, я вполне одобряю – а также и план кажется мне вполне практичным. Дай Бог окончит начатое дело благополучно!»⁹. Это письмо написано летом 1872 года.

Кажется, что сначала Кишинский оправдывал надежды Ивана Сергеевича, как деятельный и толковый управляющий. Незадолго до окончания строительства богадельни Тургенев писал ему из Карлсбада, где находился на лечении: «*Вы в последнем вашем письме упомянули о близком начале и освящении богадельни; прошу вас прислать мне список больных и престарелых лиц, которые должны туда поступить – или уже поступили. Я не помню, на сколько именно кроватей предполагалось устроить эту богадельню – кажется, на 12; в таком случае брату Николаю Сергеевичу следует предоставить замещение **четырех**; <...> уверен в том, что при определении кандидатов и кандидаток Вы руководствовались единственно большей или меньшей степенью недугов, лет и т.п.*»¹⁰.

В богадельне был устроен медицинский пункт и аптека при нем. Врач приезжал из Мценска еженедельно. В бедных и больных недостатка не было. Одни умирали, их хоронили..., поступали другие. Придерживались такого порядка, установленного самими Тургеневым. «*Вы можете предложить Зуеву и его жене поступить в богадельню на место скончавшихся старичков; разумеется, тогда прекращается пенсия. В случае отказа их распорядитесь замещением вакансий – спросясь с братом Н<иколаем> С<ергеевичем>, у которого, может быть, кто-нибудь есть на виду*»¹¹.

Богадельня была частично перестроена в 1879 году, о чем свидетельствуют ведомости прихода и расхода, составленные последним управляющим Николаем Александровичем Щепкиным: «Уплочено кровельщику за поправку крыш в Богадельне и флигеле – 70»¹². Ведомости дают нам неповторимые трогательные подробности того, как жила усадьба и в том числе богадельня в эти годы:

«На покупку для Богадельни Муки, Крупы, Мяса, Масла, Соли, Керосину, Чаю, Сахару, Рыбы и других припасов на сумму – 60.

⁹ Порфирий Тимофеевич Кудряшов за подаренную ему Тургеневым землю просил отдать ему Варнавицкий колодец. Бывший директор заповедника Н. П. Юдин благоустроил колодец и место вокруг него в 80-е годы XX века. Колодец и сегодня радует Спасских жителей своей водой, которой «нет и в Париже», по выражению Тургенева.

За стирку белья в Богадельне – 1.60

Корыто для богадельни и горшков – 1.52.

Куплено для богадельни платьев женских 7 и Мужских Рубашек – 4»¹³.

Наиболее полно и подробно рассказала в своих мемуарах о богадельне и живших в ней Софья Георгиевна Щепкина, жена управляющего, которая рассказу о богадельне отвела целый раздел: «5. Богадельня Ив. Сер. Тургенева в 1877г.». Она по-женски заметила и запомнила те мелочи, которые интересны нам сегодня: «Здание по наружному своему виду было небольшое, деревянное, в желтую краску выкрашенное, с железной крышей зеленого цвета, фасадом выходило на проезжую дорогу, а противоположной стороной примыкало к парку. Внутри состояло из одной большой комнаты и другой поменьше, где стояли 11 кроватей, большой шкаф, снабженный необходимым бельем, постельным и носильным. В третьей комнате, тоже светлой, помещалась кухня с большой русской печью, деревянным столом, вокруг которого были широкие, деревянные лавки, и в переднем углу божница с образами, перед которыми теплилась лампада. Дальше шло небольшое помещение для кухарки и к заднему крыльцу (*курсив наш – В.В.*) примыкали два хозяйственных чулана <...>. По желанию Тургенева были выписаны из Москвы всевозможные медикаменты первой необходимости, приглашен уездный врач – Мегелицын, который раз в неделю должен был приезжать в Спасское лечить старух, и все спасские крестьяне могли к нему обращаться безвозмездно за советом и получать от него лекарства»¹⁴. Охранительная опись 1883 года расширяет наши сведения о богадельне: «9. Деревянная *бревенчатая (курсив наш – В.В.)* богадельня, крыта железом длины восемнадцать аршин (18 ар. = 12м. 78см. Примеч. В.В.) и ширины десять аршин (10 ар. = 7м. 10см. *Примеч. В.В.*), две печи из коих одна пекарная, три комнаты, семь окон, шесть дверей, досчатый пол и потолок»¹⁵. Что же касается другого современника писателя, брата управляющего М.А.Щепкина, то он в своих воспоминаниях делает акцент на самих стариках, называемых Тургеневым «богаделенками»: «В новой богадельне жило пять старух и два старика; старухи были все больше дворовые Варвары Петровны, из стариков был один кучер, а другой бурмистр. Я часто заглядывал в богадельню послушать рассказы Александры Семеновны про старинное житье-бытье. Рассказы были интересны: она говорила, что на себе испытала и горе и радость, и что вообще, кто был ближе к Варваре Петровне, на том чаще всего и отражались капризы и своеволие барыни...»¹⁶.

В богадельне находили приют не только жители Спасского, но и убогие из других мест. В 1880 году Л.Н.Толстой обратился к Тургеневу с просьбой принять одну старуху. Через некоторое время она прибыла: «Высокая, прямая, стройная, имела продолговатое лицо с правильными чертами: заостренный подбородок, черные выразительные, но страшные глаза, красивые руки с художественно заостренными ногтями. В русскую речь вводила французские выражения»¹⁷ – это была Наталья Петровна Охотницкая, о ней подробно написала Т.Н.Архангельская в статье «Знакомая И.С.Тургенева Н.П.Охотницкая»¹⁸. Позднее она стараниями своего свекра дожила свой век в Тульской богадельне. В богадельню также была помещена старуха Родионова, которая вышивала зубами и ртом полотенца русским швом.

В письме к Клоди Шамеро из Спасского от 26 августа (7 сентября) 1878 года Тургенев описал необычную богаделенку: *«Для контраста я показал бы тебе бедную калеку, недавно принятую в нашу богадельню. Вообрази несчастное существо 80-ти сантиметров роста – без рук и без ног: довольно плотное туловище с водруженной на него головой и ногами, пришитыми прямо к <...> заду или к животу! Лицо красное, круглое, гладкое – с почти веселым выражением; несколько косящие глаза, серые, большие – огромный рот, нежный голосок – но все что ни говорит этот обрубок – остроумно и отмечено добродушием. Вообрази – эта женщина шьет, вышивает ртом, упираясь своими полными губами на нечто вроде бородавки на её плече, которая движется по её желанию. Я привезу в Буживаль весьма мило вышитое ею полотенце. Впрочем, вот набросок, сделанный с неё.*

Вот существо из тех, что оплатили своё право не верить в Бога и которое однако должно в него верить, а также и в небеса, и в награду в рай, и во все то, что должно возместить ей горечь её существования в этом мире! Со всем тем она не производит впечатления очень несчастного существа»¹⁹.

Само здание постепенно приходило в запустение. В 1893 году в нем жил урядник, а в 1913 – садовник. На протяжении последующих лет его состояние ухудшилось. Уже в музейный период акт 1930 года фиксирует последнюю стадию разрушения: «Хуже всего состояние богадельни: расхищается фундамент и кирпич от печей, стены выпячиваются, отваливаются кусками и трухой». В 1931 году богадельня по распоряжению сельсовета была разобрана и увезена.

Благодаря архитектору В.А.Юрьеву усадебные постройки стали восстанавливать по его же проекту в 1937 году, правда, строительство богадельни затянулось на несколько лет из-за задержки средств.

В сентябре 1940 года представители музейно-краеведческого отдела Наркомпроса, среди которых был архитектор, отметили, что деревянное здание богадельни рублено в «лапу», поставлено на каменный фундамент и покрыто железной крышей.

Во время Великой Отечественной войны богадельня была сожжена фашистами при отступлении в январе 1942 года. В 1955 году ее восстановили на прежнем месте. Все последующие десятилетия она принимала и согревала многих гостей, приезжавших в заповедник. Незабвенный Николай Павлович Пузин, хранитель Ясной Поляны, почти каждое лето проводил в «милом Спасском» свой «месяц в деревне». А Нина Алексеевна Седова многие годы оставалась неизменной хранительницей и «устроительницей» богадельни. Сколько труда, душевных сил и заботы вкладывала она во всё, к чему прикасалась! Такими, как Нина Алексеевна, поднималась из руин усадьба после войны. Сколько чудных, незабываемых встреч подарила нам богадельня!

«Кто знает, сколько каждый живущий на земле оставляет семян, которым суждено взойти только после его смерти?»²⁰. Почему бы сегодня не разместить в богадельне, например, музей народного (крестьянского) быта, или, что совсем похоже на чудо, дом для ветеранов-музейщиков, хотя бы на летнее время...

Примечания.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого Великорусского языка. Т.1. 1981. С.101.
2. Безюкин Ф. Из воспоминаний о селе Спасском-Лутовинове и И.С.Тургеневе //Русский вестник. 1885. С.343-344.
3. Там же. С.344-345.
4. Житова В.Н. Воспоминания о семье И.С.Тургенева. Тула, 1961. С.35.
5. Тургенев И.С. ППС и П в 30-и томах (2). Письма. Т.8. С.66.
6. Там же. Т.8. С.166.
7. Там же. Т.11. С.271-272.
8. Митракова Л.А. Дворовый Тургеневых П.Т.Кудряшов //Спасский вестник. №4. С.44.
9. Тургенев И.С. Письма. Т.11. С.283.
10. Там же. Т.12. С.181-182.
11. Там же. Т.11. С.238.
12. ОГЛИМТ Инв. №726 оф.
13. ОГЛИМТ Инв. №724 оф. Сохранена орфография подлинника.
14. Щепкина С.Г. И.С.Тургенев в Спасском-Лутовинове //Красный архив. №100. М., 1940. С.212.

15. Волчихина В.П. Охранительная опись имения в с.Спасском-Лутовинове, принадлежащего И.С.Тургеневу //Тургеневский ежегодник. 2002. Орел, 2003. С.16.

16. Щепкин М.А. Воспоминания об И.С.Тургеневе и селе Спасском //Исторический вестник. 1898. №9. С.920.

17. Щепкина С.Г. И.С.Тургенев в Спасском-Лутовинове //Красный архив. №100. М., 1940. С.213.

18. Спасский вестник №8 за 2001 год.

19. Ivan Tourguénev. Letters inédites à Pauline Viardot et à sa famille. Edition éditée par Henri Granjard et Alexandre Zviguilsky. Préface par Henri Granjard. T.1. Lausanne: L'Age d'Homme, 1972. P.276-277.

20. Тургенев И.С. Соч. Т.5. С.128.

Е.А. Козеева

СОСЕД ТУРГЕНЕВА ИЗ ВЕТРОВА

Жизнь и творчество Тургенева тесно связаны с Чернским уездом. Писатель обладал здесь широким кругом знакомств с людьми разных сословий, сам был чернским помещиком. Богатый купец Анишим Варфоломеевич Чадаев был одним из знакомых Тургенева в этом уезде.

Чадаев владел всеми мельницами по реке Снежеди, арендовал, а затем и скупал у других владельцев земли, леса, рощи, укрепляя своё обширное хозяйство. В 70-е годы А.В.Чадаев купил у помещика Алексея Сергеевича Бунина село Ветрово Чернского уезда Тульской губернии, расположенное на правом берегу реки Снежеди¹. В пьесе Тургенева «Нахлебник» упоминается село Ветрово: «А что, Ветрово достается Вам, наконец, или нет?»².

В XVIII веке в Ветрове существовала церковь Во имя Успения Пресвятой Богородицы, действовавший кирпичный завод и мельница. Село было известно ещё и гончарным промыслом. *«По реке Снежеди, особенно, в д.Ветрово добывается горшечная глина <...> Крестьяне выделывают из оной горшки и прочую посуду, ведут весьма значительный промысел, сбывая товар свой даже в соседние уезды»,* - писал А.Г.Зеленецкий³.

Промысел свой ветровские гончары продолжали и после Великой Отечественной войны, свое существование он прекратил лишь в 70-е годы XX века. На восточной окраине села находилось когда-то Ветрово Городище, располагалось оно на возвышенном месте, окруженном глубокими оврагами. В XIX веке церковь в селе уже

не существовала, сохранились свидетельства, что Чадаев думал о строительстве церкви в Ветрове, а также выделял средства на строительство церковно-приходской школы в селе Тургенево⁴.

Тургенев вел с Чадаевым хозяйственные дела через своего управляющего Н.А.Щепкина, давал ему займы деньги, получал от него письма.

30 июля 1875 года Тургенев продал «Чернскому купцу Анисиму Варфоломеевичу Чадаеву восемьдесят десятин триста сорок восемь сажень земли, состоящей в Чернском уезде при деревне Кальна в двух отдельных пустошах реки Снежеди, в даче пустоши Марсенковой и в даче пустоши Чаплыгиной, Марьинская тож и в даче деревни Голоплеки»⁵.

Земли эти простирались от имения И.С.Тургенева Спасское-Лутовиново до реки Снежеди. Кроме того, одновременно Чадаев оформил заем у Тургенева на крупную сумму под залог земель «при деревне Кальна и в даче деревни Голоплеки».

Долг Тургеневу Чадаев вовремя не заплатил и несколько раз просил отсрочки платежей, прибегая при этом к всевозможным уловкам. Так, письмо с просьбой об отсрочке пришло к Тургеневу в день полагающейся выплаты. Тургенев писал управляющему: «<...> только заметьте Вы ему, когда Вы его выпишите, что эдак не делается между порядочными людьми: просить об отсрочке платежа – и распорядиться так, чтобы письмо с просьбой пришло как раз ко мне за границу в самый день срока»⁶. Об этом поступке Чадаева Тургенев сообщил Н.С.Тургеневу: «Что касается г.Чадаева, то я уже распорядился об отсрочке платежа 4000 р.ср. Не сомневаюсь в его честности и сочувствую его положению; но странно, что он не позаботился прислать мне пораньше свое письмо, которое попало в мои руки в самый день, когда следовало платить деньги»⁷.

В 1875 году Н.С.Тургенев заключил с Чадаевым контракт на рубку леса в селе Сомово (Павлищево) Мценского уезда Орловской губернии сроком на десять лет. Деньги по этому контракту Н.С.Тургенев завещал И.С.Тургеневу. Зная о том, что Чадаев был человеком прижимистым и оборотистым, Тургенев в письме к Н.А.Щепкину от 4(16) сентября 1882 года высказывал обеспокоенность по поводу рубки леса в селе Сомово: «Надеюсь, что Вы обратите внимание на то, чтобы Чадаев в сомовском лесу не вырубал свыше положенного, а то его уплаты... окажутся несбыточными»⁸.

После смерти Н.С.Тургенева Чадаев вместе с П.К.Маляревским, который был назначен Н.С.Тургеневым душеприказчиком, составили документы таким образом, что оказалось будто бы Чадаев выплатил крупную сумму денег Н.С.Тургеневу еще до его кончины. В

результате при расчете из денег, причитающихся И.С.Тургеневу по завещанному братом контракту, Маляревский удержал 492 рубля.

Чадаев постоянно просил у Тургенева отсрочки по выплатам, жалуясь на хозяйственные неурядицы. Тургенев, прекрасно понимая, что Чадаев его обманул, все же шел ему на уступки. 7(19) декабря 1882 года он писал Щепкину: «<...> прилагаю при сем письмо Чадаева. Я ему не отвечаю, но прошу Вас призвать его – и, смотря по Вашему благоусмотрению, объявить ему, либо, что я согласиться на отсрочку не могу и требую уплатить по контракту; либо, что я согласен сбавить не 1500 – а 850 р. <...> и требую, чтобы при этом совершенно было предлагаемое им нотариальное свидетельство об обязанности заплатить в срок платежа **вторичную неустойку** <...> Хотя мне нет причины оказывать ему какое-либо снисхождение после его поступка со мной вкупе с г-ном Маляревским – однако если он действительно потерпел такие убытки от наводков, то это можно взять в соображение»⁹.

О доброте и всепрощении Тургенева свидетельствует письмо тяжелого больного писателя к Щепкину от 13(25) апреля 1883 года: «<...> насчет Чадаева простить все, что можно, и насчет крестьян тоже»¹⁰.

В центре села Ветрова Чадаев построил двухэтажный кирпичный дом и многочисленные хозяйственные постройки (амбары, склады, подвалы). До наших дней сохранились остатки фундаментов зданий и мельницы. Архив семьи Чадаевых находится в мемориальном и природном музее-заповеднике «Спасское-Лутовиново».

Примечания.

1. Приходы и церкви Тульской епархии. Чернский уезд. 1898. С.748.

2. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч. Т.2. С.134.

3. Зеленецкий А.Г. «Г.Чернь и его уезд» //Тульские губернские ведомости. 1850.

4. Тишина С.А. «Мы с именем Тургенева выросли...» //Тургеневский ежегодник 2002 года. Орёл, 2003. С.148-156.

5. Иванова Л.Н. Деревня, которой нет: По следам героев Тургенева. Тула: Приокское кн. изд-во, 1991. С.145.

6. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т.ХII, кн.1. С.226.

7. Там же. С.238.

8. Там же. Т.13, кн.2. С.30.

9. Там же. С.123.

10. Там же. С.174.

Наши публикации

Под Ветурму 188. а в америке на 19. и 1922.

В Московскую Судебную Палату.

1922

1922

Повременное Общества крестьян Черноголоса, Мроуко Бауриной во-
лоости, деревни Пальны, Поможского
Секретаря Николая Петровича Черносви-
това, проживающего временно в Москве, Арбат-
ской казны, на Софийской площади, в
квартире в. Мещениковой,
а поставлено в Тулу, на Киевской улице,
в своем доме,

по форме
с отомощием, Черноголоса Федосья
Филипповича Милкиной, повременный по-
торой, Присяжный Повременный Андрей
Александрович Любимович, живет в Тулу,
на Киевской улице, в доме Филипповича
Александровича Милкиной.

Решение Тульской Окружного Суда от 27 Января 1922 года,
кошью откарало Обществу крестьян деревни Пальны во исходе о
признании за ними права собственности на земельные феодаль-
ные участки земли, находящиеся в собственности у Милкиной,
и признало неграмотными, по следующим
основаниям:

**ОДНАЖДЫ РАННЕЮ ВЕСНОЙ.
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ И.С.ТУРГЕНЕВА.
ПЬЕСА В 2-Х ДЕЙСТВИЯХ 6 КАРТИНАХ¹**

Действие I, картина 1.

1862 год, месяц май, село Спасское–Лутовиново, родовое поместье Ивана Сергеевича Тургенева. Действие происходит в барской усадьбе. На переднем плане слева виден фасад главного усадебного дома с мезонином, на переднем плане справа - раскидистая молодая лиственница, за ней просматривается уходящая вглубь сада стройная липовая аллея.

На ступенях веранды сидит сам хозяин усадьбы, перед ним вокруг пушистой лиственницы ведут хоровод деревенские девушки, они поют протяжную хороводную песню, сложенную в тургеневских краях. Это длится 1,5 – 2 минуты:

*Из-под дуба, из-под вяза,
Из-под белого коренья,
Вот и калина, вот и малина!*
*Из-под липовых кореньев
Пришло девкам разоренье,
Вот и калина, вот и малина!*
*Пришло девкам разоренье,
Молодушкам на веселье,
Вот и калина, вот и малина!*
*Молодушкам на веселье,
Старикам на удивленье,
Вот и калина, вот и малина!*
*Из-под липовых качель
Протекал быстрый ручей,
Вот и калина моя и малина моя,
Протекал быстрый ручей.*
*Как на этом ручеечке
Мыла барышня платочки,
Вот и калина моя и малина моя,
Мыла барышня платочки.*

*Она мыла-колотила,
Платок на воду пустила,
Вот и калина моя и малина,
Платок на воду пустила.
Она плакала - тужила ...
Поймал девицы платок,
Она парня увидала,
Вот и калина моя и малина моя,
Девка парня увидала.
Три поклона создала:
– Благодарю, парень, тебя!
Вот и калина и малина моя,
Благодарю, парень, тебя!
Что помог моей беде,
Поймал платок на воде,
Вот и калина моя и малина моя,
Поймал платок на воде.*

В это время раздаются мужские голоса, и из-за деревьев парка в аллее появляется группа крестьян, о чем-то громко рассуждающих и спорящих.

Хозяин усадьбы, подав знак девушкам остановить хоровод /в это время девушки шумно убегают/, поднимается с места и, сделав шаг навстречу крестьянам, останавливается, ожидая их.

Мужики нерешительно подходят к дому, останавливаются перед крыльцом и под лиственницей, стягивают шапки, робко переминаются с ногу на ногу, молчат ...

Тургенев: Здравствуйте, мужики!...

Крестьяне: /вразнобой/ Здорово, батюшка барин!.. Здравствуй, коль не шутишь!.. Будь здоров!.. Рады тебе!.. С приездом!..

Тургенев: Рад... рад видеть вас... Как живете?..

Крестьяне: Твоими молитвами, батюшко... /вразнобой, затем долго молчат, выжидательно, настороженно.../

Тургенев: Вот, мужики... Приехал в этом году пораньше, потому что сев предстоит, а нам с вами надобно еще обговорить, как жить, соседствовать будем дальше, с землей необходимо полюбовно разобраться... /в толпе заметно волнение, одобрительно-тревожный гуд вызывает его на продолжение речи.../.

Вот и позвал я вас. Извините, что пришлось оторвать от работы... Садитесь, садитесь прямо на траву, так удобнее будет беседовать... А я вот на ступеньку присяду... Не стесняйтесь, ведь мы с вами теперь соседи – да и только... Выборные от каленского общества тут?.. /оглядывает каждого поочередно/.

Крестьяне: Да мы постоим... Не постоим ног-то, привычные... Ты сиди, сиди, батюшко, а мы – вот так... Тута, тута выборные... /выталкивают из толпы выборных от каленского общества, последние отходят в сторонку, останавливаются и стоят рядом с землемером/. Часть крестьян устраивается поудобнее на траве, часть остается стоять, отойдя в стороны и назад, под сень деревьев. На крыльце остаются: слева – сидит – Тургенев, в центре ступенькой ниже стоит управляющий, чуть в стороне землемер и рядом с ним выборные от каленских крестьян.

Тургенев: Я пригласил вас, чтобы вручить уставную грамоту для вашего общества, которая уже согласована с вашими выборными и властями и вчера подписана... /обращается к управляющему/ Никита Алексеевич, зачитайте, пожалуйста, заключительную часть...

Управляющий: /читает/ Мировым посредником Чернского уезда первого участка при поверенных владельца и при посторонних из добросовестных из сельца Жерлова Максима Васильева, села Костомарова Якова Силаева, деревни Ветровой Никона Федорова с уставной грамотой при участии уполномоченных от каленского общества Степана Яковлева, Панфила Антонова, Ивана Романова, Василия Стефанова, Антона Лаврентьева, оказавшихся согласными с Положением, на сходе крестьян каленского сельского общества прочитана и с разрешения уездного мирового съезда < ... > утверждена и введена в действие, а списки оной < ... > и с испрошения печати мирового посредника выданы каленского сельского общества Савелию Дмитриеву для точного на оное исполнение.

Подписал мировой посредник барон Дельвиг. Печать мирового посредника... /гробовое молчание/.

Тургенев: Так вот, мужики... Времена наступили такие, что каждый из вас волен стать свободным, самостоятельным хозяином... Но, чтобы стать им, мало просто хотеть, надо еще и уметь управляться с землей, хотеть угождать ей...

Крестьяне: /вразнобой/ Да где она, земля-то!... С чем управляться-то!.. Мы бы управились, да без земли отпустил нас царь на волю-то!.. /слышен ропот/.

Тургенев: Спокойно, спокойно, мужики... Я целый год подготавливал этот разговор. По моей просьбе перемеряли и отмеряли вам землю, я советовался с властями, мозгуя о том, как получше обустроить вас, поосновательнее... Ведь ваши отцы, деды, да и вы сами честью и правдой всегда служили моей семье, огромное спасибо вам за это – и коль официальное освобождение ваше пришлось на мой век, то, естественно, я мыслю себя обязанным до конца позаботиться о вас, о благополучии ваших семей... /движение среди крестьян и одобрителный гул/.

Освобождаю я вас от всех обязательных отношений согласно местного Положения, с пожертвованием одной пятой части выкупной суммы, и сверх того уступаю безвозмездно всю усадьбу, огороды, конопляники... /в толпе происходит заметное движение, все крестьяне встают со своих мест, слушают дальнейшее стоя, остро-заинтересованно.../.

Тургенев: /обращаясь к управляющему/ Будьте добры, Никита Алексеевич, по окончании беседы зачитайте, пожалуйста, пункты уставной грамоты о пожертвованиях /управляющий выражает готовность кивком головы/.

Тургенев: Все ли вам понятно, мужики?.. /Крестьяне молчат. Вдруг из толпы вырывается живой, тщедушный мужик с торбой в руке, в лаптях и белой косоворотке, подпоясанный веревкой, Иона Герасимов. Как бы споткнувшись на бегу, он резко останавливается на месте, оказавшись впереди толпы, застывает в полусогнутой позе/.

Тургенев: /обращая на него внимание/ Тебя, кажется, Ионой зовут?.. /тот согласно кивает/. Помню, помню тебя, ты бывший мой голоплекский крестьянин... Ну как обустроились в Кальне, ладно ли я сделал, что объединил вас в общество с каленскими мужиками?..

Иона: Я это, я ... батюшко Иван Сергеевич... Ладно, ладно ты сделал, благодарим Господа... Прости ты меня, Христа ради, несмышленый я... Разъясни ты нам, непонятливым, чего ты нам жертвуешь-то?.. Али я чево не внял?..

Тургенев: /обращаясь к управляющему/ Зачитайте, пожалуйста, тот пункт правительственного Указа об отмене крепостного права, где говорится об условиях перехода земли в собственность крестьян...

Управляющий: /роется в бумагах, находит нужную, читает монотонно/ Указ: правительство ссужает определенную сумму, с рассрочкой оплаты оной на продолжительный срок, и само взыскивает

следуемые с крестьян платежи /перебирает бумаги вновь, находит нужную, пропуская листы/... При приобретении крестьянами полного по уставной грамоте надела выдается им в ссуду четыре пятых всей необходимой суммы, а остальную одну пятую часть они должны немедленно выплатить помещику. По утверждении выкупной сделки правительством все обязательные отношения между помещиками и крестьянами прекращаются, и последние поступают в разряд собственников... /крестьяне по-прежнему недвижимы, недоумение написано на их лицах. Вот из толпы медленно выходит еще один крестьянин, обращаясь к Тургеневу, просит/.

Крестьянин: Батюшко, Иван Сергеевич, растолкуй ты нам, глупым, сам всю эту дель, не то, не ровён час, оглупятся мужики... не ровён час, продешевим, ведь мы без понятия, что к чему-то...

Тургенев: Ну хорошо... Слушайте – и соображайте, мужики... Вот возьмем тебя, Иона... Сколько у тебя моей земли было на аренде?..

Иона Герасимов: А ничево нету, батюшка Иван Сергеевич...

Тургенев: Как это так?!.. Ведь я, как только стал единоуправным хозяином этого имения, прямо-таки навязал вам землю в аренду... А где ты был, почему у тебя нет земли?.. Ведь я и цену-то назначил пустяковую – не взял с вас даже арендной платы, очень небольшой, которая полагалась за пользование землей, а постоянно снижал ее...

Иона: /глуповато кривляясь/ Так, батюшка Иван Сергеевич... Пошто мне аренда-то, я ить и так не прогадал: на аренде-то земля, считай, своя, ей обиход хороший надобен, да встань с зарей, а порой и не спамши совсем, да удббри, да пуп на ей надорви... А коли засуха, али град, али недород какой другой?.. И не попросишь ить у барина; скажет, у тебя, мол, своя земля, как и у меня, имеется, хозяевá мы оба ноне одинакие, выбирайся из беды сам... А по-другому-то побойчей выходить: мало рази ты нам, безземельным, попередавал за ети года лесу, зерна, да и деньжонок когда на бедность нашу положишь... Не-е-е... у меня ей нету, матушки, только рази под усадьбою десятина твоя тоже, бесплатная... Спасибочки всегда говорю... /Мужики обескуражены, стыдливо шушукаются, гудят вполголоса, угубают к земле головы. Тургенев тоже немного смущен... Но быстро выходит из этого состояния, встряхивает головой, вновь обращается с вопросом, но уже к другому крестьянину, Ивану Иванову/.

Тургенев: Ну хорошо... А у тебя, Иван Иванов, сколько на аренде моей земли?..

Иван Иванов: Шесть десятин с гаком на душу будеть, бога за тебя молим, кормилец ты наш, Иван Сергеевич...

Тургенев: Шесть десятин... Вынужден вас, мужики, немного огорчить: ведь в расписании, приложенном к Положению, для льготного выкупа определен высший душевный надел только в три десятины... И против Указа не пойдешь... Ну, да ладно, я не оставляю вас своими заботами, не сомневайтесь... А теперь вам предстоит выкупить пока по три десятины пахотной земли на душу...

Крестьяне: Да за что же нам ее выкупить-то?...

Тургенев: А вот я вам сейчас и растолкую, за что... Например: твоя земля, Иван, будет стоить, скажем, пять тысяч рублей. Из этих пяти тысяч на четыре пятых этой суммы, то есть на четыре тысячи рублей, ты сегодня же заключаешь договор с правительством, к примеру, с рассрочкой на двадцать лет, и будешь, таким образом, выплачивать государству по двадцать рублей ежегодно. А оставшуюся одну пятую часть выкупной стоимости земли, то есть одну тысячу рублей, ты должен заплатить мне, владельцу этой земли, немедленно – и тогда бери, пользуйся землей, владей ею вечно, Иван Иванов, будь теперь ее хозяином ты!..

Но я знаю также и то, что у тебя никогда не было и не будет таких больших денег, и, следовательно, тебе никогда не выкупить желанной земли, так вот... чтобы ты сегодня же стал законным землевладельцем, я тебе эту одну пятую часть выкупной стоимости земли, то есть одну тысячу рублей, дарю... и будь немедленно хозяином, Иван Иванов!..

А что останется земли свыше трех десятин за вашей арендой, я позволю вам пользоваться ею, а там посмотрим... Обустроитесь, даст бог, разбогатеете, и прибавите к своим владениям.

/Среди крестьян поднимается недоверчивый, шумный пересуд. Иона взволнованно бежит от одной группы крестьян к другой, прислушивается, пытается что-то обсуждать, размахивает возмущенно руками, то есть мутит мужиков. Те, посоветовавшись, выдвигают из круга одного выборного от общества, подталкивают его поближе к крыльцу/.

Выборный: /обращаясь к Тургеневу, снова усевшемуся на ступеньку/ А позволъ, батюшко Иван Сергеевич... Как же так... Ивану Иванову такая милость – а мы-то все как же? Знать из общества нашего он выходит в хозяевá, а нас ты обойдешь своей милостью?.. Дак... ты нас в хозяевá вывел, ты нас и погубишь, коли так-то... Пошто тогда переселял к нам голоплецких мужиков в Кальну, избы всем поставил, усадьбами наделил?.. Пошто землю нам нарезал к

одному месту?.. Эх, обнадежил ты нас, государь ты наш батюшко, Иван Сергеевич...

Тургенев: Да что это вы, мужики!.. Да вы не так поняли меня! Ивана Иванова я взял в пример, а эту одну пятую часть я дарю всему вашему обществу, сколько вас ни есть... всем ста семи душам мужского пола... Сегодня же езжайте и начинайте расчеты с правительством, а я свое слово уже сказал... Отрезаю вам к одному месту поле земли в 321 десятину, на все общество, на все 107 душ...

Крестьяне: /голоса из толпы/ А ты-то как же, отец наш...

Тургенев: Со мной расчеты вести будет правительство, и вас это уже не коснется...

Крестьяне: А как же твоя-то усадьба, ведь она внутри нашего надела остается...

Тургенев: А свою усадьбу со Снежеди я перенесу в другое место, чтобы не разделять вашего надела...

Иона: А дворы-то, батюшко, а усадьбы-то наши?..

Тургенев: Об этом я уже говорил вам сегодня: оставляю вам в вечную собственность ваши избы, дворы и другие строения, а также по десятине земли под огороды, сады, конопляники, покосы; оставляю нетронутыми все проторенные ранее дороги и все выгоны для скота, свободными проходы к водопоям. Чтобы не поминали вы меня лихом. Берите – и пользуйтесь... Угодил ли я вам, мужики?..

Крестьяне: /все хором, вразной/ Угодил, угодил, кормилец!.. Вот угодил-то, батюшко!.. Премного благодарны!.. Вот облагодетельствовал-то! Родимый ты наш, век тебя не забудем!.. Бога за тебя будем молить!..

/Тургенев подает крестьянам уставную грамоту, они принимают ее с поклонами, сходятся в кружок и, склонившись над документом, внимательно разглядывают и изучают его. Крестьяне, чувствуется, возбуждены, слышны их радостные возгласы.

В это время слуга выносит из дома ведро с вином и черпак, приглашает их угощаться, они нерешительно оглядываются на хозяина усадьбы. Тот в ответ поощрительно кивает им головой. Низко кланяясь, они окружают дареное ведро и следуют за слугой под сень деревьев парка, где начинается раздача угощения.

Появляется женская прислуга, она несет на вытянутых руках поднос со сладями, подарками. Тургенев взмахом руки вызывает из-за деревьев стайку деревенских девушек, которые сегодня уже водили перед ним хоровод, сам одаривает их. Девушки тут же примеряют

бусы, ленты, прячут в карманы печенье, конфеты, затем благодарят хозяина, составляют хоровод и величают его «Розой белорозовой», спасской хороводной.

Тургенев сидит на ступенях веранды, а перед ним крестьянки, одетые почти сплошь в красное, ведут хоровод и «выводят пронзительными, резкими, но верными голосами/».

*Не хотелось мне во зелен сад
идти,
Мне не милы в саду розы
цветы,
Ой, роза ты, роза моя,
В саду роза-белорозовая
- « - « -
Мне не милы в саду розы
цветы,
Опустели все ракитовы кусты,
Ой, роза ты, роза моя,
В саду роза-белорозовая
- « - « -
Я не знаю, как мне к Ване
подойти,
Свет Сергеичу платочек
подарить,
Ой, роза ты, роза моя,
В саду роза-белорозовая
- « - « -
Я во зелен, во зеленый сад
пойду,
Свет Сергеичу платочек
подарю,
Ой, роза ты, роза моя,
В саду роза-белорозовая
- « - « -*

Хоровод медленно двигается под сень деревьев парка, заводя новую хороводную. Под ее звуки Тургенев, задумавшись, остается сидеть на ступенях веранды...

/Спасская хороводная «У нас во лесе, во дремучем»/

*У нас во лесе, во дремучем
Соловушка свищет,
Ох, она свищет*

- « - « -

*Что ни голуб сизую голубку,
Голубушку ищет,
Эх, голубушку ищет*

- « - « -

*Полетела сизая голубка
Во чисто поле,
Эх, чисто поле*

- « - « -

*Отускалась сизая голубка
Во сине море,
Эх, во сине море*

- « - « -

*Умывалась сизая голубка
Ключевой водою,
Эх, все водою*

- « - « -

*Утиралась сизая голубка
Шелковой травою,
Эх, все травою*

- « - « -

Действие I, картина 2.

Раннее летнее утро. У плотины на реке Снежеди чистой небесной голубизной зияет глубокое бучало. Сама плотина перегорожена шлагбаумом. У межевого столбика стоит богатый спасский крестьянин Михаил Жикин /одет в косоворотку, подпоясанную ремешком, порты заправлены в голенища смазных сапог, он простоволос, полуллыс, светлые жидкие волосы и такая же бородка/. Он всматривается в сторону деревни, откуда вот-вот должны показаться крестьяне каленского общества, на свой покос всегда ходившие через плотину Снежеди. Показались, подходят к шлагбауму, удивлены, шумят, обращаются к Жикину.

Крестьяне: /вразнобой, все вместе/ Хозяин, а ослобони-ка нам проезд-от... Надоть пройтить на покос...

Жикин: Всё, теперь отъездилися по моей-от плотине... Пьянь кабацкая... Голь беспортошная!..

Крестьяне: /обескуражены его явным напором и грубостью/ Ты штой-то, Михайла, шутить нам изволишь?!.. А ну ослобони проезд!.. /всей гурьбой надвигаются на Жикина, он убегает за шлагбаум/.

Жикин: /показывает/ Вот вам кукиш!.. Теперь все вам попомню!.. И как кабак мой по бревнам разнесли, и как через плотину бесплатно катались – вы у меня теперь все попляшете!.. Оборванцы безлошадные!..

Крестьяне: Дак ведь и не ты есть хозяин-от мельницы и земли вокруг ей! У брата твоего все это на аренде уж скоко лет... Да и то правда, что брата-то твоего, Ивана, мы здесь и не видывали ни разок-ку... Выхватил ты хозяйство-то из еванных рук!.. Паскуда, прости Господи... Что удумал – кабаки возля наших дворов ставить – так тебе и надоть!.. Вперед неповадно станеть!.. А ну, мужики, давайте-ка, навалися, сметем его загородку-то!..

Жикин: /Пригибается, подлезает под шлагбаум, растопыренными руками и грудью пытается преградить движение крестьянам/ Ну-ну, будет шутить-то!.. Я теперь тут настоящий хозяин и есть – и земляца, и мельница, и плотина вот эта – всё теперь моё!.. Вот она, купчая-то... Вот, от самого барина, от управляющего его!.. На все плант даден!..

Крестьяне: А ну-ко, дай-дай, правда ли все это?.. А то больно жуликоват ты будешь, Михайла Петров Жикин!..

Жикин: /Разворачивает бумагу, машет ею перед лицами крестьян/ А ну-тко, кто из вас грамоте знает, выть один на один, дам поглядеть – а вы все /надвигается на крестьян/ ну-тко назад пошли!.. /Крестьяне, пятась, отходят на некоторое расстояние назад, перед Жикиным остается лишь один крестьянин. Жикин снизу и сверху прижимает пальцами края развернутой бумаги, крестьянин мучительно всматривается в строчки, шевелит губами, разбирает написанное вслух/.

Крестьянин: Третьего сентября тысяча восемьсот семидесятого года. Купчая... выдана крестьянину села Спасского Михаилу Петровичу Жикину на право собственности на водяную мельницу на реке Снежеди при деревне Кальне и приданную вместе с нею землю при той же деревне ... /Крестьяне обескураженно молчат, Жикин с победным видом вновь машет купчей и, сложив, прячет бумагу в карман/.

Крестьянин: Мужики, что же это?... Как же это мы его проглядели-то. Михайла Петров теперь, значить, есть хозяин всего егово... То

все это /обводит рукой мельницу, плотину, землю/ было, значить, во владении барина, а теперя, выходить, он сосед нам? Что же... выходить нам теперича по етой земле-то ни проехать, ни пройтить нельзя будет?.. Когда хоть Тургенев земли по речке-то решился продавать? – ведь и не собирался вроде, все говорил: гоняйте, мол, скотину, мужики, вольно, пользуйтесь пока...

Жикин: /Машет листом купчей, вновь вынув ее из кармана/ Вот, вот, смотрите – подпись самого управителя: Ки-шин-ский /читает по складам/.

Крестьяне: /Еще раз, уже все подходят и разглядывают бумагу, переговариваются/ Значить, управляющий Тургенева Михайле Жикину всю Иванову аренду запродали... Вот так-то, мужики... Так как же теперя, Михайла Петров, чем плату с нас брать будешь за проход-то по плотине?.. Конец-то ее в наш остров чай, упирается, нам что же, птицами теперя прикажешь через ее, через речку-то, летать?..

Жикин: А чево вам теперя у меня на плотине делать-то? Остров-то тот тоже теперича мой, я ево купил, у меня на ево и план-от есть... Скотина ваша теперича еслив на мою землю зайдеть – штраф мне платить будете... /Среди крестьян поднимается ропот, они переговариваются, решают, что делать/.

Крестьяне: /вразной/ Ну вот чево, мужики... Бумага у ево и правдоть по всей ихней форме написана, и подпись спасского управителя имеется... Спорить теперича нечево, на етот раз ево не переспорить, видать... Надо другой путь на остров искать... А потом барина ждять и ему жалиться... Вот что, пошли-ка вверх по реке до кладей, на тот берег по им перейдем и оттада заедем и зачем покос на своей земле... Она у нас по всей форме у Тургенева выкупленная, нам нечево за ее опасаться...

/Крестьяне с плотины сходят на берег Снежеди и идут по кромке ее по направлению к кладям, вверх по реке. Жикин, чем-то обеспокоенный, долго еще стоит на плотине, провожая их взглядом. Затем уходит в дверь мельницы, прикрывает ее за собой...

Проходит около часа времени, солнце заметно встает, ярким алым светом золотит бегущую волну, светлеют очертания деревьев, строей, голубеет небо.....

Вот вновь слышны говор и громкие выкрики: это к плотине возвращаются каленские крестьяне. Идут быстро, слышны /вразной/ возгласы... Их заглушает глухой перестук заработавшей вдруг мельницы. Ворота рядом с ней раскрыты настежь, помольцы заносят во двор мешки с зерном. Появляются крестьяне, по берегу в

объезд возвращающиеся со своего поля. Слышны явно разъяренные выкрики/.

Крестьяне: Эй, Михайла, выдь-ка, бессовестный!.. Эка удумал чево, надоть же было за одну всего ночь управиться! И канаву какую прорыл через въезд на остров-то – да и плетень с версту успел поставить, отгородился!.. Это на наше-то кровное! Вот кровосос, дьявол!.. Эй, разбойник, а ну выдь, погугорим!..

/На плотине пусто. Крестьяне обходят с обеих сторон шлагбаум, подлезают под него, всей гурьбой идут к мельнице. Навстречу выбегает из дома жена Жикина, Авдотья, дородная баба, размахивает руками, кричит/.

Авдотья: Подите прочь, шальные!.. Счас собак на вас спущу!.. /слышен истеричный лай нескольких рвущихся с цепи собак. Крестьяне, дойдя почти до здания, замедляют движение и затем останавливаются. Собачий лай постепенно стихает, среди наступившей тишины слышится лишь дробный перестук жерновов на мельнице. Крестьяне совещаются.../

Крестьяне: Эй, слышь, Авдотья, скажи мужику, пускай к нам выйдет, покалякать надоть... Не боись, не обидим, поспрашаем только малость...

Авдотья: Да, как жа, покалякать!.. Счас косами махать зачнётя!.. Как жа... Знаем мы вас...

Крестьяне: Авдотья, вот выборные наши /выталкивают из толпы несколько крестьян/ с им побеседуют... Не боись, не тронем... Нам испросить Михайлу надоть, пошто наш остров загородил-то, да плетень поставил, как понимать ето?... Как посмел, охальник... Мы ету землю давно уж у Тургенева по акту обществом выкупили, семь лет распахиваем, сеем, косим... Ишь, чево удумал... Кровопивец...

Авдотья: Идите, идите отсель, ироды!.. Ишь, взбулгачилися, zenки-то повыкатили, ишь, чево захотели!.. У нас ваш остров на планте теперича, утирайтесь теперича!.. Ироды!..

Крестьяне: /Вновь посовещавшись/ Слышь, Авдотья, подь-ка сюда... Не боись, ведь мы соседи теперя ваши будем... Испросим у тебя про ето... Когда хоть вам на планте-то наш остров пририсовали? Где хоть он, покажь нам, план-от...

Авдотья: Как жа, дожидаетесь!.. Покажь вам... А у нас нету ево... Коли надоть, идите в Чернь, тама у землемера и спрашивайте, а нас не трожьте!.. В суд подадим на вас, коли чево!.. /Крестьяне недоумевают, снова совещаются, слышны отрывочные фразы/.

Крестьяне: Да, мужики, тута крепко, видать, спроворили Жикин с управителем... Ить не боится, разбойник, работников нанял, вон ведь сколь земли вынута, плетень какой стоять... Знать, не боится суда... Да-а, тут чево-то не так... Больно твердо держатся-то оне... Надоть план-от сыскать... В Чернь надо итить...

/Во все время переговоров с Авдотьей вокруг крестьян и между ними сновал Иона. И теперь, подслушав мнение крестьян, он угодливо сообщает им.

Иона: Вона, мужики... Чево думать-то, купил Михайла ваш остров-то...

Крестьяне: Это когда же купил-то... Ведь он наш уж давно по закону, у нас и купчая есть от Тургенева: всего-то в обчестве триста семнадцать десятин, да ета старица на четырех десятинах, всего-то и есть триста двадцать одна десятина... Ведь выкупили-то ее мы давно, ето чего-то етот плут Михайла надумал...

Иона: Да я, мужики, сам вчера план-то етот у Михайлы видал. Подите-ка теперя... Нипочем теперя не разобратся...

Крестьяне: Ну, мужики, дела... Куда податься-то за правдой... Надо барина ждать, не то бяда... Кроме его некому за нас разбираться, управитель-то, видать, с Михайлой давно стакнулся... Оне, богатые-то, все заодно... Да, один только Иван Сергеевич по старой памяти поможет разобрать дело...

/Так, переговариваясь, они уходят в сторону деревни. Авдотья и Иона остаются стоять у шлагбаума, глядя всед удаляющимся крестьянам/.

Авдотья: /Кричит/ Эй, Михайла, слазь, пошли мужики-то!.. Слазь... /Умолкает перестук жерновов, через некоторое время из двери мельницы показывается голова Жикина. Он осторожно озирается по сторонам, затем, убедившись, что крестьяне отошли довольно далеко, выходит на плотину/.

Авдотья: Михайла, слышь, жалиться мужики-то каленские думать... Как нам быть-то?..

Жикин: А пушай... У меня плант-от на землю подписан самим Тургеньевым. Я ево подсунил управляющему, а тот – Ивану Сергеевичу на подпись /все трое хохочут/. Пускай теперича попляшут голодранцы-то каленские. Слествие наведуть – а вот он, план-от, сам хозяин руку приложил!.. /Громко все вместе смеются, Жикин начинает притоптывать и приплясывать на месте, Авдотья прихлопывает, а Иона бегаёт вокруг них, суетится, поддакивает и потирает руки.../.

Действие I, картина 3.

Село Спасское-Лутовиново, усадьба И.С.Тургенева, столовая в доме, большая продолговатой формы комната, в центре ее стоит громадный раздвинутый стол, в углу высокие, в виде башни, старинные английские часы, буфет, боковые этажерки для посуды, по стенам развешаны портреты предков писателя, написанные в rokokovском стиле. У стены слева при входе стоят старинные клавикорды.

В столовой четверо: И.С.Тургенев, хозяин усадьбы; гость из Тулы, князь, помощник тульского губернатора; управляющий имениями И.С.Тургенева М.А.Щепкин и землемер Дмитрий Иванович, занимавшийся размежеванием земель писателя. Гости еще сидят за столом, хотя обед почти кончен, и слуга писателя Захар Балашов снует от стола к выходу из столовой и обратно, унося приборы. Тургенев ходит по комнате, заинтересованно выспрашивая собеседников о новостях и положении дел в окрестных губерниях и уездах.

Тургенев: Вот, Михайла Александрович, попробуй только что-то хорошее сделать, так тут же и ревность, и зависть к благодетельствованным появляется. Мои бывшие крестьяне, по всему видно, сравнительно довольны нынешним своим положением – так теперь соседи наши, бывшие крестьяне князя Меншикова, никак не успокоятся: не успел я приехать, как тут же делегацию ко мне прислали с петицией за границу к их бывшему помещику. Ну и хитрецы... По-правь, мол, батюшка Иван Сергеевич, по малограмотности нашей, да еще, будь добр, увидишь, мол, нашего бывшего барина в Париже, так вручи, пожалуйста, ему нашу бумагу... Я говорю им: мужики, да ведь я только теперь приехал оттуда, и обратно поеду не скоро, в России хочу подольше побыть, так не лучше ли вам по почте послать письмо-то это... И дело так быстрее сдвинется... А они – ни в какую: нет, мол, батюшка Иван Сергеевич, на почте чужие люди прочесть могут, да еще и затеряют, нет, так-то, мол, вернее...

Ну, ушли они, а я, памятуя их просьбу, сел за стол и стал читать. И что же вы думаете... Ну и хитрецы же эти гушинские мужики: в прошении к князю Меншикову они пишут, что до освобождения имели по две десятины земли на душу, а теперь, для выкупа, им дали только по полдесятины. Среди их земли остался и барский сад, что стесняет крестьян. Они указывают, что их соседи, мои бывшие крестьяне, получили земли для выкупа в семь раз больше, чем они...

Щепкин: Да уж, в таком случае придется вам постараться, любезный Иван Сергеевич, для своих соседей, попенять князю на такую его оплошность /все смеются/.

Тургенев: Да, письмо составлено с дальним прицелом, знают мою к ним давнюю слабость... Надеются, что именно мне удастся пронять, усостить князя, что ли... Ну что ж, благословите, ведь мужику без земли никак нельзя, действительно, хоть в петлю... Извольте, поговорю... /обращается к Щепкину/:

Тургенев: Так как, Михайла Александрович, как вам мое хозяйство показалось?.. Порядком пощипано?.. /смеется/. Очень рад, что вы согласились взяться за него, хотя случай вам достался тяжелый. Теперь ведь я владею на правах полной собственности уже немногими именьями: во Мценском уезде Орловской губернии и Чернском Тульской, вот этим вот большим имением с центром в селе Спасском, а каленское свое имение продал без остатку, и мужики там хозяйствуют... В Ефремовском уезде за мной остается сельцо Меньшое Кадное, в Кромском села Холодово и Озеровки, в Малоархангельском уезде сельцо Тапкú и в Калужской губернии в Жиздринском уезде села Погорельцы, Грибовка и приданные к ним деревни...

Некоторые из этих имений, как вы усмотрите из переданных вам документов, уже состоят по контрактам в арендном содержании / Тапкú, Кадное/. Одно имение /при селе Спасском, хуторе Петровском и Чаплыгине/ должно также, на основании заключенного мною контракта, поступить в арендное содержание с начала будущего года, прочие же из названных имений остаются в хозяйственном управлении. Вследствии сего и не имея времени заниматься сам своими именьями, я прошу вас принять в свое заведование и управление все поименованные именья, принадлежащие мне... И немедленно попрошу вас заняться делом каленских, моих бывших, крестьян. Видите ли, ваш предшественник что-то там напутал, или недоглядел, в общем, допустил – не хочу думать, что преступную, но халатность, и вот извольте...

Жаловались мне каленские крестьяне, что Михайла Жикин у них землю запахал. Я сказал: захватил – так жалуйтесь суду... Да жаловаться-то, говорят, нельзя, уж жаловались, да ничего не выходит, потому что по плану-то по его выходит... А на самом-то деле по-нашему должно быть. Что за чепуха такая... /Между делом обращается к Захару с вопросом/: Жикин не приходил? /к сидящим в столовой/ Я велел его позвать, ведь он здесь, рядом живет...

Щепкин: Я предвидел ваш вопрос и заранее счел необходимым изучить его... Помните, что еще не расплатившись с вами за мельницу и землю, Жикин стал хлопотать о приобретении еще одного

плодородного участка земли в окрестностях Кальны, но вы тогда ему отказали, продав острова каленским крестьянам. Тогда Жикин решил завладеть ею незаконно. Следующей же весной он эту землю запахал как свою, и вот теперь крестьяне возмутились и заспорили, возбудив одновременно два уголовных преследования, первое за уничтожение дороги на один из островов, а после данной Жикиным подписки восстановить оную, крестьяне возбудили против него дело по межевым законам, о возобновлении межевых признаков и об отграничении земельного владения крестьян в натуре.

Тургенев: Что же, до сих пор нет никаких сдвигов в этом вопросе? /обращается к землемеру/ Дмитрий Иванович, и при размежевании с крестьянами вы меряли, и до сих пор при надобности перемеряете мои земли, знаете каждую пядь – так скажите, ради Бога, в чем же вопрос?..

Землемер: Здесь, Иван Сергеевич, налицо прямое преступление, но его очень трудно доказать. Вероятно, понадобится именно ваше вмешательство, иначе этот узел не разрубить. У Жикина на руках имеется какой-то неизвестный нам план земель, по которому выкупленные крестьянами у вас четыре десятины на островах значатся принадлежащими ему...

Тургенев: Как же до этого можно допустить?! Да надо немедленно принять все надлежащие меры и восстановить справедливость!.. /Тургенев взволнован. Видя это, гость из Тулы переводит разговор в другое русло.../

Гость: Завидую вам, Иван Сергеевич... Путешествуете все, Европу знаете... А мы вот... Все без изменений, да и только...

Тургенев: Да нет... Все больше в Париже теперь обитаю, да на природе в Буживале, в пригороде... Прелестное, скажу я вам, местечко: дача у меня прекрасная, пользуюсь чудным воздухом и ничего не делаю. Правда, прошлым летом два месяца провел на водах в Карлсбаде, и пожаловаться на здоровье после этого грех: курорт мне решительно помог... А так... нового в жизни, считай, ничего не произошло. Да и слава Богу! Все около меня здорово, растет – чего же больше?

У меня явился второй внук – ездил его крестить... А так... да нет, все равно... Стар становлюсь, заметно тяжелею на подъем. Домашняя обстановка, знаете ли, поманивать стала частенько: у камина, в тепле, с газетой, журнальчиком... мягкий диван, видите ли, так и тянет магнитом...

Гость: Что же вы, Иван Сергеевич, из полезного чтения предпочитаете теперь?..

Тургенев: Да вот... Читаю иногда даже без разбора, все подряд... Много тревожит, интересует... Журналов и газет российских с десятков в этом году навывисывал... Особенно жалую пока такие, как «Русская старина», «Русский архив», «Вестник», «Отечественные записки». «Биржевые ведомости» тоже ничего, много сведений прибавляют... «Голос», «Московские ведомости» – по старой памяти... Ну, и там по мелочам разным... А так... Ленюсь, ничего не делаю...

Гость: Но в то, что вы ничего не делаете, невозможно поверить... А «Часы»? Не обессудьте за неверие, поведайте нам свои тайны...

Тургенев: Да, действительно, о «Часах» отзывы уже получаю... Писать их начал еще здесь, в Спасском, год тому назад, а окончил в Париже. Последние тридцать страниц написаны были в несколько дней в Сен-Жермене, в гостинице, куда я удалился, чтобы окончить эту – может быть совсем неудачную – работу, обещанную Стасюлевичу. Смыслом рассказа явился бунт мелкого чиновника против нравственно-нечистой жизни и последствия этого непосильного бунта: нищета, болезнь, смерть... Испуг и болезнь осиротевшего ребенка, кража часов – эмоции преступления. Любовные переживания юных душ, принадлежавших к враждебным семействам. Угроза разлуки с любимым и душевное потрясение героини...

В последние годы чувствую, знаете ли, потребность анализировать психологическое состояние человека, освящать «душевные пропасти» его... Извольте прочесть рассказ в «Вестнике Европы».

А роман «Новь» задуман мною был ещё в 70-м году... Вдруг мелькнула о нем мысль... Вот она: романтика реализма. Они тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу. Они ищут в реальном не поэзии – она им смешна, но нечто великое и значительное – а это вздор: настоящая жизнь прозаична и должна быть такою. Они несчастные, исковерканные – и мучаются этой самой исковерканностью, как вещью, совсем к их делу не подходящей. Между тем их явление, возможное в одной России, где все ещё носит характер воспитательный, полезно и необходимо: они своего рода пророки, проповедники, а проповедник круглый, в самом себе заключенный и определившийся, немислим. Пророчество – болезнь, голод, жажда: здоровый человек не может быть пророком и даже проповедником. Оттого я и в Базарова внес частицу этого романтизма, что заметил один Писарев.

В противоположность этому Онегину – надо поставить настоящего практика на американский лад, который так же спокойно делает свое дело, как мужик пашет и сеет. Можно подумать, что он хлопочет только о своем желудке, и счесть его за дельного эгоиста. Только наблюдательный глаз может видеть в нем струю социальную, гуманную, общечеловеческую: она сказывается в выборе его занятия, в сознании долга перед другими, во всем плебейском закале. Натура грубая, тяжелая на слово, без всякого эстетического начала – но сильная и мужественная, нескудливая, с выдержкой. У него своя религия – торжество низшего класса, в котором он хочет участвовать. Русский революционер... К этим двум лицам присоединить тип девушки, тоже несколько изломанной, НИГИЛИСТКИ, но страстной и хорошей... и так далее. Скоро, верно, вы сам сможете повесть прочесть – и по совести оценить... /подходит к окну, смотрит в сад, задумчив/...

/Входит камердинер/

Камердинер: Пришел Жикин...

Тургенев: /встрепенувшись/ Зови... /Жикин входит степенно и, поклонившись всем, поглаживая свою жиденькую бородку, подобострастно обращается к Тургеневу/

Жикин: Зачем изволили посылать?...

Тургенев: Как?!.. /задохнулся от возмущения/ И ты смеешь спрашивать?!.. А ну признавайся, что натворил, наглед!

Жикин: Э... Э... Э... /задрожал всем телом/

Тургенев: Молчишь, мерзавец?!.. Нечего сказать?!.. Завтра же, каналья, выеду на место и посмотрю, что ты там натворил!.. Если немедленно не вернешь землю крестьянам, я не поленюсь, сам съезжу в Тулу к губернатору и организую расследование! А если опять, как в прошлый раз, чиновники, подкупленные тобой, станут чинить препятствия и проволочки, я в Правительствующий Сенат жалобу подам! До сведения самого государя о твоих притеснениях доведу!..

Жикин: /делает шаг в сторону Тургенева/ Батюшко, Иван Сергеевич, не погуби, родимый!..

Тургенев: Обещай при свидетелях, что завтра же все исправишь, что вернешь крестьянам землю!..

Жикин: /плачет навзрыд, размазывая слезы по лицу/ Батюшко, Иван Сергеевич, да ведь я землю-то ету пашу уж другой год, сею на ей... Не погуби, не дай погибнуть!.. Разорюсь ведь!..

Тургенев: /Возмущенный наглостью Жикина/ Как?!.. Простить

тебе, да еще оставить за тобой уворованную землю?!.. /Взбешенно/
А ну прочь из моего дома, мерзавец!.. Да как же ты смеешь о подобном просить меня после всего?!.. Да как ты посмел подумать, что я пойду против своей совести?!.. /обращается к управляющему/ Прошу вас, Михайла Александрович, бумагу, перо – я немедленно пишу жалобы во все инстанции, до государя императора дойду!.. Да ведь это неслыханно!..

Жикин: /Рухнул на колени, то протягивает руки вперед, умоляя Тургенева пощадить, то размазывает по лицу слезы/ Батюшко, родимый, не погуби!.. Отец родной!.. Бога за тебя буду молить!..

Тургенев: /Видимо растерян, подбегает к нему, начинает поднимать с пола, ему помогает Захар, затем выводит плачущего Жикина из столовой. Тургенев стоит у двери, провожая их взглядом/ Вот каналья... Разжалобить пытается... Да он и впрямь считает мужицкую землю своей /в недоумении/ никак не могу взять в толк – неужели же такое возможно? Ну и каналья же... И ничего-то ведь не боится – один пошел против всех нас... Ведь вы думаете, что он на коленях-то ползает – это он раскаивается? Ничуть не бывало!.. Это он просит меня, чтоб я не вмешивался в это дело, его, то-есть, не трогал, – а с мужиками, мол, я и сам управлюсь... Вцепился в землю зубами – и все тут... В законном порядке мужики с ним без посторонней помощи ни за что не справятся... /Обращается к Щепкину/ Михайла Александрович, готовьте, пожалуйста, на завтра поездку на острова... Предупредите крестьян, да обязательно чтобы Жикин был, в полдень... /обращается к землемеру и гостю из Тулы/ Леонид Дмитриевич, Дмитрий Иванович, вы не откажетесь проехать со мной? А потом поохотиться попробуем, возможно, повезет... /вновь к Щепкину/ Михайла Александрович, потрудитесь на чердаке разыскать старые планы моих земель, поднимите купчие последних лет, новые планы, возьмем их с собой...

Господа, а не прогуляться ли нам по саду?...

/Все выказывают желание прогуляться, поднимаются с мест и выходят в сад, продолжая обсуждать происшедшее и завтрашний день/.

Действие I, картина 4.

Солнечный жаркий полдень. У плетня, разорвавшего живую ограду ракитового кустарника по старому руслу реки Снежеди, пу-

стынно. За плетнем виднеется зеленый остров заливного луга, земля каленского крестьянского общества. Слышен перестук колес подъезжающего экипажа, лошадиное ржание, через некоторое время к плетню из-за кустов выходят Тургенев, его гость из Тулы, оба в охотничьих доспехах, с ружьями, с ними землемер Дмитрий Иванович и управляющий Щепкин.

Тургенев начинает ходить вдоль плетня, осматривая знакомую местность и не узнавая ее. Осмотрев внимательно все вокруг, он обращается к спутникам, в основном, к гостю.

Тургенев: Вот она, земля-то крестьянская /обводит рукой вокруг/, совершенно прелестный, плодородный чистый чернозем... Правду о такой хохлы говорят: такая жирная, что сучок в нее воткни – ракета вырастет... Недаром Жикин на нее издавна зарится: в ногах валялся, мироед, продать просил, большие деньги предлагал... Ну, да ведь мои бывшие крестьяне-то мне гораздо дороже, нежели он; что я к каленским крестьянам имею особое пристрастие, давно всем известно /обращается к спутникам/ присядемте, рановато, кажется, подъехали, полдень еще только наступает... /продолжает/ Хорошие мужики каленские, честные, работающие, эта деревня-то ведь двоюродному деду моему по матери Ивану Лутовинову от Толстых перешла... /все удивленно смотрят на него/. Да-да. Вот всем любопытно, почему мы со Львом Николаевичем вдруг взяли, да враз и поссорились... Ведь всё всегда между нами было неплохо, сходились, расходились, бывало всякое.. Но скоро и понимание находили, мирились каждый раз... Я его, как более молодого и талантливого литератора, всегда опекал, он до тех пор часто советовался со мной. Да мало ли чего хорошего мы с ним, бывало, видывали... А червячок-то тот, верно, так и сидел в душе его: шутка ли... Приедет он ко мне, бывало, вот пойдем мы на охоту, – как правило, со Снежеди, вот отсюда, поход наш обычно и начинался – идем по деревне, а мужики чуть только не в ноги падают, благодарят, что зашли, мол, к ним... С радостью, с бедами приходят, с жалобами... Легко ли ему, бедняге, было... Ведь земли-то эти вместе с крепостными крестьянами государем первоначально предкам его пожалованы были... /все удивленно слушают, при последних словах гость из Тулы даже встает и дальнейший рассказ слушает стоя/.

Да-да, поверьте. В самом начале века эти земли ещё были владением прадеда Льва Николаевича Толстого, князя то-есть Николая Ивановича Горчакова... Вон там, на холме, /ведет рукою вниз по реке/ церковь видна – это село Костомарово. Так вот, село-то это и было центром Чернской его вотчины. А церковь во имя Воскресе-

ния Христова им и построена... Рассказывают, что князь имел ввиду построить Храм бóльших размеров, но ко времени построения он ослеп, и строители, воспользовавшись недобросовестно слепотою князя, выстроили Храм мёньших размеров... Это открытие, говорят, до такой степени огорчило князя, что он, узнав об этом, заплакал...

После его смерти Кальной с землями владела дочь его Пелагея Николаевна Горчакова, в замужестве Толстая, бабка Льва Николаевича, у нее мой предок и отнял за долги Кальну вместе с крестьянами и землями... Вот ведь какая история вышла...

Княжеские да графские люди были каленские-то мужики, предки то-есть их... Да оно и по сей день заметно: воспитание не в пример соседним деревням, сдержанны, немногословны... И матушка моя тоже их любила, баловала иногда. Ездила сюда всегда с охотой, на сенокосе помогала... Да и меня вот судьба с ними свела...

Щепкин: То-то вы, Иван Сергеевич, почти в каждом письме все о них справлялись...

Тургенев: Да... и теперь от души помочь им хочется... /в это время на поляну, к плетню, выходит группа деревенских баб, идущих мимо с дойки в Кальну. Все они в белых платочках на головах, в лаптях, с полными подойниками в руках, накрытых тоже платками. Увидя сидящих Тургенева и его спутников, они останавливаются и стоят в нерешительности, так как идти предстоит мимо них. Тургенев поднимается с места, жестом приглашает подойти, они следуют его приглашению, подходят, начинается беседа/.

Крестьянки: /вразной/ Здравствуй, батюшка Иван Сергеевич, с приездом... Давненько не видно вас.. Ждали, ждали вас сегодня... Сейчас мужики наши попридут...

Тургенев: Вот, знакомьтесь... Новый мой управляющий, теперь при нужде к нему обращайтесь... Михайла Александрович Щепкин... Присаживайтесь, и я тоже присяду... Старею... Раньше, бывало, по двадцати верст отшагаю – и все нипочем... /садится/. Давненько я не беседовал с вами, песен ваших не слушал... Как... отселись с огородами?..

Крестьянки: Общественную-то землю опахали... Да мироед-от наш никак не отступится от нашей-то землицы... И управы на него, видать, нету...

Тургенев: Жаловались мне ваши мужики, жаловались... Оставил по себе память и мой бывший управляющий... Вот мы и приехали разобраться, что к чему... Давненько, давненько я с вами не беседовал, да и песен ваших не слышал... Бывает, там, вдалеке, останешься в одиночестве, прикроешь вот так глаза... Вечереет, ветерок будто

подувает, голоса ваши так явственно слышу... И так мило на душе станет, хоть плачь... Спойте-ка мне ещё раз «вечер вечерее»...

/Женщины чуть в сторонке рассаживаются полукругом, перешептываются, кому из них запевать, наконец, уговаривают молодую девушку, и та, сложив руки на коленях, сосредотачивается, задумывается о чем-то – и запевает/:

*А вечер вечерее,
Кольшется трава,
Нейдеть-нейдеть мой милай,
Пойду к нему сама...*

Хор: /тихонько подпеваает две последние строчки/
*Нейдеть-нейдеть мой милай,
Пойду к нему сама...*

Запевала:

*Иду, а ветер воет,
Едва ль на свет гляжу,
А сердце болить-ноеть,
Я што ему скажу...
Хор: А сердце болить-ноеть,
Я што ему скажу...*

Запевала:

*Зашла я на крылечко
И стала у дверей,
А бедная сердечко
Забилася сильней...*

Хор:

*А бедная сердечко
Забилася сильней...*

Запевала:

*Дрожащею рукою
Звонок я подала,
Прислуга выходила,
Мне двери отперла.*

*Зашла я в эту комнату
И вижу пред собой:
Мой милай друг-изменщик
Цалуется с другой...*

Хор: *Мой милай друг-изменник
Цалуется с другой...*

Запевала: *Изменник ты коварнай,
Што сделал ты со мной?..
Ты клялся и божился,
Што не гулял с другой...*

Все вместе поют последний куплет:
*Севодни понидельник
А милай не пришел –
Наверно, рассердился,
Гулять с другой пошел,
Наверно, рассердился,
Гулять с другой пошел..*

/Песня смолкает. Долго стоит тишина. Первым спохватывается Тургенев/.

Тургенев: Ах, как хорошо!.. Прямо слезой прошибло!.. Ах, как хорошо!.. Ах, спасибо!.. Приходите, пожалуйста, ко мне в Спасское, да наденьте ваши красивые праздничные наряды, мужей с собой возьмите, детей... Ах, какой же мы праздник великолепный устроим!.. /В это время послышался шум быстро приближающейся толпы, крестьянки уходят, обещая придти в Спасское на праздник, слышны их выкрики/.

Крестьянки: Придем!.. Споем!.. Готовьтесь!... /Женщины удаляются, возле плетня появляются крестьяне, одеты они в чистые рубашки, сапоги, лапти. Тургенев и его спутники выступают им навстречу. Здравуются. Тургенев подает каждому руку. Мужики протягивают ему свои, предварительно потерев ладонями о порты или полы рубах. Завязывается беседа/.

Крестьяне: /вразнобой/ Спасибо, батюшка, что заступаешься за нас!... Совсем очумел мельник, уж мало ему его владений /один из крестьян, говорящий, обводит рукой вокруг/ и у тебя прикупил, и у соседних господ, и все ему дай!.. Все мало, ироду!.. Оттяпал самые хорошие земли у нас... Посмотри, батюшко... /подводит Тургенева к плетню, и все вместе смотрят на остров на берегу Снежеди. Он виден отсюда весь, с одной стороны омывается водами реки Снежеди, а вблизи окружен зарослями ракутника и частью огорожен плет-

нем/ Вот, отец родной, в какую нужду он нас ввел... Ты уж прости нас, кормилец, что обеспокоили тебя...

Тургенев: Ничего, ничего, мужики... надо же истину установить... Ничего, я все равно на охоту собрался, вас никак не миновать... / обращается к управляющему, тот достает план земель и подает ему. Тургенев внимательно разглядывает план, несколько крестьян тоже – подходят и склоняются. Разглядев план, удовлетворенно поясняют/

Крестьяне: Вот-вот, вот она, наша-то земля... Она на твоём плане и нарисована, вот, кружок этот... Тут и надписано на ней: каленское общество... Мы уж сеяли тут хлеб и картофель полосками садили, а теперь другой год не можем взойти на свои земли... /порываются сломать плетень, Тургенев вмешивается/.

Тургенев: Постойте, постойте, мужики, не устраивайте себе лишних бед. Надо жаловаться суду, суд разберется и вам землю вернет... Здесь все ясно, сомнений нет, Жикин землю захватил... Купчая у вас на нее имеется, и я подтверждаю ваши права на землю...

Крестьяне: Да уж жаловались, да по плану-то по его выходит, а на самом-то деле по нашему должно быть...

Тургенев: /обращается к крестьянам/ Жикина позвали, как я просил? /все в ответ кивают/ Что же он – задерживаться изволит, или не хочет придти?..

Крестьяне: /вразнойбой/ Куда там!.. Где-нибудь под берегом сидит и слушает, что да как... Он хитрый больно... А ну, мужики, надоть его пойти поискать.../ все разбредаются в поисках мельника/.

Тургенев: Я тоже думаю, что не посмеет не придти... Ох, и хитер... Понимает, что к чему... /в это время крики усиливаются, и через мгновение крестьяне выводят из кустов, держа за рубаху, за кушак упирающегося Жикина/.

Крестьяне: Вот он, кровопивец-то наш!... Упрятался под обрывом... Слушал, что, мол, делать будем, что, да как...стоит ли высываться али нет...

Тургенев: /обращаясь к Жикину/ Это что же ты заставляешь ждать себя?... нехорошо...

Жикин: /распрямляясь/ Дык... Я што, кормилец ты наш.. Я ишол, ишол, торопился...

Крестьяне: /хором/ Ну и подлец, ведь под обрывом в кустах сидел... Еще и врет!.. Ну и жулик!.. Бойтся, все одно ответ держать придется...

Тургенев: /к Жикину/ План при тебе?

Жикин: Дык... Как жа, батюшка, рази я смею послушаться тебя?.. Вот он, план-от... На нем все и расписано... И острова показаны...

Тургенев: /Долго рассматривает план Жикина, затем поднимает голову, оглядывает окрестности, непонимающе смотрит на Жикина/ Все верно... План совпадает с местностью... Как же так?.. Ничего не понимаю... Это кто же составил такой план? И когда? /снова изучает план/

Жикин: Да ить... Казенный землемер, батюшко...

Тургенев: Так... Подпись землемера... Есть... Землемер мне знаком... Постой-постой... Что это? – План составлен был в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году?!..

Жикин: /точно не понимая, о чем речь/ Да, батюшко, точно так...

Тургенев: Так ведь в том году ты отношения к моим землям еще не имел? Мельницу и прилегающие к ней земли тогда арендовал твой брат Иван, земля эта, таким образом, еще не была продана, а ты уже план заказал на нее как на свою собственную?!.. /Жикин воровато озирается, мнет в руках шапку/.

Тургенев: Так ты что же, мерзавец, это преступление задумал, когда еще лишь в переговоры со мной вступал, просил, а я тебе отказывал?!.. План составил, будто эта земля уже твоя?!.. /грозно надвигается на Жикина, тот отступает/. И ты что же, думаешь, я это дело так оставлю?!..

Крестьяне: /увидев, что правда не на его, Жикина, стороне, напустились на него и стали самым невозможным образом ругаться. Он сначала было попробовал отругиваться, но потом видит, что дело плохо, видит, что негодование растет и становится единодушнее, видит, что его окружают... Тургенев, видя, что толпа готова разорвать Жикина, что еще одно какое-нибудь слово, какая-нибудь капля, и все набросятся на него и растерзают в клочки, пробует остановить их. Крестьяне на мгновение примолкли, возбуждение в толпе утихает; видя, что сам барин, а следовательно и начальство за дело берутся, начинают ему грозить/ Вот погоди, будет тебе на орехи, вражий сын!... Узнаешь кузькину мать!..

/Тем временем Жикин все пятится и пятится назад. Дошел до поворота, юркнул в кусты, крестьяне погнались за ним. Тургенев пытается остановить их/.

Тургенев: Мужики, мужики, не следует вам, хозяевам, самосуд чинить... На днях я специально поеду в Тулу с тем, чтобы наказать

негодяя... Подаю прошение самому губернатору, не иначе... И я уверен, что правда восторжествует...

/Крестьяне останавливаются, прекращая погоню, согласно и довольно гудят.../

Тургенев: А теперь по домам, время дорого. /Все, прощаясь, кланяясь, расходятся, он остается один со своими спутниками/. Вот ведь какая история... Будто камень у меня с души свалился: слава Богу, благополучно все кончилось... И за них ведь боялся... Случись что-нибудь, отвечали бы, не пошутили бы... /взбешенно/ Каков мерзавец!.. Нет, это уму непостижимо, просто невероятно!.. Вцепился в чужую землю, как клещ – и нипочем ее из его зубов не вырвать!.. Ну и тип... Я давно к ним, к кулакам, приглядываюсь... Вот еще один... Сосед Жикина сверху /показывает рукой по направлению верховьев реки/ мельник Чедаев... Тот, правда, гораздо умнее действует, хитер, но тоже все исподтишка... Вот недавно случай был: продал я ему восемь десятин там же, при деревне Кальне, между селом Спасским и рекой Снежедью. Два года прошло, а денег по купчей он так ни копейки и не заплатил, а кроме того несколько раз просил отсрочки платежа, причем, прибегает при этом ко всевозможным уловкам и ухищрениям... Так, недавно письмо его ко мне в Париж с просьбой об отсрочке платежа пришло точно в день полагающейся уплаты... И мне осталось только руками развести... Да-а... Вот приходится судиться с ним, а ведь не всякий так-то, как Жикины да Чедаевы, любят землю-то... Холят ее, лелеют, готовы за нее на что угодно... Я понимаю их... Ведь крестьянину всегда земли мало. Отдай ему хоть всю землю, какая ни есть, он всю ее без остатка вспашет, засеет, полоть будет, урожай соберет... Ну, а там начинается торговля, деньги... Зло... Да-а... Вот явление, с которым просто необходимо считаться и не оставлять его без внимания. Плодятся теперь эти усердные хозяева, как грибы, и черт знает что делают. Скоро не будет, кажется, деревни без кулака. Это какие-то разбойники. Если бы я был помоложе и постоянно жил в России, я непременно взялся бы за разработку этой новой, очень интересной темы и написал бы с натуры рассказ или повесть – и так и назвал бы произведение «Всемогущий Жикин»...

/Под эти рассуждения Тургенева вся группа покидает место происшествия, слышен топот лошадиных ног, негромкий перестук колес экипажа/.

Продолжение следует.

Примечание.

1. Пьеса основана на реальных событиях (по документам ГАТО).

К 90-летию музея

Совет содействия собирательской работе музея И. С. Тургенева.

Стоят (слева направо): З. Ф. Михайлина, Г. Б. Курьяндская, Л. В. Иванова, Л. В. Дмитрихина, А. И. Понятовский, В. А. Власов, В. В. Сафронова, В. А. Громов, Л. Е. Максимова, А. Т. Молозев, Л. С. Камышалова, Л. А. Балькова; сидят: Е. М. Ефимова, О. Н. Овсянникова, Н. В. Понятовская, Н. М. Кирилловская, Н. И. Сафронова, З. В. Лялякина. Фото 1980-е гг.

МУЗЕЙНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

2008 год – особенно значимый в жизни Орловского объединенного государственного литературного музея И.С.Тургенева, год двух больших юбилеев: 190-летия со дня рождения И.С.Тургенева и 90-летия основания музея великого писателя.

Две эти даты определяли работу не только непосредственно музея И.С.Тургенева, но и всего музейного объединения. Ведь 90-летие музея – это история формирования в провинциальном Орле богатейшего фондового собрания, включающего в себя 170 личных фондов писателей первого ряда русской литературы XIX–XX веков. Это история создания и жизни не только экспозиций и выставок, посвященных И.С.Тургеневу, но и рождения филиалов – Музея писателей–орловцев, Дома–музея Н.С.Лескова, Дома Т.Н.Грановского, Дома Леонида Андреева, Музея И.А.Бунина. Любой юбилей – не только праздник. Это прекрасный повод подвести итоги прошедших лет, наметить перспективы на будущее.

190-летие И.С.Тургенева объединило три определяющих в судьбе писателя города на карте России: Орел, Москву и Санкт–Петербург, – в лице Орловского объединенного государственного литературного музея И.С.Тургенева, Библиотеки–читальни им. И.С.Тургенева г.Москвы и Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Санкт–Петербурге. Среди зарубежных партнеров, прежде всего, следует назвать Музей И.С.Тургенева в Буживале и Общество друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран (Франция).

Подготовка к юбилею началась несколько лет назад, когда представители всех тургеневских центров собрались в Орле и разработали программу подготовки и празднования, определив основные направления деятельности.

Одним из центральных моментов юбилейной программы стала Международная научная конференция «И.С.Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России», которая собрала как маститых тургеневедов, так и тех, кто только начинает нелёгкий путь исследователя. В числе организаторов этого представительного научного форума помимо Тургеневского музея значится Орловский государственный университет, Пушкинский Дом (Санкт–Петербург), Государственный литературный музей,

Государственный музей А.С.Пушкина, Библиотека–читальня им. И.С.Тургенева (Москва).

Конференция проходила с 17 по 26 сентября последовательно в трех городах: Санкт–Петербург, Орле и Москве.

«Тургенев и мировая литература» – так формулировалась тема Петербургского этапа конференции. На этом этапе со своими докладами выступили, прежде всего, ведущие тургеноведы Северной столицы: Н.П.Генералова, В.М.Маркович, Н.Ф.Буданова, П.Р.Заборов, Р.Ю.Данилевский, В.А.Лукина. Открыл конференцию «Словом о Тургеневе» директор Пушкинского Дома В.Е.Багно. Зарубежное тургеноведение в Петербурге представили Николай Жекулин (Канада), Александр Звигильский (Франция), который затем выступил и в Орле, и в Москве, Кальво–Мартинес Хосе–Луис (Испания), Адриана Кристиан (Румыния), Елена Гулевич (Беларусь), Брыгида Пуделько (Польша), Мария Николова (Болгария) и другие. Из орловских ученых выступили Л.А.Балыкова, Т.М.Кривина, Е.В.Проц и Г.Н.Павлова. По окончании научных заседаний участники конференции возложили цветы к могиле И.С.Тургенева на Волковом кладбище.

Многие участники конференции из Петербурга приехали в Орел, чтобы принять участие в Орловском этапе, проходившем под грифом «Тургеневский текст русской культуры». В Орле докладом «Тургенев и христианство» конференцию открыла старейший тургеновед страны, заслуженный деятель науки, доктор филологических наук профессор Галина Борисовна Курляндская. Как всегда выступление Г.Б.Курляндской отличалось глубоким философским раскрытием темы, чёткостью изложения, особым нравственным пафосом. Докладчики–орловцы были представлены преподавателями университета и института культуры, научными сотрудниками музея, краеведами, учителями школ города, аспирантами.

Конференцию отличала довольно широкая география. Ученые из разных городов России приехали на родину Тургенева: Москва, Тверь, Тула, Екатеринбург, Новосибирск, Ставрополь, Пермь, Уфа, Кемерово, Саратов, Томск, Нижний Новгород, Йошкар–Ола, Якутск, Самара, Белгород, Воронеж, Петрозаводск, Улан–Удэ, Чебоксары, Саранск, Санкт–Петербург. Два докладчика русского происхождения представляли США.

Помимо заседаний в программу входили экскурсии по литературным музеям Орла, концертные программы, поездка в Спасское–Лутовиново.

Заключительный этап юбилейной конференции проходил в Москве. В его организации приняли участие Государственный литературный музей, Библиотека–читальня им. И.С.Тургенева, Государственный музей А.С.Пушкина. Основная тема этого этапа – «Неизвестный Тургенев». Архивные находки, новые факты творческой биографии писателя, новое оригинальное прочтение произведений Тургенева звучали в докладах тургеноведов из Москвы, Перми, Северодвинска, Якутска, Вологды, Сочи, Ставрополя, Курска, Рязани, Литвы, Германии, Франции, США. В рамках конференции состоялась презентация книги А.Звигильского «Иван Тургенев и Франция» и моноспектакль «Слова любви... и... любовь в письмах» (переписка Тургенева и его французских друзей) в исполнении актрисы Анн Лефоль (Париж, Франция).

В каждом из трех городов в период работы конференции были открыты и юбилейные выставки. Литературный музей Пушкинского Дома представил хранящиеся у них тургеньевские реликвии. «Русский скиталец» – так назвал свою выставку Государственный литературный музей. На выставке в Орловском музее были представлены иллюстрации к произведениям И.С.Тургенева художника В.В.Домогацкого (графика) из собственных фондов и личного собрания сына художника.

В течение 2009 года в музее экспонировалось несколько выставок, посвященных 190-летию И.С.Тургенева: «Тургеньевские места в живописи Ольги Сорокиной», «Тургеньев в иллюстрациях художников XX века», «Иллюстрации А.Шевченко к сказке Тургеньева “Последний колдун”». 9 ноября в день рождения писателя была открыта выставка «...Всё минется – одна любовь останется», экспонаты которой прослеживали историю увековечения памяти И.С.Тургеньева с 1883 года. В подготовке выставок принимали участие сотрудники экспозиционного отдела и Музея И.С.Тургеньева: Л.А.Балькова, А.Т.Молозева, Г.Н.Павлова, Е.А.Векуа.

Под знаком двух юбилеев проходил 2009 год во всех филиалах и отделах ОГЛМТ.

Особое, праздничное звучание приобрели даже традиционные мероприятия. Год начался, как обычно, празднованием 20 января Именин И.С.Тургеньева. Торжественность действию придало участие в нём Духовного хора под руководством И.Кушелева и Заслуженной артистки России М.Соколовой. Духовный хор И.Кушелева принимал активное участие и в других событиях юбилейного года:

литературно-музыкальном вечере «И.С.Тургенев и Н.А.Римский-Корсаков», музыкальном вечере «Великопостное бдение», вечере памяти И.С.Тургенева и других мероприятиях.

Специальная программа была подготовлена для маленьких посетителей музея. С восторгом были приняты детьми весенний утренник «О чем поют птицы» (с участием ансамбля «Семицветик» под руководством И.Хрисаниди), игра – представление «За каплей жизни», экскурсии в околмузейном пространстве «Маменькиного садика». В подготовке и проведении этих мероприятий блеснули своими талантами многие сотрудники музея (С.Л.Жидкова, Е.А.Векуа, Е.Г.Мельник, В.А.Макешина, А.Ю.Бушунов, Г.Б.Пономарев, Л.В.Иванова), а также маленькие участники: Даша Гришакова. Максим Векуа, Саша Ефремов, учащиеся школы «Леонардо».

Ежегодный городской литературный театрализованный праздник под названием «Тургеневский бал» собрал в «рябиновом сквере» около музея сотни орловцев, пришедших послушать волшебное тургеневское слово, увидеть оживших героев Тургенева, насладиться прекрасной музыкой, выступлением певцов и танцоров. Бал удался на славу.

Традиционная «Тургеневская осень» была представлена самыми разнообразными «подарками» юбиляру. В день памяти писателя – спектакль «Искушение» (автор инсценировки – Заслуженная артистка РФ М.Соколова, исполнители – М.Соколова, артисты Орловского театра драмы им. И.С.Тургенева Т.Шевченко и С.Аксиненко) с участием Духовного хора И.Кушелева.

Тургеневский праздник в Полесье с поминальной службой в Троицкой церкви с.Льгов, выставкой работ художника–прикладника А.Подкалюк в музее с.Ильинское, литературно–музыкальной композицией «Голоса Полесья» в сельском Доме культуры проходил в прекрасный солнечный день октября, с золотом осенней листвы и особенной прозрачностью воздуха.

9 ноября, день рождения И.С.Тургенева, начался с возложения цветов к месту, где находился дом В.П.Тургеневой, в котором родился будущий писатель. По традиции на своеобразном митинге выступали представители общественности города – почитатели творчества великого земляка. Потом торжества переместились в музей: была открыта юбилейная выставка «Все минется – одна любовь останется...», после чего собравшимся был представлен спектакль театральной студии «Ювента» (худ. руководитель Н.Смоголь) по

пьесе Н.Каратыгина «Ложа в 1-м ярусе или Последний дебют Тальони». Завершился праздник, как и полагается, угощением: все отведали именинного пирога.

В течение всего юбилейного года сотрудники музея были частыми гостями в учебных заведениях города, постоянно публиковались в средствах массовой информации, выступали с докладами и сообщениями на чтениях и учительских конференциях, на встречах с читателями в библиотеках, участвовали в жюри всевозможных конкурсов, посвященных 190-летию И.С.Тургенева.

В 2008 году было подготовлено несколько издательских проектов, среди которых в первую очередь следует назвать подарочный альбом **«Тургенев в Орле»** (составитель и автор текста Л.М.Александрова, научный консультант – Л.А.Балыкова) и сборник статей и публикаций **«Тургеневский ежегодник 2005–2006 гг.»** (составители и редакторы Л.А.Балыкова и Л.В.Дмитрюхина). Эти проекты, как и другие издания юбилейного года (В.Гальской «Запоздалые листы», сборник стихотворений; Л.Афонин «Леонид Андреев (из неопубликованного)»; «Песенное наследие П.В.Киреевского в рисунках детей», набор открыток), осуществлены музеем совместно с издателем А.Воробьевым.

Помимо двух основных юбилеев выставками и литературно-музыкальными вечерами были отмечены круглые даты в творческих биографиях других писателей–орловцев: 200-летие со дня рождения П.В.Киреевского, 105-летие Е.А.Благининой, 100-летие представителя русского литературного зарубежья В.Л.Гальского и 80-летие П.Л.Проскурина.

Завершился юбилейный год торжественным вечером в зале областной филармонии, посвященным сразу двум юбилеям: 190-летию И.С.Тургенева и 90-летию музея, – которые неразрывно связаны между собой. Этот вечер собрал истинных любителей русской литературы и истинных друзей музея. Было сказано много теплых слов, зачитаны поздравления коллег из других городов, в том числе из Буживаля. Работа коллектива Орловского объединенного государственного литературного музея И.С.Тургенева получила высокую оценку со стороны руководства города и области.

Итоги прошедшего юбилея свидетельствуют о том, что интерес к творчеству и личности Великого Орловца не угас, что грядущее 200-летие со дня рождения И.С.Тургенева может стать событием мирового масштаба.

КАТАЛОГ
юбилейной выставки,
посвященной 190-летию со дня рождения И.С.Тургенева.

«Произведения И.С.Тургенева в гравюрах В.В.Домогацкого»
из фондов Орловского объединенного государственного литературного музея И.С.Тургенева и из собрания семьи Домогацких
(Москва)

В.В.Домогацкий – «тургеневский человек» XX века

Владимир Владимирович Домогацкий (1909-1986) родился 24 октября в Москве в семье малороссийского дворянина, крупного скульптора, ученика Огюста Родена, В.Н.Домогацкого (1876-1939).

В 1927 году, окончив школу, поступил в студию П.Я.Павлинова на Остоженке, в 1928 – во ВХУТЕМАС. В 1932 году продолжил учебу на графическом факультете Полиграфического института, который окончил в 1938 году по мастерской В.А.Фаворского. С этого времени работал как книжный иллюстратор.

В 1946 году произошла встреча художника с творчеством И.С.Тургенева, к которому навсегда «душой прилепляется» В.В.Домогацкий. «Когда долго делаешь книгу, поневоле начинаешь жить как бы вместе с писателем. С Тургеневым жить легко и свободно. Он меня совсем не стесняет. Я до того сжился с ним, что даже постоянно советуюсь. Удачей являлось то, что я получал заказы на такую работу, которую делал бы с наслаждением без всякого заказа» (В.В.Домогацкий. Запись Н.Ю.Лев).

С «тургеневским началом» в творчестве Домогацкого совпал переход к классическому черно-белому варианту – технике торцовой гравюры на дереве. Именно торец давал возможность при использовании крайне тонкого штриха добиваться виртуозной обработки материала. Работая в этой технике, Домогацкий мог передавать атмосферу, воздушность, многоцветность мира. По мнению художника в литературе XIX столетия имеет особое значение «воздушная атмосфера, окутывающая повествование; в характере этого воздушного пространства – индивидуальность и “мироучувствие” писателя».

«Тургеневское мироощущение» близко Домогацкому. «Для того, чтобы что-то сделать, мне надо «учувствовать», увидеть возможность, изобразить то, что я действительно люблю, что было в моей жизни... Без почти автобиографического представления о местности, об атмосфере и обстановке, я работать не могу» - говорил Домогацкий. Он хорошо знал, помнил родовую память быт до-революционной России, любил старинные «тургеневские» уголки Москвы, которые показывал ему отец. «Если наш путь начинался с Донского, то туда мы шли мимо усадьбы, описанной в «Первой любви» И.С.Тургенева. В этой усадьбе я бывал с детства, до революции я помню её всю хорошо, помню все закоулки сада, но ярче всего память живет о милом фонтанчике» Так тургеневские образы сами собой вливались в сознание, делались личными, становясь материалом для будущих работ. Иногда это касалось не предметного мира, а области душевных чувствований. К работе над «Стихотворениями в прозе» Домогацкий подошел уже в возрасте их автора и ему были близки и понятны настроения писателя.

В.В.Домогацкий – один лучших иллюстраторов произведений И.С.Тургенева. Поколениям читателей И.С.Тургенева хорошо известны издания его произведений с иллюстрациями Домогацкого, которым художник отдал почти полвека: «Записки охотника» (1957), «Три встречи» (1946), «Накануне» (1959), «Дворянское гнездо» (1963), «Отцы и дети» (1964), том И.С.Тургенева в Библиотеке всемирной литературы (1971), «Стихотворения в прозе» (1976) и др.

В.В.Домогацкий – «тургеневский человек» XX века. В его иллюстрациях к произведениям И.С.Тургенева – особое обаяние, поэтичность и выразительность. Художник выступает соавтором писателя, И.С.Тургенев как бы «озвучен визуально» иллюстрациями В.В.Домогацкого.

На выставке представлены работы Мастера к «Запискам охотника», к повестям И.С.Тургенева «Первая любовь», «Муму», «Вешние воды», романам «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Накануне», «Стихотворениям в прозе».

Гравюры В.В.Домогацкого находятся в собраниях ГМИИ им. А.С.Пушкина (Москва), Государственной Третьяковской галерее (Москва), Государственной Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург), музее И.С.Тургенева (Орел), музее Г.-Х.Андерсена (Дания. Одензе).

1. Портрет И.С.Тургенева.

(для издания БВЛ. 1971г.)

Гравюра на дереве. 10,5 × 13,5. Москва. 1968г.

Собственность семьи Домогацких.

Иллюстрации к рассказу “Три встречи”.

2. Встреча в Михайловском.

Гравюра на дереве. 11,8 × 8. Москва. 1946г.

ОГЛМТ ОФ 4445/7

3. Встреча в Сорренто.

Гравюра на дереве. 8 × 12. Москва. 1946г.

Собственность семьи Домогацких.

Иллюстрации к повести “Вешние воды”.

4. Санин у дверей кондитерской Розелли.

Гравюра на дереве. 8,5 × 11. Москва. 1946г.

Собственность семьи Домогацких.

5. Джемма.

Гравюра на дереве. 9,3 × 6,5. Москва. 1946г.

ОГЛМТ ОФ 4445/38

Иллюстрации к роману “Накануне”.

6. Берсенева.

Гравюра на дереве. 10 × 14,5. Москва. 1958г.

Собственность семьи Домогацких.

7. Отъезд Елены и Инсарова из Москвы.

Гравюра на дереве. 10 × 14,5. Москва. 1958г.

Собственность семьи Домогацких.

8. Елена и Инсаров в Венеции.

Гравюра на дереве. 10 × 14,5. Москва. 1958г.

Собственность семьи Домогацких.

9. Елена и Инсаров в Италии на берегу моря.

Гравюра на дереве. 10 × 14,5. Москва. 1958г.

Собственность семьи Домогацких.

Иллюстрации к “Запискам охотника”.

10. Охотник с ружьем и собакой.

Гравюра на дереве. 10 × 15. Москва. 1957г.

Собственность семьи Домогацких.

11. Охотник с ружьем и собакой.

Гравюра на дереве. 8 × 12. Москва. 1957г.

Собственность семьи Домогацких.

12. Охотник с ружьем и собакой.

Гравюра на дереве. 13 × 14. Москва. 1968г.

Собственность семьи Домогацких.

13. Ермолай.

Рассказ “Ермолай и мельничиха”.

Гравюра на дереве. 10 × 13. Москва. 1968г.

Собственность семьи Домогацких.

14. Влас.

Рассказ “Малиновая вода”.

Гравюра на дереве. 10 × 13. Москва. 1968г.

Собственность семьи Домогацких.

15. Яков Турок.

Рассказ “Певцы”.

Гравюра на дереве. 10 × 13. Москва. 1968г.

Собственность семьи Домогацких.

16. Петр Петрович Каратаев и Матрена.

Рассказ “Петр Петрович Каратаев”.

Гравюра на дереве. 10 × 13. Москва. 1968г.
ОГЛМТ ОФ 17304/4

17. Чертопханов у своего дома.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 10 × 13. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

18. Чертопханов за столом с трубкой.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

19. Гитара и ягдташ.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

20. Чертопханов верхом на лошади.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

21. Сцена охоты. Борзая.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

22. Сцена охоты с борзыми.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве (цветн.). 17,5 × 13,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

23. Недопюскин.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 2,8 × 2,5. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/11

24. Чертопханов.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.

Гравюра на дереве. 2,8 × 2. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/12

25. Чертопханов.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 2,8 × 2,2. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/13

26. Отец Чертопханова – Еремей Лукич.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 2,8 × 3. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/14

27. Чертопханов.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 3 × 2,5. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/16

28. Цыганка Маша.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 6,5 × 10. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/7

29. Фрагмент интерьера в доме Чертопханова.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 6,5 × 10. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/8

30. Недопюскин.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 6,5 × 10. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/2

31. Цыганка Маша.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.
Гравюра на дереве. 2,8 × 3. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/15

32. Чертопханов.

Рассказ “Чертопханов и Недопюскин”.

Гравюра на дереве. 6,5 × 10. Москва. 1978г.
ОГЛМТ ОФ 17305/3

33. Чертопханов и Маша.

Рассказ “Конец Чертопханова”.
Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

34. Мошель Лейба.

Рассказ “Конец Чертопханова”.
Гравюра на дереве. 3 × 2,8. Москва. 1976-1978гг.
ОГЛМТ ОФ 17305/9

35. Мошель Лейба с лошадью.

Рассказ “Конец Чертопханова”.
Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

36. Чертопханов у конюшни.

Рассказ “Конец Чертопханова”.
Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

37. Чертопханов на ярмарке.

Рассказ “Конец Чертопханова”.
Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

38. Чертопханов у моста.

Рассказ “Конец Чертопханова”.
Гравюра на дереве. 10 × 13. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

39. Памятник на могиле Недопоскина.

Рассказ “Конец Чертопханова”.
Гравюра на дереве. 10 × 13. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

40. Смерть Чертопханова.

Рассказ “Конец Чертопханова”.

Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.
Собственность семьи Домогацких.

41. Стол со свечой и револьвером.

Рассказ “Конец Чертопханова”.

Гравюра на дереве. 10 × 6,5. Москва. 1976-1978гг.

Собственность семьи Домогацких.

42. Мужик.

Рассказ “Конец Чертопханова”.

Гравюра на дереве. 3 × 3. Москва. 1976-1978гг.

ОГЛМТ ОФ 17305/10

43-50.

8 заставок к рассказам “Чертопханов и Недопюскин”, “Конец Чертопханова”.

Гравюры на дереве. 3 × 3. Москва. 1976-1978гг.

Собственность семьи Домогацких.

Иллюстрации к роману “Дворянское гнездо”.

51. Лиза и Лаврецкий на пути из церкви.

Гравюра на дереве. 12 × 9. Москва. 1962г.

ОГЛМТ ОФ 4445/36

52. Лиза и Лаврецкий во дворе дома Калитиных.

Гравюра на дереве. 8,5 × 9. Москва. 1962г.

ОГЛМТ ОФ 4445/35

53. Лаврецкий перед домом Калитиных.

Гравюра на дереве. 9 × 12. Москва. 1962г.

Собственность семьи Домогацких.

54. Путешественник в карете.

Гравюра на дереве. 9 × 6. Москва. 1962г.

Собственность семьи Домогацких.

55. Федор Лаврецкий.

Гравюра на дереве. 5,5 × 6. Москва. 1962г.

Собственность семьи Домогацких.

56. Лиза Калитина.

Гравюра на дереве. 5,5 × 6. Москва. 1962г.
Собственность семьи Домогацких.

57. Лаврецкий в Васильевском.

Гравюра на дереве. 9 × 8,5. Москва. 1962г.
Собственность семьи Домогацких.

58. Лиза и Лаврецкий.

Гравюра на дереве. 9 × 8,5. Москва. 1962г.
Собственность семьи Домогацких.

59. Лаврецкий и Лемм.

Гравюра на дереве. 9 × 8,5. Москва. 1962г.
Собственность семьи Домогацких.

60. Лаврецкий и Лемм.

Цветная гравюра. 14 × 15,5. Москва. 1980г.
Собственность семьи Домогацких.

61. Лаврецкий у дома Калитиных.

Цветная гравюра. 14 × 15,5. Москва. 1980г.
Собственность семьи Домогацких.

Иллюстрации к роману “Отцы и дети”.

62. Николай Петрович Кирсанов на крыльце постоянного двора.

Гравюра на дереве. 9 × 6. Москва. 1964г.
Собственность семьи Домогацких.

63. Евгений Базаров.

Гравюра на дереве. 12,5 × 12,5. Москва. 1964г.
Собственность семьи Домогацких.

64. Усадьба Одинцовой.

Гравюра на дереве. 9 × 6. Москва. 1964г.
Собственность семьи Домогацких.

65. Дом родителей Базарова.

Гравюра на дереве. 9 × 6. Москва. 1964г.

Собственность семьи Домогацких.

66. Евгений Базаров и Аркадий Кирсанов у стога сена.

Гравюра на дереве. 9 × 9,5. Москва. 1964г.

Собственность семьи Домогацких.

67. Дуэль Базарова с Павлом Петровичем Кирсановым.

Гравюра на дереве. 9 × 9,5. Москва. 1964г.

Собственность семьи Домогацких.

68. Старики Базаровы на могиле сына.

Гравюра на дереве. 9 × 9,5. Москва. 1964г.

Собственность семьи Домогацких.

69. Базаров у пруда.

Гравюра на дереве. 10 × 13. Москва. 1968г.

Собственность семьи Домогацких.

70. Павел Петрович Кирсанов.

Гравюра на дереве (цветн.). 14 × 10. Москва. 1981г.

ОГЛМТ ОФ 17308/2

Иллюстрации к повести “Муму”.

71. Барыня.

Гравюра на дереве. 5,5 × 9. Москва. 1966г.

ОГЛМТ ОФ 4445/45

72. Герасим несет за пазухой найденного щенка.

Гравюра на дереве. 11,7 × 4,6. Москва. 1966г.

ОГЛМТ ОФ 4445/42

73. Герасим.

Гравюра на дереве. 8,3 × 8,8. Москва. 1966г.

ОГЛМТ ОФ 4445/39

74. Татьяна.

Гравюра на дереве. 12 × 4,6. Москва. 1966г.
ОГЛМТ ОФ 4445/44

75. Герасим и Муму.

Гравюра на дереве. 11,9 × 4,7. Москва. 1966г.
ОГЛМТ ОФ 4445/43

76. Дворник Герасим с метлой на улице Москвы.

Гравюра на дереве. 9 × 9,5. Москва. 1966г.
Собственность семьи Домогацких.

77. Герасим с вязанкой дров.

Гравюра на дереве. 9 × 9,5. Москва. 1966г.
Собственность семьи Домогацких.

78. Герасим перед дворницкой.

Гравюра на дереве. 9 × 9,5. Москва. 1966г.
Собственность семьи Домогацких.

79. Вид старой Москвы.

Гравюра на дереве. 4,7 × 9,1. Москва. 1966г.
ОГЛМТ ОФ 4445/40

80. Герасим возвращается в свою деревню.

Гравюра на дереве. 5,5 × 9. Москва. 1966г.
ОГЛМТ ОФ 4445/46

Иллюстрации к повести “Первая любовь”.

81. Княжна Зинаида Засекина.

Гравюра на дереве. 12 × 4,7. Москва. 1967г.
ОГЛМТ ОФ 4445/31

82. Сцена разговора отца Владимира с Зинаидой.

Гравюра на дереве. 11,8 × 4,6. Москва. 1967г.
ОГЛМТ ОФ 4445/27

83. Зинаида Засекина.

Гравюра на дереве. 9 × 6,3. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

84. Владимир в юности.

Гравюра на дереве. 9 × 6,3. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

85. Владимир.

Гравюра на дереве. 9 × 6,3. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

86. Отец Владимира.

Гравюра на дереве. 4,5 × 12. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

87. Отец Владимира у фонтана.

Гравюра на дереве. 4,5 × 12. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

88. Зинаида у фонтана.

Гравюра на дереве. 4,5 × 12. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

89. Владимир в саду.

Гравюра на дереве. 4,5 × 12. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

90. Зинаида.

Гравюра на дереве. 9 × 12. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

91. Фонтан.

Гравюра на дереве. 9 × 9,5. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

92. Владимир у дома Зинаиды.

Гравюра на дереве. 4,5 × 12. Москва. 1966-1967гг.
Собственность семьи Домогацких.

Иллюстрации к повести “Пунин и Бабурин”.

93. Муза Виноградова.

Гравюра на дереве. 9,8 × 4,7. Москва. 1967г.
ОГЛМТ ОФ 4445/20

94. Парамон Семенович Бабурин.

Гравюра на дереве. 8,9 × 4,5. Москва. 1967г.
ОГЛМТ ОФ 4445/19

95. Бабурин в старости.

Гравюра на дереве. 12 × 4,7. Москва. 1967г.
ОГЛМТ ОФ 4445/18

96. Никандр Вавилович Пунин.

Гравюра на дереве. 9 × 4,7. Москва. 1967г.
ОГЛМТ ОФ 4445/17

97. Петр Петрович Б.

Гравюра на дереве. 4,9 × 9. Москва. 1967г.
ОГЛМТ ОФ 4445/16

Иллюстрации к “Стихотворениям в прозе”.

98-116:

- 2 форзаца цветных (4 краски) 20 × 16;
- 1 фронтиспис (портрет) 11 × 9;
- 2 заставки 4 × 3,5;
- 3 заставки 3 × 5,2;
- 2 заставки 5,3 × 5,3;
- 5 иллюстраций 7 × 8;
- 2 ш/т 11 × 10;
- 2 иллюстрации 10 × 14.

Собственность семьи Домогацких.

117.

Иллюстрация к стихотворению в прозе “Стой!”.
Гравюра на дереве. 12,2 × 7. Москва. 1973-1975гг.
ОГЛМТ ОФ 17303/3

ПОСЛЕДНИЙ ДНЕВНИК ТУРГЕНЕВА

Сценарий литературно-музыкальной композиции
в сопровождении Духовного хора.

Актер читает отрывок из рассказа Тургенева «Смерть»:

«У меня есть сосед, молодой хозяин и молодой охотник. В одно прекрасное июльское утро заехал я к нему верхом с предложением отправиться вместе на тетеревов. Он согласился. «Только,- говорит,- поедете по моим мелочам, к Зуше; я кстати посмотрю Чапыгино; вы знаете, мой дубовый лес? у меня его рубят». – «Поедете». <...>

Мы пробрались на место рубки, как вдруг, вслед за шумом упавшего дерева, раздался крик и говор, и через несколько мгновений нам навстречу из чащи выскочил молодой мужик, бледный и растрепанный.

-Что такое? куда ты бежишь? – спросил его Ардалион Михайлыч.

Он тотчас остановился.

-Ах батюшка, Ардалион Михайлыч, беда!

-Что такое?

-Максима, батюшка, деревом пришибло.

-До смерти?

-Нет, батюшка, еще жив,- да что: ноги и руки ему перешибло. <...>

Мы нашли бедного Максима на земле. Человек десять мужиков стояло около него. <...> Он почти не стонал, изредка раскрывал и расширял глаза, словно с удивлением глядел кругом и покусывал посиневшие губы... Подбородок у него дрожал, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась неровно: он умирал.

Мы нагнулись к нему. Он узнал Ардалиона Михайлыча.

-Батюшка, - заговорил он едва внятно,- за попом... послать... прикажите... Господь... меня наказал...ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье...а я ...а я...вот... ребят-то не распустил.

Он помолчал. Дыханье ему спирало.

-Да, деньги мои... жене... жене дайте...за вычетом... вот Онисим знает... кому я ... что должен...

Он раскрыл было глаза и с усилием поднял брови и веки.

-Нет, умру. Вот... вот подступает, вот она, вот... Простите мне, ребята, коли в чем...

Он вдруг отчаянно потряс головой, тоскливо выпятил грудь и опустил ее опять.

- Я у Ефима... сычевского...- залепетал умирающий,- лошадь вчера купил... задаток дал... Так лошадь- то моя... жене ее... тоже...

Он затрепетал весь, как застреленная птица, и выпрямился.

- Умер,- пробормотали мужики.

<...> Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает: холодно и просто».

Хор исполняет: А.Ф.Львов. «Вечере Твоя тайныя».

Чтец I: «Итак – несмотря на предчувствие, я начинаю новую книжку. Вот при какой обстановке: здоровье мое в том же положении, даже похудело в течение дней – ни ходить, ни стоять не могу; спать без горячих салфеток и впрыскивания морфином тоже не могу, поднять что-нибудь с полу или самому причесаться тоже не могу. Вот жизнь моя; и сколько она продолжится – ведает господь».

Ведущий: Такими словами Тургенев открывает дневник последних месяцев своей жизни.

Знакомый Тургенева, издатель и историк М.М.Стасюлевич вспоминал свое первое посещение больного писателя в Париже:

Чтец II: «Я не узнал Ивана Сергеевича: так изменилось его лицо <...>, измученный физической болью, он сидел с опущенной головой на груди <...>. Мучения и боли делали его нетерпеливым и в высшей степени раздражительным. Когда боли утихли, он едва слышным голосом сказал, завидев меня: “Ну вот, вы сами видели, каково мне!” Он, видимо, больше не страдал, но зато пришел в полное расслабление».

Ведущий: В такие минуты Тургенев невольно погружался в прошлое, воспоминания далекой молодости, которые почему-то не давали ему покоя. И вот он на пароходе «Николай I» с множеством других пассажиров и очень занят всеми новыми впечатлениями. Вдруг дверь каюты распаивается во всю ширину, в нее врывается дама вне себя, замирающим голосом восклицает: «Пожар!».

Актер читает отрывок из рассказа Тургенева «Пожар на море»:

«Темно-красное зарево, как от горящего каменного угля, вспыхивало там и сям. Во мгновение ока все были на палубе. Два широких столба дыма пополам с огнем поднимались по обеим сторонам трубы и вдоль мачт; началась ужаснейшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Беспорядок был невообразимый: чувствовалось, что отчаянное чувство самосохранения охватило все эти человеческие существа и в том числе меня первого. Я помню, что схватил за руку матроса и обещал ему десять тысяч рублей от имени матушки, если ему удастся спасти меня. Матрос, который, естественно, не мог принять моих слов за серьезное, высвободился от меня; да я и сам не настаивал, понимая, что в том, что я говорю, нет здравого смысла. Впрочем, в том, что я видел вокруг себя, его было не более. <...> Например: богатый помещик, охваченный ужасом, ползал по полу, неистово кладя земные поклоны; когда же вода, которую изобильно лили в отверстия угольных трюмов, на минуту укротила ярость пламени, он встал во весь рост и закричал громовым голосом: “Малoverные! неужели вы думали, что наш Бог, Русский Бог, нас покинет?”. Но в ту же минуту пламя метнуло сильнее, и многоверующий бедняк опять упал на четвереньки и снова принялся бить земные поклоны. <...> Другой барин, с дождевым зонтиком в руках, вдруг с ожесточением принялся прокалывать находившийся тут же в багаже дрянной портретишко, писанный масляными красками и привязанный к своему мольберту. Концом зонтика он проткнул пять дырок: на месте глаз, носа, рта и ушей. Разрушение это он сопровождал восклицанием: “К чему все это теперь?”. И эта картина ему не принадлежала. <...>

Я с оцепенением смотрел на красную пену, которая клокотала подо мной и брызги которой долетали мне в лицо, и говорил себе: “Так вот где придется погибнуть в девятнадцать лет!” - потому что я твердо решил лучше утонуть, чем испечься. Пламя сводом выгибалось надо мною, и я очень хорошо отличал его вой от рева волн.

Недалеко от меня, на той же лестнице, сидела маленькая старушка. <...> Спрятав голову в руки, она, казалось, шептала молитвы, - вдруг она быстро взглянула на меня и, потому ли, что ей показалось, будто она прочла на моем лице пагубную решимость, она схватила меня за руку и почти умоляющим голосом действительно сказала: “Нет, барин, никто в своей жизни не волен, - и вы не вольны, как никто не волен. Что Бог велит, то пусть и сбудется”».

Ведущий: Рассказ «Пожар на море» Тургенев диктовал по-французски Полине Виардо незадолго до смерти.

Перевод рассказа на русский язык он поручил писательнице Аделаиде Николаевне Луканиной. Эту встречу с Тургеневым она описала в своем дневнике:

Чтец II: «Окончив работу <...>, я отвезла ее в Буживаль <...>. Взяв у меня перевод “Пожара на море”, посмотрев его, Тургенев в общем оказался доволен и сказал, что у него есть еще другой рассказ, который он тоже диктует по-французски госпоже Виардо <...>. Говорил Иван Сергеевич, задумчиво улыбаясь и словно вглядываясь далеко в прошлое...»

Ведущий: Лишенный возможности вновь увидеть родину, писатель сердцем еще сильнее стремился к ней. Как дорого становилось ему все, что связано с родиной, даже всякая мелочь: и веточки, валяющиеся на дороге, и соломка, и кусочек зеленого мха, и стебелек лопушка – и из них умирающий художник рисовал сказочного человечка, спустившегося к нему, чтобы в последний раз писатель почувствовал и вдохнул запах родной земли.

Актер читает отрывок из сказки Тургенева «Степовик»:

«Однажды, в разгар сенокоса оказался я поздно вечером в степи и, не желая возвращаться в деревню, <...>, решил провести ночь на одном из стогов, что, подобно огромным домам, возвышаются в эту пору вдоль Дона. <...> Я вскарабкался на один из таких стогов <...> и уже собрался заснуть, как вдруг услышал, что кто-то ходит по стогу...

Я увидел перед собою крошечное существо ростом с локоток, похожее на человечка, но сделанное из тех сухих веточек, что встречаются на дорогах и которыми пользуются птицы для постройки гнезд; на его большой голове из зеленого мха был надет персидский колпачок из сухой соломки. Две круглые черные ягодки были у него вместо глаз, и, ей – Богу, казалось, он ими прекрасно видел; крючковатый корень служил ему носом, а пучок степной травы, называемый “ковыл”, заменял бороду. На нем была крестьянская курточка из торфа, перепосанная на бедрах стебельком лопуха, и он важно переставлял свои ножки, обутые в башмачки со шпорами из бересты.

Человечек приблизился ко мне и, представившись самым серебристым на свете голоском, поздоровался, после чего спросил меня, хороша ли была охота.

Мы огляделись вокруг. <...> Ночь царила везде: она зеленела внизу, синела сверху, серебрилась повсюду, а Дон – что за великолепная золотая лента, отливающая то атласом, то муаром! А какой аромат и как поют птицы! А ветер, что нежно касается ваших щек, после того как разбудил и приласкал столько цветов!

Боже, как это было красиво!»

Хор исполняет: Гончаров. «Кресту Твоему».

Чтец I: «Веселенький пейзажик! – старый недуг процветает. Болезнь моя такого рода, что по словам докторов, вылечить ее нельзя, но что она проходит сама собою. Однако, так как до сих пор она не изъясняет ни малейшего к этому поползновения – то остается сидеть и ждать. Но пространство, в котором я живу, сузилось так, что напоминает мне домик устрицы».

Ведущий: Так горько шутит Тургенев и продолжает вести свой дневник. Его приятель князь А.А. Мещерский вспоминал:

Чтец II: «Смертельно больной Тургенев лежал в постели <...>, лицо сохраняло спокойное выражение<...>, сознание было омрачено. Постель больного окружали все члены семейства Виардо. Несколько минут спустя больным стало овладевать некоторое возбуждение. Он стал говорить все время по-русски: “Ближе, ближе ко мне,- говорил он, вскидывая веками во все стороны и делая усилия обнять дорогих ему людей, - пусть я всех вас чувствую тут, около себя... Каждый должен верить мне, так как я всегда любил искренне и жил честно” <...> Потом он обратился к дочери Виардо, стоявшей на коленях у изголовья, и стал внушать, как она должна воспитывать сына: “Пусть он и непоседливый мальчишка, лишь бы честным был, честным”».

Ведущий: Он теряет сознание. Болезнь заставляет его делить время между уколами и обмороками, но в промежутках он не оставляет работы. Надо думать, что сказочка «Степовик», так и оставшаяся незаконченной, диктовалась Тургеневым как часть задуманной им книги «Рассказы и сказки для детей», она должна была явиться своеобразным продолжением рассказа «Бежин луг», вошедшего во все антологии русской литературы.

Вот она, чудесная картина: теплая летняя ночь, широкая река, огибающая огромную равнину, у берега два небольших огонька, вокруг которых сидят крестьянские мальчики. Всех мальчиков было пять.

Актер читает отрывок из рассказа Тургенева «Бежин луг»:

«-Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника? – спросил Костя.

- Ну да, знаем.

- А знаете ли, отчего он такой невеселый, все молчит, знаете? Вот отчего он такой невеселый. Пошел он раз,- тятенька говорил,- пошел он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошел он в лес по орехи, да и заблудился; зашел – Бог знает куды зашел. Уж он ходил, ходил, братцы мои, - нет! не может найти дороги; а уже ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра,- присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовет. Смотрит – никого. Он опять задремал – опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовет, а сама умирает со смеху, смеется... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она знай хохочет да его все к себе этак рукой зовет. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, знать, Господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у нее зеленые, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на нее Гаврила, да и стал ее спрашивать: “Чего ты, лесное зелье, плачешь?” А русалка-то как взговорит ему: “Не креститься бы тебе, говорит, человече, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней”. Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор вот он все невеселый ходит. <...>

Все смолкли. <...>

- Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки,- раздался вдруг детский голос Вани,- гляньте на Божьи звездочки,- что пчелки роятся.

Он выставил свое свежее личико из-под рогожи, оперся о кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились. <...>

Бесчисленные золотые звезды, казалось, тихо текли все, наперыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли...»

Хор исполняет: А.Л.Ведель. «Плотию уснув».

Чтец I: «Старая болезнь моя продолжает потешаться надо мною. Страдания дошли до такой невероятной силы, что я теряю рассудок – то кажется мне, что я в укреплениях Ниневии отбиваюсь от идущих на приступ ассирийских воинов; то требую яда, то по сто раз на день зову смерть... Если я когда-нибудь вернусь к литературной деятельности, то опишу физические страдания, приводящие к безумию».

Ведущий: Свою последнюю встречу с Иваном Сергеевичем в Буживале вспоминал приятель Тургенева художник Алексей Петрович Боголюбов:

Чтец II: «Лежал он на кушетке на балконе, покрытый пледом. Чудное тело его с раскинутыми волосами покоилось на высокой подушке. Глаза были полускрыты <...>, но он меня признал и тихо сказал: “Спасибо, что пришли, <...> песнь моя спета, с землей все кончено у меня. Остается прощаться с друзьями”. После этого было минуты две молчания. Сжалось мое сердце, глядя на него. Тут Иван Сергеевич опять ко мне обратился: “Прощайте”, - и протянул мне руку, которую я поцеловал. “Зачем вы это делаете? - сказал он тихо. - Вы любите людей, и я их старался любить сколько мог, так любите их всегда, прощайте”».

Ведущий: И увидел он себя юношей, почти мальчиком в низкой деревенской церкви.

Актер читает стихотворение в прозе Тургенева «Христос»:

«Я видел себя юношей, почти мальчиком в низкой деревенской церкви. Красными пятнышками теплились перед старинными образами восковые тонкие свечи.

Радужный венчик окружал каждое маленькое пламя. Темно и тускло было в церкви... Но народу стояло передо мною много.

Все русые, крестьянские головы. От времени до времени они начинали колыхаться, падать, подниматься снова, словно зрелые колосья, когда по ним медленно волной пробегает летний ветер.

Вдруг какой-то человек подошел сзади и стал со мною рядом.

Я обернулся к нему – но тотчас почувствовал, что этот человек – Христос.

Умиление, любопытство, страх разом овладели мною. Я сделал над собою усилие... и посмотрел на своего соседа.

Лицо, как у всех,- лицо, похожее на все человеческие лица. Глаза глядят немного ввысь, внимательно и тихо. Губы закрыты, но не сжаты: верхняя губа как бы покоится на нижней. Небольшая борода раздвоена. Руки сложены и не шевелятся. И одежда на нем как на всех.

“Какой же это Христос! – подумалось мне.- Такой простой, простой человек! Быть не может!”

Я отвернулся прочь. Но не успел я отвести взор от того простого человека, как мне опять почудилось, что это именно Христос стоит со мной рядом.

Я опять сделал над собою усилие... И опять увидел то же лицо, похожее на все человеческие лица, те же обычные хоть и незнакомые черты.

И мне вдруг стало жутко – и я пришел в себя. Только тогда я понял, что именно такое лицо – лицо, похожее на все человеческие лица,- оно и есть лицо Христа».

Хор исполняет: А.А. Архангельский. «Свете, тихий».

Чтец I: «Милый Яков Петрович, <...> я очень рад, что вы решились ехать в Спасское, – но что вы должны теперь знать, что меня, наверное, там не будет. Я болен – и, кажется, неизлечимо...

Когда вы будете в Спасском, поклонитесь от меня дому, саду, моему молодому дубу, родине поклонитесь, которую я уже, вероятно, никогда не увижу».

Ведущий: Слабеющей рукой Тургенев пишет прощальное письмо своим друзьям Ж.А. и Я.П.Полонским. Он карандашом выводит последнее письмо Л.Н.Толстому с призывом вернуться к литературной деятельности. Собравшись с силами, пишет предсмертное письмо скульптору Пьеру Тургеневу, который в это время путешествует по России:

Чтец I: «Прощайте, дорогой мой Пьер, я умираю. Дни для меня тянутся очень долго и очень тяжело. Мне грустно сегодня. Я собираюсь заснуть... Я теперь лишь соломинка на глади озера, на которое спускается вечернее солнце».

Ведущий: Больной писатель закрывает глаза... Он мысленно переносится в то далекое время: вот он десятилетний мальчик, в больших сапогах и с фляжкой через плечо, спешит вслед за отцом на свою первую охоту.

*Актер читает отрывок из статьи Л.А.Бальковой
«За серебряной птицей»:*

«Солнце в зените, жаворонки в небе звенят, трава стоит стеной – что забудок, кашек, лютиков вокруг! Старый охотничий пес острожно крадется по опушке оврага, выслеживая хитрую дичь. Вот он делает стойку, вот прогремел выстрел, и вот уже маленькая серая птичка лежит, свесив голову, на его ладони. Она смотрит на него своим круглым глазком и будто хочет сказать: “Бедная я, бедная, за что я умирать должна, за что?”

И вот уже не перепелка, а он сам, умирающий, спрашивает: “За что, за что?”. И с тоскою ждет ответа. Но что это? Перепёлочка вдруг ожила, встрепенулась, на голове у нее появилась золотая корона и засветилась радужным венчиком. Заметив его удивление, она пристально посмотрела на него и обратилась к нему со словами, кажется, из той самой книжки, что в детстве они читали с братом Колей: “Ты удивляешься? Ты думаешь, я умерла? Как ты ошибаешься, любезный друг, если думаешь, что все знаешь о жизни и смерти! Небо, земля, все окружающее нас, целая вселенная... есть вечная книга, в которой человек до конца времен будет находить непроницаемые тайны и новые вещи: в каждом веке откроет новые и величественные истины, но никогда не узнает всего вокруг...”

Так она говорила и между тем поднималась все выше, корона на ее головке светилась все ярче, а голос становился тише – она улетала от него, и он силился подняться, чтобы еще полюбоваться сказочной птицей, и уплывал куда-то, наверное, вслед за нею...».

Ведущий: Тургенев умер в два часа пополудни. «Он никогда при жизни не был так красив, так величествен; следы страданий <...> исчезли совсем, <...> лицо приняло вид глубоко-задумчивый, с отпечатком необыкновенной энергии, какой никогда не было заметно и тени при жизни на вечно добродушном, постоянно готовом к улыбке лице. Впрочем, последней глубины его мы не знаем».

*Хор исполняет Песнь праведного Семииона Богоприимца
«Ныне, отпущаеши».*

ЛЕСКОВСКИЙ СЮЖЕТ В ИСТОРИИ МУЗЕЯ И.С.ТУРГЕНЕВА

Деятельность А.Н.Лескова, сына писателя, его биографа, по «оживлению памяти» Н.С.Лескова трудно переоценить. Она отчетливо прослеживается по материалам научного архива ОГЛМТ и по переписке А.Н.Лескова с музеем И.С.Тургенева. Эти источники дают возможность более точно проследить, как шло увековечение памяти Н.С.Лескова в Орле, как в разнообразных формах работы в музее И.С.Тургенева возникает и проявляется имя Лескова, и понять какова роль А.Н.Лескова в этом процессе.

В фондах ОГЛМТ, в личном фонде А.Н.Лескова (ф.№34) хранятся 12 почтовых отправлений А.Н.Лескова (11 писем и 1 почтовая открытка); 7 ед.хр. составляют обращения сотрудников тургеневского музея к А.Н.Лескову (5 писем, 2 почтовые открытки).

Переписка велась, в основном, между А.Н.Лесковым и тогдашним директором музея И.С.Тургенева Б.А.Ермаком. В фондах ООГЛМТ сохранились письма за десятилетний период с 1935 по 1945 годы. Инициатива в переписке принадлежала сыну писателя, который в 1930-е годы работал над книгой об отце «Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям».

Для достижения точности и достоверности в работе А.Н.Лесков предполагал сверить написанные им орловские главы книги с имеющимися в музее местным материалом, о котором он хотел иметь полное представление.

В первом обращении в музей, в письме от 25 сентября 1935 года Андрей Николаевич пишет: «Очень прошу не отказать в сообщении мне кратких данных об имеющихся в Музее письмах Н.С.Лескова или к Лескову, рукописей, документов или их копий, статей или оттисков его произведений и т.д.»¹.

В первом же письме А.Н.Лесков очертил круг орловцев, материалы о которых он надеялся найти в музее. Среди названных имен: И.М.Сребницкий и В.Л.Иванов, сослуживцы Н.С.Лескова по орловской уголовной палате; С.Д.Лесков, отец писателя; И.М.Страхов, двоюродный брат Н.С.Лескова, родственник со стороны матери, М.П.Лесковой. Тем самым А.Н.Лесков дает ценные сведения об орловском окружении писателя, неизвестные на то время в музее. Уже

в своем первом письме А.Н.Лесков фактически намечает программу поиска лесковских материалов краеведческого характера, которой воспользуются музейные сотрудники в 1960-е годы и особенно в 1970-е годы, когда начнется работа над созданием экспозиции будущего Дома-музея Н.С.Лескова.

А.Н.Лесков сразу же предложил музею сотрудничество, свою помощь в качестве консультанта: «В свою очередь, если у Музея есть какие-нибудь вопросы по Лескову, с удовольствием исполню всё, что сумею при помощи моих картотек и Лесковианы»².

На первое обращение А.Н.Лескова директор музея Тургенева отвечает через две недели открыткой от 9 октября 1935 года: «Очень мало, но все-таки интересующие Вас материалы мы имеем. Подробные сведения о нем пришлю позже»³. Уклончивый ответ говорит о неосведомленности Б.А.Ермака, возможно, он сам должен был предварительно ознакомиться с тем, какие лесковские материалы имелись в фондах музея Тургенева. Это подтверждает и конец ответного письма от 9 октября 1935 года: «Сообщение Ваше послужит началом по описанию сведений»⁴. В своем втором письме от 27 октября 1935 года А.Н.Лесков повторил просьбу выслать «краткую опись, на клочке бумаги, всему имеющемуся в музее по Лескову»⁵. Через месяц, 20 ноября 1935 года сын писателя получил почтовую открытку, в которой его уведомили, что директор музея болен и ответит на его вопросы по выздоровлении⁶.

К 1935 году Н.С.Лесков был представлен в музее следующими материалами: в зале, посвященном творчеству писателей, уроженцев Орловского края, экспонировалась репродукция с портрета Н.С.Лескова; в архиве имелись 5 подлинных писем писателя, 4 из которых были адресованы сослуживцу по орловской уголовной палате В.Л.Иванову, а одно его дочери Л.В.Ивановой. Эти подлинные письма Н.С.Лескова были среди первых поступлений в музей Тургенева, тогда в Музей-библиотеку им. И.С.Тургенева, в ноябре 1918 года.

Явно, что в 1935 году сотрудники о подлинных письмах Н.С.Лескова, имеющихся в музее не знали, иначе ответить А.Н.Лескову было бы легко.

За период с 1935 по 1936 годы Андрей Николаевич отправил в музей 3 письма с запросами о необходимых ему сведениях. В третьем письме от 27 июня 1936 года он уже достаточно раздраженно указывает на его положительный опыт общения с Саратовским Ра-

дищевским музеем и Институтом Литературы при Академии наук: «На аналогичное обращение <...> я уже давно получил исчерпывающий ответ <...> все ценное выписано на просмотр и проработку, как это обычно делается между научными учреждениями»⁷. Ответа на третье письмо А.Н.Лесков не получил ни в 1936 году, ни в последующие два года. За этот начальный период переписки Андрей Николаевич получил из музея две почтовые открытки (от 9 октября 1935 года и от 20 ноября 1935 года), в которых не было отказа, но не было и ответа.

Возможна не одна причина такого положения дел. Б.А.Ермак мог не знать о лесковских материалах, он в музее работал только с 1930 года, а картотек по персоналиям не было. Сотрудникам музея практически невозможно было по запросу поднять весь массив документов, заняться систематизацией фондов. Следует вспомнить, что в 1935 году, к моменту обращения А.Н.Лескова в музей, всю массовую, просветительскую, собирательскую, научно-исследовательскую, экспозиционную работу вели два человека – директор и научный сотрудник.⁸

Приоритетной, естественно, являлась тургеневская тема. В музейной деятельности были отражены все общественно-политические кампании и дни красного календаря (вплоть до дня Парижской Коммуны и приезда в Орел Алексея Стаханова)⁹.

Большое внимание уделялось писателям-классикам, к которым была лояльна пролетарская власть: Н.А.Некрасову, Н.В.Гоголю, А.П.Чехову, М.Горькому. Читались лекции, делались выставки, посвященные их жизненному и творческому пути. Н.С.Лесков же в 1930-е годы находился на периферии внимания исследователей, он не был причислен советской властью к когорте писателей-классиков. Это невнимание проявилось и в деятельности музея Тургенева, ни одна из форм его работы не была связана с именем Н.С.Лескова. К этому выводу привел просмотр дел научного архива ОГЛИМТ: переписки музея с организациями и отдельными лицами, планов и отчетов работы за 1930-е годы.

Положение дел меняется к лучшему в 1938 году, когда музей Тургенева приобретает статус государственного, вследствие чего увеличивается финансирование и соответственно увеличивается штат научных сотрудников (теперь их четверо вместе с директором)¹⁰. Встает вопрос о систематизации фондов, налаживании учета и хранения. Материалы, письменные памятники раскладываются по пап-

кам, относящимся к тому или иному писателю¹¹. В 1938 году музей приобретает несгораемый шкаф, куда помещают подлинные письма И.С.Тургенева, М.Г.Савиной и Н.С.Лескова¹². Так в 1938 году появляются реальные сведения об объеме лесковских материалов в фондах музея.

Обращения А.Н.Лескова в музей в 1935-1936 годах, хоть и остались фактически без ответа, но даром не пропали. Сотрудники музея их учли, и в план работы музея на 1939 год был введен пункт в раздел научно-исследовательской работы: «Изучить места, связанные с жизнью и творчеством писателей: Тютчева, Лескова, Киреевских, Грановского, Писарева, Толстого»¹³. В 1939 году имя Н.С.Лескова впервые появляется в плане работы музея, пусть пока и через запятую, в общем списке писателей-орловцев.

А.Н.Лесков в письме от 9 июня 1939 года вновь обращается к Б.А.Ермаку с просьбой предоставить ему «справку о всех материалах, как бы они не казались незначительными»¹⁴. Теперь музей владеет точной информацией, и ответ не вызывает затруднений. Сыну писателя были высланы копии подлинных писем Н.С.Лескова и письмо от 18 июня 1939 года, которое это подтверждало¹⁵. В ответном письме от 2 июля 1939 года Андрей Николаевич благодарил за присланные копии: «Все они оказались мне чрезвычайно полезными для сверки некоторых публикаций»¹⁶. А.Н.Лесков имеет в виду публикации А.И.Фаресовым писем Н.С.Лескова к В.Л.Иванову в №3 журнала «Исторический вестник» за 1916 год. Сын писателя был, безусловно, расстроен малым количеством лесковских материалов в музее: «Из неупоминания в письме о чем-либо кроме помянутых копий делаю грустный вывод, что ничего более в музее по Лескову нет»¹⁷. В письме звучит укор: «Не слишком позаботились о своем знаменитом земляке его современники, когда легко было собрать, из местных даже ресурсов, ценные биографические и бытовые материалы»¹⁸.

Еще раз отметим, что уже в первых письмах-запросах в Тургеневский музей А.Н.Лесков по ходу дела сообщает ценный краеведческий, биографический материал. Если он спрашивает о С.Д.Лескове, то тут же дает наводящие справки: служил в уголовной палате, умер в Кромском уезде, в имении Панин хутор¹⁹. И так по всем упоминаемым персоналиям А.Н.Лесков был готов щедро делиться с музеем своими знаниями.

Последующая переписка 1939-1941 годов связана была, прежде всего, с подготовкой к грядущему юбилею, 110-летию со дня рожде-

ния писателя. Для А.Н.Лескова 1939 год уже «как бы предъюбилейный, предшествующий, предпосылочный юбилейному», как писал он 25 февраля 1939 года в редакцию газеты «Орловская правда»²⁰. В эти годы (1939-1941) Андрей Николаевич устанавливает творческие, деловые связи и с газетой «Орловская правда», и с издававшимся в Орле «Литературным альманахом». В 1939 году в «Орловской правде» (№134) вышла статья А.Н.Лескова «Горький о Лескове». В 1941 году, во втором номере «Литературный альманах» опубликовал на своих страницах статью А.Н.Лескова «Достопамятный орловец» и там же был напечатан рассказ Н.С.Лескова «Засуха». Сотрудникам вышеупомянутых изданий сын писателя по мере возможности будет напоминать о «стодесятилетии рождения орловца, Н.С.Лескова»²¹.

Взаимодействие А.Н.Лескова с «Орловской правдой» и с «Литературным альманахом» в данном случае важно тем, что сотрудники тургеневского музея и этих изданий хорошо знают друг друга, это один круг общения, т.е. напоминание о лесковской круглой дате в письмах в газету звучит практически для всей творческой интеллигенции города.

По планам работы и отчетам за 1939-1940 годы видно, что лесковская тема, как отдельное самостоятельное направление музейной работы во всех её формах, пока не существует. Но в стороне от юбилея музей не остается, задумывается создание лесковской выставки. В план работы на 1940 год включается пункт о необходимости договориться «с сыном Лескова о приобретении оставшихся материалов писателя Лескова».

В это предъюбилейное время А.Н.Лесков получил письмо одно из сотрудников музея (письмо без подписи) с просьбой помочь в создании большой юбилейной выставки²³. Музей надеялся получить информацию об иллюстрациях к произведениям писателя, воспоминания Андрея Николаевича об отце. Прежде всего, сотрудников музея интересовал материал краеведческого характера: подробности детских лет жизни писателя, годы учебы в орловской гимназии и, особенно, место рождения писателя и место расположения дома Лесковых в Орле. А.Н.Лесков в недошедшем до нас письме ответил на многие из этих вопросов. Во всяком случае уже тогда, в преддверии юбилея 1941 года, он дал информацию о нахождении дома Лесковых в Орле. Б.А.Ермак в письме от 21 февраля 1941 года сообщает: «Дом Вашего отца осмотрели и включили в план литературной экскурсии по г.Орлу»²⁴. Это сообщение подтверждается и планом

работы музея на 1941 год²⁵. Так, с помощью А.Н.Лескова делались первые подступы к увековечению памяти писателя на родине.

После многих лет невнимания к лесковской теме в план работы музея на 1941 год были включены следующие пункты: работа над докладом «Жизнь и творчество Н.С.Лескова», консультации для работников клубов и политпросветучреждений²⁷, организация большой временной выставки «Жизнь и творчество Н.С.Лескова»²⁸, научной библиотеке было дано задание собирать публикации о Н.С.Лескове²⁹. Наконец, в плане работы Тургеневского музея достойно представлена лесковская тематика. Охвачены все формы работы и собирательская в том числе. А.Н.Лесков был готов помочь пополнить фонды музея ценными материалами. По переписке 1941 года можно предположить, что Андрей Николаевич выслал копии фотографий из своего архива, среди них копию с фотографии дома в Горохове, где родился писатель; кроме того, сын писателя обещал делиться своими знаниями, неизменно отвечая на вопросы, касающиеся биографии писателя.

В своем письме-отчете о проведении 110-летия со дня рождения писателя сотрудники музея отмечают вышедшую в газете «Комсомолец» 16 февраля 1941 года юбилейную статью о Н.С.Лескове. Автором статьи «Лесков Н. (К 110-летию со дня рождения)» стала научный сотрудник музея В.Яковлева. Именно ей руководством музея было поручено подготовить научное сообщение о жизни и творчестве писателя, она принимала участие и в работе над юбилейной выставкой³¹. В феврале 1941 года выставка была еще в работе, она строилась на копийных материалах. Б.А.Ермак в письме от 21 февраля 1941 года сообщает, что «уже совершенно готов прекрасный красочный портрет Н.Лескова и другие экспонаты»³². К сожалению, отчетов о работе музея за 1941 год не сохранилось, и сейчас нельзя с определенностью сказать, состоялась ли действительно юбилейная лесковская выставка или нет.

В числе юбилейных мероприятий было и включение «дома Лескова» в маршрут литературных экскурсий по городу.

Проведение юбилея получило резонанс. 9 мая 1941 года исполком Орловского городского совета депутатов трудящихся принял решение о переименовании Школьного переулка в улицу Лескова³³. Это были первые шаги по увековечению памяти Н.С.Лескова на Орловщине, и сын писателя сыграл в этом процессе не последнюю роль.

Общее дело проведения юбилея писателя сближают А.Н.Лескова и Гослитмузей Тургенева. А.Н.Лесков оценил вклад орловцев, музея в «оживление» памяти об отце. В письме от 18 апреля 1941 года он просит выслать для своей «Лесковианы» юбилейный номер «Комсомольца», интересуется выставкой, сам полон желанием помочь музею, где чтят память отца³⁴. Сын писателя обещает выслать музею все собранные публикации и работы исследователей творчества Н.С.Лескова.

А.Н.Лесков был готов помочь в комплектовании и приобретении книг по Лескову «и по Тургеневу, и Фету и кому вообще угодно»³⁵. «Словом – рад всей душой порадовать землякам и уповаю небесплодно. Я, ведь, все-же, хоть и полукровный, а орловец. Так меня и расчитывайте в своих задачах»³⁶.

Складывающиеся творческие, рабочие связи А.Н.Лескова и музея Тургенева были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной.

Переписка возобновилась в 1944 году, когда из газет А.Н.Лесков узнал о возвращении музея из эвакуации. В письме от 25 сентября 1944 года он высоко оценивает роль Б.А.Ермака в «спасении и сбережении» музейных ценностей и полон желанием «воскресить» «былые рабочие связи» не только с музеем, но и с орловскими печатными изданиями³⁷.

А.Н.Лесков спрашивает о судьбе орловского «Литературного альманаха», дает Б.А.Ермаку поручение получить в редакции «Орловской правды» справку о его собственных публикациях по Лескову, через Б.А.Ермака предлагает в «Орловскую правду» свою статью, актуальность которой лежала на поверхности в 1944 году: «Лесков о немцах и племенной розни»³⁸. В письме от 25 сентября 1944 года А.Н.Лесков «по товарищески» напоминает Б.А.Ермаку о близящемся 50-летию со дня смерти Н.С.Лескова, 5 марта 1945 года³⁹.

Музей, местные печатные издания – вот рычаги, нажав на которые Андрей Николаевич хочет подключить к проведению памятной даты и специалистов, занимающихся литературой, и широкою общественность.

Надо сказать, что опыт проведения лесковского юбилея в 1941 году для сотрудников Тургеневского музея даром не прошёл, в 1944 году инициатива переходит к музею. В своем письме от 4 ноября 1944 года Б.А.Ермак отвечает: «Мы помним о предстоящем юбилее Николая Семеновича и, конечно, готовимся к нему. Уже добился

решения Горсовета о мемориальной доске на месте, где жил Николай Семенович в Орле»⁴⁰. В связи с предстоящей установкой памятной доски Б.А.Ермак просит А.Н.Лескова срочно прислать точное описание места дома Лесковых в Орле, что сын писателя и делает в письме от 16 января 1945 года: «О доме Семена Дмитриевича Лескова самым достоверным и подтвержденным всеми семейными показаниями, является, что он был на Третьей дворянской и стоял третьим по счету от берегового обрыва над рекою Орликом. Именно так говорится и в “Несмертельном Головане”, глава третья, начало. Повторяю – это верное указание. Иные указания, хотя бы и в рассказах самого Лескова беллетристичны и апокрифичны»⁴¹.

В конце 1944 года в музее был открыт зал, посвященный писателям-орловцам, в котором Н.С.Лесков занял достойное место⁴². Сына писателя приглашали на открытие, но он не смог приехать «и по хворобе и по завалу работы»⁴³.

Переписка А.Н.Лескова с Б.А.Ермаком 1945 года полна хлопотами о проведении 50-летия со дня смерти писателя. Андрей Николаевич, стараясь о «расширении “оживления памяти” к юбилейным дням», предлагает музею свои работы с тем, чтобы музей пристроил их в орловские издания. Среди них А.Н.Лесков посылает и самые орловские главы своей монографии об отце: «Из семейной старины», «Рождение», «Гимназия», «Уголовная палата»⁴⁴. Эти главы стали для сотрудников музея бесценным источником достоверного биографического материала.

Присланные уже работы А.Н.Лесков продолжает редактировать даже на расстоянии, прося Б.А.Ермака заменить в готовом тексте какое-то слово, поставить кавычки и т.п.⁴⁵ Когда в апреле 1945 года становится ясно, что публикации не состоятся, Андрей Николаевич напишет в музей: «Не сомневаюсь, что с Вашей стороны было полное содействие, но, значит, не судьба»⁴⁶.

Сам тон писем Лескова-младшего в музей Тургенева 1944-1945 годов отличен от тона писем более раннего периода – это уже переписка соратников, единомышленников. А.Н.Лесков доволен тем, как идет подготовка к юбилею, доволен работой руководства музея: «...радуюсь, что орловский музей в таких руках, у такого неутомимо заботника как Вы, уважаемый Борис Александрович»⁴⁷.

В последних письмах 1945 года А.Н.Лесков и Б.А.Ермак обменялись информацией о прошедшей лесковской памятной дате. День 5 марта 1945 года подробно описан в письме Б.А.Ермака от 23 мая

1945 года⁴⁸. В этот день в Лектории музея И.С.Тургенева была открыта выставка «Героика русской жизни в произведениях Лескова». В 12 часов дня в Лектории же Б.А.Ермак прочел лекцию о жизни и творчестве Н.С.Лескова перед собранием актива и интеллигенции города. На доме №9 по Октябрьской улице была торжественно открыта мраморная мемориальная доска, увековечившая связь Лескова с Орлом. По инициативе музея Тургенева Орловский Облдрамтеатр отметил день юбилея премьерой спектакля «Леди Макбет Мценского уезда».

Лекция Б.А.Ермака прозвучала и по орловскому радио, кроме директора музея Тургенева в передаче с чтением отрывков из произведений Н.С.Лескова выступили артисты Облдрамтеатра.

6 марта 1945 года «Орловская правда» опубликовала статью С.Кирсанова «Знаменитый мастер художественного слова». Информация «Юбилейные дни Н.С.Лескова» прошла в газете «Орловская правда» за 10 марта 1945 года.

Благодаря музею Тургенева памятная лесковская дата широко отмечалась не только в Орле, но и в Орловской области, в районы были посланы юбилейные тезисы, разработанные музеем⁴⁹. Лекции о жизни и творчестве Н.С.Лескова читались на заводах и предприятиях города, перед коллективами городских учреждений⁵⁰. Для учащихся школ и педагогов были организованы консультации, самой востребованной была тема «Патриотизм в творчестве Лескова», подбиралась критическая литература, читались лекции⁵¹. При подготовке лекций сотрудники музея могли использовать сведения, материалы, переданные А.Н.Лесковым.

Впервые в Орле так масштабно отмечали лесковскую круглую дату. Андрей Николаевич в последнем из сохранившихся писем 1945 года назвал программу мероприятия «продуманной и стройной» и закончил письмо «живейшей благодарностью» за всё «городом Орлом содеянное к “оживлению памяти” былого орловца»⁵².

В заключение можно сказать, что письма А.Н.Лескова активизировали интерес музея к жизни и творчеству Н.С.Лескова, побудили определить точный объем лесковских материалов, которыми музей располагал в 1930-е годы, стали поводом к началу изучения этих материалов.

А.Н.Лесков считал необходимым заниматься популяризацией имени Лескова и в это русло старался направить деятельность музея И.С.Тургенева, газеты «Орловская правда», издания «Литера-

турный альманах», активно привлекая их к празднованию юбилейных дат.

А.Н.Лесков помог установить место усадьбы С.Д.Лескова. В 1941 году, опираясь на информацию сына писателя, дом, который сохранился на месте усадьбы семьи Лесковых, был включен в маршрут экскурсии по литературным местам Орла, а в 1945 году на этом доме была установлена мемориальная доска. С помощью А.Н.Лескова были сделаны первые шаги по увековечению памяти Н.С.Лескова на Орловщине и введении имени писателя в культурный контекст города.

В 1939-1945 года А.Н.Лесков воспринимался сотрудниками музея как консультант, как неформальный научный руководитель. Письма А.Н.Лескова, орловские главы его воспоминаний об отце для сотрудников музея стали бесценным источником биографических, краеведческих сведений. Это отобразилось во всех направлениях музейной деятельности: в научной, экспозиционной, культурно-массовой, в фондовой работе. Благодаря А.Н.Лескову в 1940-е годы фонды музея пополнились ценными материалами – копиями с фотографий из архива Андрея Николаевича. Сотрудники музея продолжили затормозившийся было процесс комплектования лесковского собрания.

Установление общения музея с сыном писателя имело далеко идущие последствия. Оно стало в дальнейшем залогом наполнения собрания Гослитмузея И.С.Тургенева лесковскими реликвиями, поскольку ядром ныне существующего уникального собрания лесковских меморий явилась личная коллекция А.Н.Лескова.

Примечания.

1. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 2025 оф.
2. Там же.
3. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8436/7 оф.
4. Там же.
5. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8255/1 оф.
6. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8436/6 оф.
7. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 2024 оф.
8. ООГЛМТ, Науч. арх., Д №43, л.1.
9. Там же, Д №43, л.3.
10. Там же, Д №72, л.12.
11. Там же, Д №72, л.7.

12. Там же.
13. Там же, Д №69, л.4.
14. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8255/3 оф.
15. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8436/3 оф.
16. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8255/4 оф.
17. Там же.
18. Там же.
19. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8255/3 оф.
20. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8351/2 оф.
21. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8351/3 оф.
22. ООГЛМТ, Науч. арх., Д №77, л.10.
23. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8436/4 оф.
24. Там же, , ф.34, ед.хр. 8436/2 оф.
25. ООГЛМТ, Науч. арх., Д №85, л.3.
26. Там же, Д №85, л.4.
27. Там же, Д №85, л.5.
28. Там же, Д №85, л.14.
29. Там же, Д №85, л.18.
30. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8436/2 оф, ед.хр. 8255/2 оф.
31. ООГЛМТ, Науч. арх., Д №85, л.4, л.14.
32. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8436/2 оф.
33. Емельянов В.Г. Улицы города Орла: История названий. Тула: Приок. кн. изд-во,1986. С.60; Андреева Л. Лесков и Орловский край: Библиографический указатель. Орел, 1980. С.64.
34. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 8255/2 оф.
35. Там же.
36. Там же.
37. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 2032 оф.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же, ф.34, ед.хр. 8436/1 оф.
41. Там же, ф.34, ед.хр. 2027 оф.
42. Там же, ф.34, ед.хр. 8436/1 оф.
43. Там же, ф.34, ед.хр. 2027 оф.
44. Там же.
45. Там же, ф.34, ед.хр. 2031 оф.
46. Там же, ф.34, ед.хр. 8255 оф.
47. Там же, ф.34, ед.хр. 2031 оф.
48. Там же, ф.34, ед.хр. 8436/5 оф.

49. ООГЛМТ, Науч. арх., Д №106, л.2.
50. Там же, Д №106, л.3.
51. Там же, Д №106, л.3 об., л.8.
52. ООГЛМТ, ф.34, ед.хр. 2026 оф.

Н.М. Кирилловская

МУЗЕЙ СОБИРАЕТ ДРУЗЕЙ

Музейный коллектив - это отнюдь не замкнутый круг профессионалов. Жизнь музея, а тем более такого, как музей Тургенева, не мыслима без большого количества людей, связанных общими интересами с научной, творческой, художественной деятельностью коллектива. Так было всегда, свидетельством тому работа знаменитого Тургеневского общества, созданного при музее в 20-е годы. В последующий период это направление в деятельности музея, развиваясь и углубляясь, стало носить всё более разнообразный и действенный характер. Создание концепции новой экспозиции, работа научного совета и фондовой комиссии, написание и рецензирование тематических планов, поиски новых художественных решений экспозиции, издательская деятельность, проведение научных конференций, литературных праздников, вечеров, юбилейных встреч – это далеко не полный перечень того, что просто невозможно осуществить без ученых, художников, искусствоведов, актеров, поэтов и других творческих людей.

У каждого уважающего себя музея есть друзья. Много их и у музея Тургенева. 90-летняя история музея хранит немало имён таких людей. Хочется вспомнить хотя бы о некоторых.

Поистине уникальным явлением в литературно-музейной среде и вообще в культурной жизни Орла второй половины XX века был кандидат филологических наук, член Союза писателей, Заслуженный работник культуры, директор Тургеневского музея, преподаватель пединститута Л.Н.Афонин. Имя Леонида Николаевича Афонаина я услышала еще за много лет до знакомства с ним. Моя мама хорошо знала тещу Леонида Николаевича – Надежду Васильевну Ситникову. Она была зубным врачом, и помнится, как еще в 1945-46 годах я ходила с мамой к ней на прием, и она много рассказывала о своей дочке Ирочке, которая замужем за офицером, орловцем Лео-

нидом Афониним, что он служит в Германии, возглавляет Дом Советской культуры в Берлине, хорошо знает немецкий язык, и вообще, очень и очень культурный человек. Говорила она и о том, что Ирочка много и с радостью помогает своему мужу в его творческих делах, как говорила Надежда Васильевна, она, по сути дела, его референт. Прошли годы. Я окончила школу, уехала из Орла учиться в университет, и эти детские воспоминания как-то отошли в сторону. И вот в 1955 году, когда я стала работать в лекционном бюро областного управления культуры (оно находилось в одном здании с недавно созданным областным Обществом по распространению политических и научных знаний), я официально познакомилась с Л.Н.Афониним. Здесь собирались тогда самые интересные и творческие люди города, был среди них, естественно, и Леонид Николаевич. И хотя я знала о его фронтовой юности, Леонид Николаевич производил на меня впечатление сугубо штатского, глубоко интеллигентного человека. Он скорее даже был похож на чеховского героя, нежели на нашего современника середины XX века. Помню его чаще всего в шляпе или берете, летом – в красивом светлом габардиновом плаще, зимой, как ни у кого, бархатной шапочке с меховой оторочкой, всегда с папкой в руках. Небольшого роста, со стремительной походкой, одно плечо немного вперед. Мне часто приходилось встречаться с людьми, хорошо знавшими Леонида Николаевича: Иваном Ивановичем Ерёминим, в свое время весьма известным орловским краеведом, сотрудником областного краеведческого музея, и преподавателем педагогического института Матвеем Ильичом Песиковым. Первый учился с Афониним в школе, другой – в знаменитом Московском институте ИФЛИ, да и служили они вместе с Леонидом Николаевичем в Германии. Один любил рассказывать о совместной учебе, о начитанности и эрудиции Лени Афонина, вспоминая об орловской жизни 30-х годов, другой – о творческих связях Афонина с Анной Зегерс и другими прогрессивными писателями Германии тех лет. Широкий кругозор и ораторское искусство Леонида Николаевича всегда привлекали к нему большое внимание. Долгие годы, вплоть до его смерти, мы часто встречались на заседаниях правления областного общества «Знание». Как только председатель правления профессор Г.М.Михалев, объявлял, что слово предоставляется Леониду Николаевичу Афонину, так по залу проносился шорох радостного движения, и затем тишина... Действительно и по форме, и по

содержанию это всегда было блестяще. На почве лекционной деятельности у меня дважды случались совместные интересные «походы» вместе с Леонидом Николаевичем, которые памяты и по сей день. Тогда, в начале 60-х годов в городе велась очень большая пропагандистская лекционная работа к 400-летию Орла. Нередко проводились такие коллективные выходы лекторов, которые носили название «устный журнал». Однажды такой журнал должен был проводиться в пионерском лагере в «Железнице», кажется, это был не просто лагерь, а лагерь для пионервожатых. Туда мы и поехали вместе с Леонидом Николаевичем. Я, в то время замдиректора по науке областного краеведческого музея, должна была говорить об истории города, а Леонид Николаевич – о писателях-орловцах. Вместе с юными слушателями я с величайшим интересом внимала словам Леонида Николаевича.

Вспоминается мне, как отмечалось 50-летие директора краеведческого музея Елизаветы Николаевны Кореновой. Гостей было немного: Леонид Николаевич, директор художественного музея И.А.Круглый и директор Мценского музея Г.Ф.Соловьев. Стол «украшал» жареный поросенок, соленые огурчики, в маленьких графинчиках были «вкусности», приготовленные из даров сада. Было весело и очень душевно. В этой обстановке Леонид Николаевич открылся мне еще с одной стороны; он вполне мог сказать о себе: «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо». Однажды я убедилась и в том, что Леонид Николаевич – прекрасный знаток детской психологии. Мы должны были вместе выступать в городском саду. Со мной пошла моя маленькая дочь, ей было года 4 или 5. Я усадила её в первом ряду, а сама вслед за Леонидом Николаевичем пошла к столу, который находился на небольшой эстраде. Пока говорил Леонид Николаевич, моя девочка спокойно сидела на своем месте, но как только начала говорить я, она поднялась и медленно, но уверенно пошла ко мне. Я начала очень волноваться, ибо не знала, что за этим последует. Леонид Николаевич стал меня всячески шепотом успокаивать и действительно оказался прав – она подошла и спокойно все время стояла рядом. Прошло с того времени так много лет, но эти факты до сих пор помнятся...

Особенно часто вспоминается торжественное заседание, посвященное 400-летию Орла. Мы, работники всех музеев города, принимали самое непосредственное участие в составлении письма потом-

кам. Особенно большую роль играл в этом деле Леонид Николаевич. Ему и было поручено зачитать этот текст на торжественном заседании. И когда Леонид Николаевич своим незабываемым, не побоюсь сказать, уникальным голосом произнес слова: «Пусть через 100-летие дойдет до Вас, люди XXI века, наше завещание – берегите родной город, помните о его славной истории, делайте всё, чтобы во веки веков твердо и нерушимо, как Россия, стоял и красовался над Окой древний Орел – наша гордость, наша слава, наша жизнь» зал разразился громом аплодисментов.

Очень памятна для меня встреча с Леонидом Николаевичем буквально через несколько дней после того, как меня назначили директором Тургеневского музея. Он поздравил меня и сказал: «Я очень рад, Нина Максимовна, что назначили Вас. Но у меня к Вам одна просьба: видеть разницу между музеем краеведческим и музеем Тургенева». (А она, действительно, есть). При этой встрече он дал мне ряд очень полезных советов, назвав фамилии сотрудников, на которых я могу положиться в решении всех вопросов. (Это были имена А.И.Понятовского, Р.М.Алексинной, Л.Е.Максимовой, В.В.Сафроновой). Такого характера разговор у нас с Л.Н.Афониным был всего один раз, но надо сказать, что он оказался «пророческим» на все годы моей работы в Тургеневском музее.

...Никогда не забыть похороны Леонида Николаевича, его действительно хоронил народ...

Чаще всего, когда мы говорим об Афонине, то вспоминаем и В.А.Громова. Когда Афонин был директором музея Тургенева, замом по науке был В.А.Громов. Так же как и Афонин, после защиты диссертации он ушел в пединститут. Громов был на десять лет моложе Афонины, это все-таки значительная разница в возрасте. Один был фронтовик, другой в детстве, находясь на оккупированной территории, видел все ужасы войны. Для Громова главным кумиром был академик М.П.Алексеев. В Ленинграде, в Пушкинском доме он чувствовал себя «как рыба в воде».

Когда объявляли, что слово предоставляется Громову, то кто-то обязательно говорил: «Сейчас наш “Златоуст” загремит». Быстрым энергичным шагом, высокий, оживленный, поправляя на ходу волосы, он подходил к трибуне и «с места в карьер» начинал: «Друзья мои...». В руках всегда стопка карточек – выписка из архива... Никто

не смотрел на часы, все внимали... Слушать его было одно удовольствие. Я как-то больше запомнила не теоретические выступления Громова на научных конференциях, а рассказы об отдельных находках в архивах и библиотеках, каждую из них он умел подать великолепно! Он никогда не производил впечатление сухого кабинетного ученого. Да и внешне он был очень демократичен. Я редко видела Владимира Алексеевича в пальто. Если уже только совсем холодно. Чаще всего он был просто в костюме и в болоньевом плаще, как правило, расстегнутом, обязательно с портфелем в руках.

В.А.Громов долго ходил в холостяках, по этому поводу многие «ученые» дамы вздыхали и обсуждали, ну кто же, кто же та единственная, которую он, в конце концов, выберет. Он выбрал искусствоведа Александру Николаевну, работавшую научным сотрудником в музее Изобразительных искусств. Хорошая была пара – и внешне, и по внутренней творческой близости. Умер Владимир Алексеевич Громов 10 лет тому назад, умер внезапно. Незадолго перед этим встретив меня, он, как всегда, воскликнул: «Здравствуйте, голубушка Нина Максимовна, ну пора Вам уже меньше скорбеть о Вашем умершем муже». Кто же знал, что следующим будет он сам.

Мое первое знакомство с В.А.Громовым произошло, наверное, в 1959 году. Город заблаговременно начал готовиться к своему 400-летию. Всевозможную помощь нам оказывали различные московские и ленинградские музеи, в том числе и ленинградский музей этнографии. Его сотрудники захотели побывать в Киреевке. Из Тургеневского музея к ним были прикомандированы Громов и Р.М.Алексина, от краеведческого музея – я. Помню жаркий летний день, жужжащие пчелы, густой малинник и привязанная к цепи лающая собака... Наверное, малина производила на меня очень лакомое впечатление, поэтому, не обращая внимания ни на пчел, ни на лай, я потянулась к малине и вдруг услышала иронично-веселую фразу: «А что, эта малина мемориальная?». Я подняла глаза и увидела красивого высокого молодого мужчину. Это и был В.А.Громов. Мои познания в музейной терминологии в первый год моей работы в музее были не очень-то велики. Я на минуту задумалась, потом вспомнила, что «мемория» - память, значит, он хочет спросить меня, что не от времен ли Киреевских эта малина. «Я думаю, - сказала я, – что корни, возможно, и мемориальные». Владимир Алексеевич громко рассме-

ялся, а вместе с ним и я. Часто я вспоминаю этот эпизод 50-летней давности. Хорошо было – лето, жара, молодость... С Владимиром Алексеевичем было очень легко общаться, он не казался, а был... Вспоминаю, как мы с Р.М.Алексиной в канун 60-летнего юбилея, делали брошюру «Летопись музея». Решили попросить рецензию у Громова. Другой мог бы сказать: «Да мне некогда, это ведь надо внимательно всё посмотреть и т.д. и пр.». Улыбнувшись, он ответил: «С удовольствием», - и буквально на завтра принес свой текст, написанный быстрым крупным почерком, боюсь ошибиться, или на внутренней обложке папки, или на чем-то еще, без всяких формальностей. Годы не идут, а летят, многое стирается из памяти, но хорошее, лучезарное остается, и это память о В.А.Громе. Иногда я видела Громова, когда он пробежал мимо нашего дома в спортивном костюме, отнюдь не фирмы «Адидас», размянувшегося и оживленного. Если мы в такой момент встречались на улице (это было несколько раз), он кивком головы здоровался и бежал дальше. Помню Владимира Алексеевича и совсем в другой обстановке. Забыла в каком точно году это было (но еще была Советская власть), в журнале «Наш Современник», очень известном в то время в литературных кругах, была напечатана статья нашего орловского журналиста Владимира Почечикина, кажется, она носила название «Записки провинциала». Посвящена статья была литературно-культурной жизни Орла. В ней было много критики в адрес властей и в адрес интеллигенции, статья имела большой резонанс, бурно обсуждалась в нашей среде. И вот вскоре меня, Громова, Катанова, Власова, больше никого не помню, может, больше никого и не было, вызвали к Е.С.Строеву, в тот момент первому секретарю обкома КПСС. Нам было сказано, что для аудиенции отведено в пределах 30 минут, что форма беседы будет строго официальной, свои предложения надо вносить без излишних эмоций, в конкретной сжатой форме. Во время нашего разговора несколько раз звонили из Москвы, из ЦК КПСС. Строев извинялся, просил позвонить позже и внимательно слушал нас. Пробыли мы у него не запланированные 30 минут, а полтора часа. Пожалуй, больше всех на той встрече как-то необычно собранно, поделовому, конструктивно держался В.А.Громов.

Уже на протяжении многих десятилетий с музеем связана Галина Борисовна Курляндская – доктор филологических наук, профессор,

Заслуженный деятель науки, тургеновед с мировым именем, Почетный гражданин Орла. Недавно я была на 97-летию Галины Борисовны. Помню ее 70-летие, 90, 95 лет... и вот 97! Достоинство и величайшая мудрость – только этими словами я могла бы охарактеризовать ее «выход» к гостям. Началось не как обычно, традиционно – с поздравлений и славословий. На сей раз первой начала говорить сама Галина Борисовна. Это была речь о Тургеневе, о русской литературе, о смысле жизни человека, затем о людях, сидящих за столом, о себе – ни слова. Галина Борисовна не позволила себе ни разу присесть, хотя говорила довольно долго. Громко, четко, уверенно звучал ее голос, а глубина и ясность мысли могли вызвать у всех только огромное уважение. Потом она спросила у меня: «Было ли видно, что я волнуюсь?». – «Абсолютно нет». – «Но я ведь очень волнуюсь». Внешний вид Галины Борисовны тоже был безукоризнен: темно-зеленая юбка, такого же цвета накидка, отделанная белым пухом, белая блузка, на плечах небрежно наброшенный тончайший белый пуховый платок – «паутинка». Вечер проходил очень красиво: выступления гостей, скрипка, баян – все это было организовано близким другом Галины Борисовны – доктором филологических наук В.И.Костиным. Кульминационным моментом всего было чтение Галиной Борисовной стихов А.Ахматовой. Может быть, я впервые так сильно почувствовала красоту и глубину Ахматовой. Казалось, что мы находимся не на 97-летию, а максимум на 70-летию. Вспоминаются далекие 70-80 годы, когда я неоднократно бывала у Галины Борисовны дома на приемах в честь известных ученых, которые приезжали в Орел на Тургеневские конференции. Это было для меня, по сути, вторым университетом.

Общеизвестно, что Галина Борисовна Курляндская не только крупнейший ученый, но и замечательный организатор, и общественный деятель. Тургеневское общество, общество «Знание», Общество охраны памятников истории и культуры – трудно перечислить всё, куда вносит она свои познания и авторитет. Она до сих пор возглавляет диссертационный совет по литературе Орловского государственного университета. Несколько лет тому назад Галина Борисовна была удостоена звания «Почетный гражданин города Орла». Мне довелось быть на торжественном заседании в Областном драматическом театре, где ей вручались регалии Почетного

гражданина: красная лента, знак, удостоверение и т.д. Ровным, медленным шагом вышла она на сцену. «Почтенный возраст», - услышала я голос рядом сидящего представителя власти. И тут Галина Борисовна подошла к микрофону и заговорила... «Во дает, вот это да!», - произнес с удивлением и восхищением мой сосед. И, действительно, Да, Да и Да!

Просто невозможно представить себе жизнь музея без контактов с художниками. В музее Тургенева ещё до Великой Отечественной войны работал совсем юный художник Андрей Курнаков.... С тех пор его творческая жизнь была связана с музеем и с Тургеневым. Народный художник СССР, бессменный секретарь Союза художников, Почетный гражданин г.Орла и пр. Он до конца жизни подерживал музей во всех начинаниях. Помимо всех его титулов он был просто красивым человеком.

Весьма интересной, как принято говорить в народе, «видной» женщиной, была его жена Александра Павловна – фармацевт, заведующая аптекой. Не желая отставать от мужа, она заочно окончила литфак педагогического института. Поженились они ещё до войны, ей было 19 лет. Во время войны оба были на фронте. Не виделись много лет и даже ничего не знали друг о друге. Но после победы вновь встретились. Помню красавицу Александру Павловну: с улыбкой, вся грудь в орденах, красивая прическа, нарядная, обязательно с перстнями, серьгами, бусами, любительница дружеских встреч и искусства. Талант Андрея Ильича и яркость Александры Павловны составляли очень хороший тандем и для развития его творчества, и, в целом, для создания дружеской обстановки среди орловских художников. 31 декабря 2009 года я вдруг решила поздравить Андрея Ильича с новым годом, обычно я звонила только в день рождения. Трубку взяла его секретарь Валентина Николаевна. Я сказала, что хочу поздравить с новым годом. Услышала, как она громко говорит: «Андрей Ильич, Вас хочет поздравить Нина Максимовна», – через секунду слышу: «Дорогая Нина Максимовна, я так рад, что Вы меня поздравили, мы уже тут сидим, провожаем старый год...» Это был наш последний разговор. 9 февраля 2010 года город с почтением проводил в последний путь А.И.Курнакова. Похоронили его на Наугорском кладбище, рядом со старшим братом Леонидом, сыном Борисом; недалеко – жена Александра Павловна...

Вместе с Андреем Ильичом всегда был кандидат искусствоведения, долгие годы председатель Орловской организации Союза художников, Заслуженный деятель искусств России, первый директор и создатель Орловского художественного музея Игорь Аронович Круглый. Я бы сказала так: «Андрей Ильич Курнаков рисовал, а Игорь Аронович Круглый об этом талантливо писал». Это весьма интересный человек и мужчина: всегда элегантно одет, с подчеркнуто-доброжелательным отношением к окружающим, сдержанной улыбкой на лице – настоящий джентльмен! Его первой работой была монография: «Иллюстрации советских художников» к произведениям И.С.Тургенева (Орёл, 1959 год). Игорь Аронович был неперенным членом фондовых и закупочных комиссий музея, главный эксперт, слово которого было решающим. Он привлекал в музей очень многих художников, иллюстрировавших произведения Тургенева, влюбленных в тургеневский край. Благодаря ему приехал в Орел весьма интересный художник и человек – Иван Михайлович Митрофанов.

По архивным документам 20-х, 30-х годов, по воспоминаниям старых художников я знала фамилии тех, кто стоял у истоков орловской организации художников. Кто-то ещё был жив, например, К.С.Андросов, и я была с ним хорошо знакома, кого-то видела один раз, например, Маревского. Какие-то фамилии для меня казались совершенно забытыми и находящимися в «мире ином». И вот однажды Игорь Аронович Круглый, придя в очередной раз к нам в музей Тургенева (где я в то время была директором), сказал: «Скоро к нам в Орёл придет жить Иван Михайлович Митрофанов, я его обязательно с Вами познакомлю» – «Как Митрофанов, - удивилась я, - разве он жив?» – «Конечно».

Собственно говоря, благодаря И.А.Круглому Митрофанов и вернулся в Орёл. Помню наше первое знакомство. Иван Михайлович был в валенках, теплом полупальто с цигейковым воротником, шапке-ушанке и в вязаных рукавицах. От него исходили флюиды добра, душевности и мягкости.

Потом мы много раз встречались в музее, в Спасском, где он с огромным удовольствием неоднократно гостил. Однажды он привёз оттуда «Поле с незабудками около Спасского усадебного дома». Прелесть!

Была я у Ивана Михайловича несколько раз и дома. Старый дом на знаменитом «Дворянском гнезде». Первый этаж каменный, второй деревянный. Заброшенный двор, скрипящая лестница и довольно большая комната. Сразу всё: и мастерская, и спальня, и кухня. Наверное, это жилище и было дано ему государством под мастерскую. Окна выходили не на улицу, а на лестницу, так что всегда был полумрак. Как-то, перехватив мой взгляд, обращенный на висящие на стене работы, Иван Михайлович спросил: «Нравится?» - «Очень» - «Выбирайте. Что нравится больше всего, подарю». Мне очень понравились две вещи. Начало осени, убранное поле, три снопа и совсем вдалеке маленькие домики. На другом – глубокая осень, какое-то мрачно голубое небо, пожелтевшее дерево с почти опавшими листьями и вдали покосившийся домик. Я переходила от одного пейзажа к другому и никак не могла отважиться что-то сказать. Наконец, решилась: «И та, и другая». Иван Михайлович решил подарить мне дерево с домиком и тут же обещал нарисовать мне и снопы. Я ушла, радостная от такой щедрости. Каково же было мое удивление, когда через довольно непродолжительное время появилась Иван Михайлович с специально нарисованной для меня картиной.

Мы с дочерью решили, что надо обязательно испечь для него хороший торт, так и сделали. Когда я пришла со своим подарком к Митрофанову, он рисовал «цветущий клевер» - весело, мажорно, красиво. Поблагодарив меня за торт, он тут же сказал: «Нарисую и для Вас». И сдержал слово. Вот такой он был человек - Иван Михайлович Митрофанов. Его работ немало и у многих горожан, и в музеях. Он передавал свои работы музею и в дар, и на закупки.

Особенно помнится приобретение музеем его большой картины – «Портрет монахини». Настоящим «адвокатом» этой закупки выступал И.А.Круглый. Мы сразу все решили, что этот портрет может служить хорошей иллюстрацией ко многим тургеневским образам. Я для себя так его и назвала «Тургеневская девушка». На наш вопрос о том, кто все же на портрете изображен, И.М. отвечал туманно и загадочно. Уже на сам м заседании закупочной комиссии Р.М.Алексина сочла нужным шепотом сказать мне: «А знаете, Нина Максимовна, я думаю, что на портрете Елизавета Фёдоровна». Теперь, когда про-

шло столько лет, и Великая княгиня Елизавета Фёдоровна причислена к лику святых, а портреты её всюду и везде, оказалось, что Раиса Митрофановна была права. Вообще вокруг этого портрета было немало легенд. Кто-то говорил, что портрет написан Юоном (Митрофанов был его учеником), а лилии написал Митрофанов. Кто-то говорил обратное, теперь уже не помню. У многих музейных экспонатов есть свои легенды... Прошло уже столько лет, ушли из жизни многие люди, причастные к судьбе этой картины. От этого портрета, написанного И.М.Митрофановым, веет такой духовностью, благородством, вечным, что просто диву даешься!

Работая в музее, приходилось общаться со многими художниками. Хочется вспомнить брата А.И.Курнакова Леонида, очень талантливого художника, к сожалению, рано ушедшего из жизни. Его скульптура «Тургенев с собакой» до сих пор стоит на Орловском вокзале. А картины, написанные в содружестве с братом, часто демонстрируются на музейных выставках. Есть в музее и работы скульптора Б.Д.Бологова. Нельзя не вспомнить о Г.В.Дышленко – участнике боёв за освобождение Орла в 1943 году. Тогда он, молодой боец, познакомился в освобожденном Орле с девушкой, на которой потом и женился. Он часто бывал у А.И.Понятовского и со своими работами, и просто в гостях. Какое-то время Дышленко был председателем Орловского отделения Союза художников. Но он совершенно не был, как мне думается, ни чиновником, ни службистом. Это просто был очень хороший художник и хороший человек.

С музеем долгие годы был тесно связан В.А.Дудченко. Это был прекрасный человек, замечательный художник: пейзажист и лирик. Всегда спокойный, уравновешенный, с лучистым взглядом серо-голубых глаз, скромнейший из скромнейших. Помню, на моё 50-летие он принёс мне в подарок картину «Пруд в Спасском». Прошло уже столько лет! Поистине, «сколько воды утекло», а я каждый день смотрю на голубовато-сиреневые тона этого пейзажа, на склонившиеся над прудом желтые, зеленые, коричневатые деревья, на лунную дорожку на воде.

Большим другом музея был Владимир Ильич Каськов, всем нам хорошо известный как дизайнер. Он как-то подарил мне небольшой этюд «Весна в Спасском». Все зелено, все бушует.... Таким в принципе был и сам Владимир Ильич.

А как не вспомнить добрым словом М.Е.Долгоноса, его замечательный эскиз доски на гостинице «Иордан», посвященной Тургеневу. Да и другие работы.

Жанна Анатольевна Травинская, как я считаю, прекрасная керамистка, яркая, творческая натура, которая в одинаковой степени и красиво лепит, и красиво говорит, и пишет. Много её работ в музее.

Научные сотрудники плюс художники, оформляющие музей, – это и есть музей. Н.Г.Тюрин был самым первым, кто в орловских условиях начал «старить» для изготовления копий пожелтевшую бумагу, которую он еще обрабатывал и чайной заваркой. Он мог сделать любую грамоту не только 19-го, но и 18-го века. Мы честно писали в этикетке – муляж. И как человек, и как умелец он был первый среди художников, которые оформляли музейные экспозиции. Довнарлович, отец и сын Ширококовы, Симаков, Перепелица, все они – классные мастера. Ушли из жизни Каськов и Долгонос – художники, которые делали эскизы наших экспозиций, светлая им память.

В те времена не было никаких дизайнерских частных мастерских, все эскизы оформления, хоть для детского сада, хоть для ресторана, заказывали только в мастерских Художественного фонда. Они находились на Посадской улице: повсюду курили, играли в шахматы, пили чай., но в нужный момент всегда была деловая обстановка. Возглавлял все это большое и разнообразное творческое содружество, состоящее из художников, скульпторов, резчиков, столяров и других мастеровых людей, В.Т.Никушев. Бывший моряк, полковник, и даже, как говорили, контрразведчик, ходил он всегда в строгом костюме с галстуком и не очень позволял себе расслабляться. Стоило ему взглянуть на своих подчиненных, как кругом закипала работа: клеили, строгали, рисовали эскизы, писали лозунги., в принципе, он был добрый человек.

Никушева сменил Н.Ф.Остапенко – тоже полковник, только летчик. Человек он был очень веселый, общительный, но дисциплину держал. Умер он недавно, дожив до 90 лет.

Вообще, в Художественном фонде было много бывших военных. С музеями были тесно связаны оформители Н.Д.Овсяников, В.Л.Мелехин. Одного все называли «капитан», другого «майор». Долгие годы я думала, что это просто шутка, и только через много

лет, когда я уже стала работать в Музее истории орловского танкового училища, я узнала, что они действительно были выпускниками этого училища. Среди художников, связанных с музеем, было очень много интересных людей, обо всех и не скажешь. Хотя хотелось бы.

Истинным другом музея Тургенева был московский художник-график, по происхождению из старых орловцев, Алексей Иванович Мищенко. Я познакомилась с ним давно, ещё во время работы в краеведческом музее. Его появление в музее всегда было похоже на праздник. Элегантный мужчина в возрасте за 60..., всегда в черном бархатном берете и с фотоаппаратом через плечо. Он неизменно улыбался, целовал руку, что называется, сама «светскость». А главное - очень талантливый график, иллюстратор изданий многих литературных музеев страны, в том числе и известной книги Л.Н.Афониной «На родине Тургенева».

Он начинал в молодости работу художником в «Орловской правде» и принадлежал к плеяде «синеглазников» - «мы – синеглазники, мы – профсоюзники»... то, что уже в моё время носило название агитбригады. Приезжал он в Орёл и для творческих зарисовок, особенно тургеневских мест (великолепно получалось у него Дворянское гнездо), и в гости к двоюродному брату – Вячеславу Николаевичу Доброславскому, заведующему общим отделом облисполкома, человеку, тоже не лишённому определенных творческих наклонностей. Довелось мне в 1981 году вместе с Р.М.Алексиной и И.А.Костомаровой быть у А.И.Мищенко в гостях в обычной 9-этажке на станции Сходня. Я почему-то думала, что он живет где-то в старой части Москвы, а оказалось, что вообще в пригороде. Была Масленица, на платформе продавали подснежники. С небольшим букетиком цветов мы пришли в гости. Современная московская малогабаритка, а внутри – старый Орел, фотографии, альбомы, рисунки..., на столе блины с топлёным маслом, икрой, селёдкой, вареньем, мёдом – выбирай каждый на свой вкус.... Прошло без малого 30 лет, а как будто было вчера...

Трудно представить себе музейную жизнь без литературных праздников, вечеров, без творческих взаимосвязей с писателями. Наверное, ближе всех (и по сей день) я всегда была с В.М.Катановым. Мы познакомились ещё в 1959 году, когда он работал в «Орловском комсомольце», был там заведующим отделом культуры, а я была

внештатным заведующим этого отдела. Нередко вместе выступали, да подчас и писали за двумя подписями.

В 70-е годы он стал председателем областной писательской организации. Как правило, музей и писатели вместе организовывали многие литературные праздники. Писатели, используя свои связи с писательскими организациями Москвы, Ленинграда, Тулы, Брянска и других городов, приглашали в Орёл и в Спасское много гостей. Помню В.Кожина, В.Бокова, В.Соколова, Ф.Кузнецова, Л.Озерова, А.Дементьева., выступали и наши местные: В.Дронников, И.Александров, И.Крохин. А.Логвинов и другие.

Помнится, как однажды, по инициативе Василия Михайловича Катанова, мы поехали в Новоселки искать место, где можно провести праздник, посвященный А.Фету. Был жаркий летний день, трава буквально по пояс, да мы ещё взяли с собой в эту поездку дочек – Катанов – Машеньку, а я Аню. Ходили долго, но, наконец, выбрали нужную полянку. В 1976 году в Новоселках был проведен первый Фетовский праздник поэзии. А потом в Яковлеве – Благининский. Тогда это было внове, а теперь – традиция. Мы много общались с Катановым по проблемам сохранения дома Лизы Калитиной и Дворянского гнезда. Памятны мне совместные поездки с ним в Москву на заседания оргкомитета по подготовке к 150-летию со дня рождения Н.С.Лескова. Василий Михайлович очень не любил метро. Он мне говорил: «Зачем спускаться под землю, давай поверху». Так и шли «поверху» без всякого транспорта, сначала в Ленинку, потом на Кузнецкий мост, в крохотный магазинчик – «Лавка писателя», где книги продавали только по билетам Союза писателей. Брал Катанов книги и для меня. Давно всё это было – и молодость и книжный дефицит... Теперь Катанову скоро 80, живет в основном в родных Фоминках, недалеко от Орла. Но когда видимся, рады встрече.

Много приходилось общаться и с другими орловскими писателями: Н.Перовским, В.Ерёминим, И.Рыжовым, Г.Поповым, А.Лысенко. Кого-то из них уже нет, но и ушедшие, и здравствующие всегда были истинными друзьями музея.

Своя страница взаимоотношения с актёрами. Связи с ними берут своё начало издавна, со времен Л.Н.Афонина и А.И.Понятовского. Помню, как в начале 70-х годов к Александру Ивановичу Понятовскому часто приходили легендарный гример областного театра

К.М.Крестьянкин, работавший в театре ещё в дореволюционное время, режиссер Х.А.Горин, старейшая актриса Е.И.Огинская, театральные художники М.А.Рохлин и А.И.Новиков и многие другие. Приносили и дарили афиши, программы, фотографии (многие из которых находятся в экспозиции, используются на выставках), делились своими воспоминаниями, встречались с научными сотрудниками, советовались, как лучше поставить спектакль по Тургеневу, Андрееву и другим писателям-орловцам. Заходили они не на минутку, не наспех, часто был чай с простыми конфетками и душевная беседа.

Шло время, уходили из жизни одни актеры и режиссеры, появлялись другие, но связь с музеем не прерывалась. Очень памятна для меня подготовка к 150-летию со дня рождения Н.С.Лескова. Наряду с музеем большой вклад в этот юбилей внёс и театр. Чего только стоит постановка «Грабежа». Главный режиссер театра (в ту пору Л.Ю.Моисеев), ведущий актер П.С.Воробьев, буквально целые дни проводили в музее Лескова, впитывая в себя лесковскую ауру. Спектакль получился прекрасный. Его ставили и в Колонном зале Дома Союзов в Москве, где проходил юбилей Лескова. Спектакль этот не сходил со сцены Орловского театра долгие годы, и это была общая заслуга и актеров и их консультантов – сотрудников музея Лескова во главе с заведующей музеем Р.М.Алексиной. Пользовался успехом и другой лесковский спектакль в совместной работе театра и музея – «Расточитель».

Нельзя не вспомнить про такие тургеневские спектакли, как «Нахлебник», «Провинциалка» и особенно «Последний колдун». Эта пьеса буквально была возвращена из небытия при участии заведующей Тургеневским музеем Л.А.Балыковой и поставлена на сцене Орловского театра. «Последний колдун» ставился много раз в музеях Тургенева в Орле и в Буживале, во Франции. У всех вызывала восторг эта малоизвестная пьеса в постановке режиссера Б.Н.Голубицкого, игра актеров П.С.Воробьева и А.А.Магдалинина – истинных друзей музея.

Среди артистов, подлинным любимцем всех музейщиков города долгие годы был безвременно ушедший из жизни актер театра «Свободное пространство» Владислав Трахтенберг. Кажется, он принимал участие во всех музейных вечерах. Кудрявый брюнет, с

черными горящими глазами, с неизменной гитарой в руках... Гусар, да и только... Он часто выступал с чтением Тургенева, но особенно любил исполнять романсы на стихи Фета, Тютчева, Апухтина... Я не могла спокойно слушать, когда он пел апухтинское «Были когда-то и мы рысаками...». Помню нашу последнюю встречу. Я готовилась к очередному юбилею и где-то в районе областной больницы встретила Влада. «Ты, конечно, как всегда придешь?» – спросила я его. «Нет, - ответил он мне, – я очень болен и ложусь в больницу». А через некоторое время я была среди тех, кто провожал Влада в последний путь. Огромное количество людей пришло в театр «Свободное пространство». Они заполнили зал, коридор, вестибюль, стояли на улице. Я попала в зал. На сцене весь в цветах стоял гроб. Друг Влада и большой друг музея Рахим Рахманов, стоя близ гроба, играл на скрипке. Под эти звуки и под аплодисменты зала проводили в последний путь Влада Трахтенберга.

За долгие годы работы в орловских музеях мне пришлось видеться, общаться, вместе трудиться с большим количеством людей. О многих я уже писала ранее. В «Краеведческих записках», в «Тургеневских ежегодниках», в «Тургениане», в сборниках серии «Говорят дети войны» и т.д. Я взялась за нелегкую работу: рассказать, в силу своих умений, о моих современниках. Те, кого, к сожалению, уже нет, не смогут меня ни в чем упрекнуть. А вот здравствующие могут на что-то и обидеться. Наверняка так и будет. Что хочу сказать в своё оправдание. Не обижайтесь на меня. Как говорят художники, «я вижу так». Спрячусь за эту фразу.

*Литературная
гостиная*

*Ансамбли «Калиновый садок» и «Взойди, солнце!»
на Именинах у Тургенева. 20 января 2009 г.*

Детский утренник «О чём поют птицы» в Лектории музея. Март 2009 г.

РУССКИЙ ЯЗЫК БОГАТ И МОГУЧ

Мне тринадцать лет. Я добросовестно изучаю русский язык в школе и старательно совершенствую свои знания. С этой целью участвую в предметных олимпиадах, конкурсах, много читаю дополнительной литературы, посещаю литературный кружок. Занятия кружка – это часы увлекательного и напряженного умственного труда, обогащающие меня интересными и разнообразными знаниями по языку. Я осознаю, что мир слов не менее интересен, занимателен, сложен, чем всё окружающее меня. Ещё наш великий и талантливый Иван Бунин писал:

*Молчат гробницы, мумии и кости,-
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.*

Я стараюсь прислушиваться, когда звучит правильная, красивая речь. Посещая всевозможные экскурсии, театры, концерты, встречи с интересными людьми, я стараюсь вникнуть в каждое слово говорящего. Чиста и совершенна речь экскурсоводов – и сразу понимаешь, к чему надо стремиться. Моя речь с каждым днём становится грамотнее, чище, не содержит слов-«паразитов». Устные ответы просты и понятны, письменные работы не содержат орфографических и пунктуационных ошибок, речевых недочётов и грамматических казусов. Со мной, надеюсь, приятно общаться преподавателям и одноклассникам. Знание языка значительно облегчает учёбу. Спасибо тебе, русский язык!

Каждый из нас, вероятно, помнит тургеневское стихотворение в прозе «Русский язык», где писатель гордится тем, что такой язык

дан великому народу. Ведь язык – основа духовной культуры, он осуществляет связь времен и поколений.

Русский язык отличается поразительной жизнестойкостью. Ещё во времена Киевской Руси, в десятом-двенадцатом веках, он уже охватывал огромные территории. На этом языке писали литературные труды и усердные монахи, лишь изредка ставившие своё имя на рукописях, и великий государь всея Руси Иван Грозный, и посланный на Север Даниил Заточник, и мятежный протопоп Аввакум; на нём сочиняли, как свидетельствуют найденные археологами берестяные грамоты одиннадцатого-пятнадцатого веков, свои деловые письма и записки простые крестьяне. Книги дошли до нас, мы их любим, как спутников жизни, как неиссякаемый родник знаний и света, как верных друзей. Многие думают, что магнитофон, телевизор, компьютер, радио заменят, вытеснят книгу, журнал, газету. Книга есть и будет основным фундаментом жизни народа. Чёрные оттиски букв на белой бумаге, листы, собранные в книгу, – лучшее, универсальное хранилище мысли, вдохновляющий источник новых идей.

В русском языке мы выделяем повседневную русскую речь и церковнославянский язык. Благодаря церковнославянскому языку, возникло обилие синонимов, начало рождаться много слов с отвлечёнными значениями. В нашем языке есть такие выражения, которые надо понимать не только в прямом, но и в переносном смысле. Например, «прочитать от корки до корки», «работать спустя рукава» и другие. Язык насыщен фразеологизмами, употребление которых в речи делают её сильной, яркой, меткой, убедительной. При помощи фразеологизма можно сказать коротко о многом. Например, «водить за нос», то есть обманывать кого-либо, «дрожит, как осиновый лист», то есть сильно испуган, «надулся, как мышь на крупу», то есть обиделся. Так сложился один из богатейших языков в мире. Русский язык, по словам Гоголя, есть сам по себе поэт. Ломоносов, положивший краеугольный камень в отечественную лингвистику, находил в нашем языке «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Русский язык достоин любви и пристального внимания. Читая русских поэтов, мы восхищаемся, как красива, богата и разнообразна наша русская речь. Красота поэтического слова безгранична у мно-

гих наших великих поэтов, таких, как Пушкин, Лермонтов, Тютчев и других. Ну на каком ещё языке можно с такой любовью описать простую крапиву, как описал её Есенин:

*У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром»!*

А Бунин воспевал грозу:

*Как ты таинственна, гроза!
Как я люблю твоё молчанье,
Твоё внезапное блистанье,-
Твои безумные глаза!*

Читая хорошую книгу, я приобретаю нового друга, а перечитывая, встречаюсь со старыми. У меня много друзей. Мои сверстники постоянно обращаются ко мне за помощью. Как правильно написать? Как лучше сказать? Я абсолютно не горжусь своими знаниями, стараюсь помогать легко и незаметно. Мы часто собираемся, общаемся, обсуждаем новинки литературы. Если бы речь наша была скучна и однообразна, то подобные встречи утратили бы свою ценность, мы вскоре надоели бы друг другу и оказались бы разобщены. Умение слушать и поддерживать разговор – это дорогого стоит. Спасибо тебе, русский язык! Ты помогаешь мне приобретать интересных друзей. Общение с членами моей семьи требует особого речевого мастерства. Обсуждение, убеждение, доказательства, логика и весь арсенал русского языка стоят здесь на службе общения. Здесь выплёскиваются наши чувства и эмоции. Здесь мы – поэты и прозаики, комики и трагики. Но главное, чтобы были взаимопонимание и любовь, выраженные добрым и мудрым словом. Воспитывая своих детей в будущем, я постараюсь привить им любовь к родному языку, как когда-то это сделала моя мама.

К сожалению, не все понимают, что жизненный и профессиональный успех зависит от знания русского языка. Но осознание этого обязательно придёт к каждому из нас, лучше, если раньше.

Спасибо тебе, русский язык!

ПАМЯТИ ДРУГА***

*Смолк телефонный автомат,
Закончены переговоры,
И память устремляет взгляд
В былые дружеские споры.*

*Умолк бездушный телефон
И оборвались наши речи,
И памятью со всех сторон
Встают былые наши встречи.*

*Тех дней благословенных жаль,
Хмельной студенческой свободы.
На сердце легкая печаль...
Мы были счастливы в те годы.*

30.4.06

*Милый друг, от юбилеев
Не уйдешь, как от судьбы.
Не стареем мы, а зреем,
Жаль, что зрением слабы.
Вспомни гул шестидесятых,
Шум пирушек, блеск речей,
Дни желаний невозвратных
И бессонный без ночей.*

*А часы в библиотеке
И в архивной тишине
Подружили нас навеки:
Я в тебе, а ты во мне.*

*Ты все десять семилеток
Шел дорогою прямой.
Не свернешь и напоследок,
Русский житель коренной.*

19.10.06

*Пройдя за Спасским-Лутовиновым
Тенистый парк, где старый пруд,
Гуляем памятной долиною,
Где травы – шелк и изумруд.*

*И мнутся в них следы Тургенева,
Повсюду аромат цветов,
Да звон в ушах от зноя летнего
И тени нет между кустов.*

*Спешим укрыться в ближней рощице
От обжигающих лучей.
Там есть родник: за ним полощется
Холодной влагою ручей.*

*Мы пьем живительные соки...
Земля здесь источает мощь.
Здесь прошлое дает уроки
Среди полей и белых рощ.*

12.3.07

*Давай пройдем по этажам филфака,
Где коридоры далеки,
Где потайны уголки,
Где было все: от слез до брака.*

*Гранит науки грызли мы,
Острили свежие умы,
Не забывая о пирах, однако.
Давай пройдем по этажам филфака.*

*Мы вместе вышли к знанию и свету,
Покинув мир невежества и мрака.
Сегодня вспоминая дружбу эту,
Давай пройдем по этажам филфака.*

6.6.07

*Когда росли, учились и мужали,
Нам все казалось – счастье впереди.
Весна и лето быстро пробежали,
Осталась грусть осенняя в груди.*

*Друзья, подруги, встречи и свиданья...
Но счастья мы не замечали в них.
Не знали мы, что счастье – ожиданье,
И краток путь – неповторимый миг.*

*Теперь зима. А счастья нет как нету,
Но оглянись на розовую даль
И различишь там счастье по приметам,
А нам остались дружба и печаль.*

27.10.07

*Ушли в неведомую даль.
Зачем – никто не даст ответа.
А нам оставлена печаль,
Как тень прощального приветя.*

*Но будем благодарны тем,
Кто нашу жизнь осмыслил дружбой.
Пока мы живы, мы стоим
Перед судьбою непослушной.*

7.11.08

ЧИТАЯ РОМАН ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»

*Давно, в студенческие годы
Читали мы с тобой роман,
Как могут быть мечты бесплодны,
Как меж людьми царит обман.*

*Как в нас сильны непониманья,
Сойдясь, расходимся навек;
Как ненадежны наши знанья,
Как бесприютен человек.*

*Как бесполезны упования,
И как скорбит высокий дух.
Сквозь дым доносятся рыдания:
То плачешь ты или твой друг.*

13.11.08

Антон Бушунов

ОСЕННИЕ ЗАГОТОВКИ

*Грачи летят, позируя Саврасову,
А одному знакомому поэту
Октябрь небрежным почерком набрасывал
Свои неочевидные приметы...*

*Штрихи, пеньки, зачёркиванья, прочерки,
Крючок, автограф, клякса, запятая...
Такой сезон – косою и неразборчивый,
Как говорится, осень золотая.*

ПРОБУЖДЕНИЕ

*Пахнет в натопленной комнате
Старческим скованным бытом..,
Валокордином и копотью,
Пылью, латынью, ивритом...
Больше и пахнуть здесь нечему –
Стол и намоленный угол...
Вместе с душой незалеченной
Запахи бродят по кругу.*

*На ледяном подоконнике
Лезут в кормушку синицы.
Женищина роется в соннике –
Надо ж такому присниться!..*

*Ищет, бормочет да кается.
Что-то над лампою кружит...
Это душа опускается
Нехотя в спящего мужа.*

ПЕСЕНКА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ

*«Мой город, городочек, городишко,
Присыпанный снежком шероховатым,
Небрежно обозначенный на карте,
Уткнувшийся в обглоданный кустарник...*

*Ещё вот-вот – и тучи разойдутся,
По городу, смотри, ползёт улыбка.
Летит старушка на воздушном шаре
В погоне за мурлыкой околевшей.*

*Цирк-шапито приехал на гастроли,
Мальш к отцу вскарабкался на шею.
И не беда, что кашляют медведи
И сплетничают клоуны в антракте».*

*А мой лирический герой уходит
И песенку свою он допевает:
«Ларёчек с аппетитной сухомяткой,
Кинотеатрик с вычурным названьем.
Мой город, городишко, городочек.,,
Припудренный стишком белесоватым».*

Бэньши Габриэх

СУДЬБУ НА РОЯЛЕ...

*Играю судьбу на рояле
красными пальцами.
О композитор! Придумал ты бешеный вальс.
Чёрное – белое – обморок –
все позабыто.
Как же печален немой запыленный рояль!
Бьюсь и сбиваюсь, и ритм изменяется волнами
В море событий, ключей,
уготованных
мне.*

Рвутся и рвутся.

Порвались

за струнами струны.

Голос замолк, но не дам,

но не дам ти ши не

Заполнить это буйное тело из дерева.

Пальцы стучат беспощадно – лишь тень, а не звук...

Стук! Это стук – так стучит, так стучит мое сердце...

Но почему уходящим он сделался вдруг?!

Вот опрокинула враз эту крышку на красные

Гласные теплые пальцы, игравшие музыку.

Что-то еще долетает нетленно дрожащее,

Но остывает,

слетает

и линия пульса на клавишах ровная...

ПРО ПАРИЖ

В этом воздухе звуков сплетенья,

В нем парит и им дышит романтика.

Карусели, парочки, рвения и томления,

И желанья.

Эти сонные чувства разбужены

В желто - розовой дымке реальности

И весною нам головы вскружены

И пропали мы в безвестии каменной.

От французов, накормленных сыром

И горячими круасанами,

Веет чем-то кокетно-игривым,

Им любовь не дает быть усталыми.

В переулках широких домов

Кафетерии и ресторанчики

Нас берут на крючок – их улов –

Запах блюд – лишь облизывай пальчики.

И с балконов свисают цветы

И из окон они распускаются.

Пой Париж, пой Париж и цвети

Ты же можешь, и нам это нравится!

* * *

*Отпустив мечту тяжелую,
Подлетаю с грустью сильною.
И печаль, и легкость с горечью
Обволакивают бережно.
Разорву объятья смутные,
И открою очи месяцу,
И, покинув ту, дремучую,
Стану новою, что светится.
Что же грянет в дальнем будущем?
Но идти тропой лунною,
Да по водной безмятежности,
Да под звездами на пышущем
Одеяле неба черного.*

Владимир Ермаков

ПРОМОТАВШИЕСЯ ОТЦЫ И ОБМАНУТЫЕ ДЕТИ

Представьте себе, что Евгений Васильевич Базаров, герой известного романа, умер вовсе не так, как вы думаете. И то, - зачем ему было умирать до времени, да еще по такой нелепой причине, как неосторожное заражение при вскрытии трупа никому не нужного мужика, скончавшегося от тифа? Наш доктор хоть и нигилист известный, да ведь умен чертовски и опытен, притом врач до кончиков ногтей. Того бедолагу он разделал для практики как пресловутую лягушку, в пять минут и по всем правилам. Не извольте беспокоиться... Да ведь Иван Сергеевич Тургенев, знаменитый на всю Европу литератор, тоже знал свое дело отменно, и чтобы превратить нехитрую житейскую историю в интеллектуальный бестселлер, героя своего, к тому же нелюбимого, он охотно принес в жертву романтическим ожиданиям. А как иначе тронуть наше ленивое сердце?

На самом деле все было куда как проще. Получив афронт, Базаров пошел в запой, как и полагается русскому разночинцу. Год-другой не просыхал, уж руки дрожать начали, да попалась ему как-то в руки книжица... Догадываетесь, какая? Правильно. Роман «Отцы и дети», сочинение И.С.Тургенева. Тут его такое зло разобрало, что

хотел он было автора на дуэль вызвать, пистолет бросил, чтоб руке твердость вернуть. Адрес сочинителя поехал узнавать у Одиной. Тут-то все и случилось. Покуражилась Анна Сергеевна еще чуток, как положено *émancipée**) – да и пошла за него замуж. Не зря в подготовительных материалах к роману Тургенев проговорился: *есть Рудинское в ее натуре*. Вот и решилась она на такой мезальянс, чем еще раз с явным удовольствием эпатировала общественное мнение. Потом, правда, пожалела – да куда уж было деваться: сын родился. Назвали Сергеем, в честь покойного деда. Воспитывали его сами понимаете как... В тех же черновых заметках Тургенев отмечал, что Базаров *с отцом обходился по-панибратски; с матерью не без насмешливости*. То же и Сереженька. Балованным, надо сказать, вырос. Отцовской плебейской закваски стыдился, материнской старомодной экстравагантности стеснялся. Правду сказать, от рук совсем отбился. Отцу было не до него: захваченный в годы реформ общественным подъемом, он сделал неожиданно хорошую карьеру, а когда при Александре III оказался не у дел, найти с сыном общего языка уже не сумел. Сергей Евгеньевич был, к полному разочарованию отца, что называется, светским хлыщом и полным циником. Унаследовав материнское состояние, он пустил его по ветру, и после скорострительной смерти отца, доживал век на его трудовые деньги. В ранней молодости Сергей Евгеньевич как-то глупо женился и даже родил сына, названного в честь знаменитого романиста Иваном, но с женой скоро разъехался и чаду своему никакого внимания не уделял. Иван Сергеевич Базаров рос угрюмым и замкнутым. Отца тихо ненавидел за бездушность и молча презирал за никчемность, и, должно быть, в пику ему бросил курс университета и ушел в революцию. Скрываясь в подполье после неудачного покушения на какого-то несчастного царского сатрапа, Иван сошелся с хозяйкой конспиративной квартиры, которая родила ему близнецов, названных в честь прадедов: Василием и Сергеем. Век им выдался тот еще... Оба сынка отцовского идейного (а другого никакого не было) наследия не приняли. Старший, Василий, кончив гимназию, пошел вольноопределяющимся на случившуюся кстати германскую войну, где сразу выделился из сверстников острым базаровским умом и решительностью, и по фронтовым обстоятельствам скоро вышел в офицеры. Не то младший. С той же холодной яростью отрекаясь от романтической революционности отца, в начале века загнувшегося в знаменитом Орловском каторжном центре от скоротечной ча-

хотки, Сергей подался к большевикам. Дороги братьев пересеклись только однажды – осенью 1919 года под Орлом. Старший командовал эскадрой ахтырских гусар, разбивших вдребезги наспех сколоченный рабочий отряд, а младший, член Реввоенсовета 13 армии, приказал расстрелять уцелевших пролетариев как дезертиров. Так в испуганных глазах безымянных жертв братоубийственной войны в недобрый час встретились их отражения. Дальше их пути расходятся навсегда. Скорее всего, старшая ветвь базаровского рода привилась где-нибудь в дальнем зарубежье и уже в третьем поколении не помнит почти ничего о своем отсеченном русском корне. А младшая генеалогическая линия следует параллельно генеральной линии партии и колеблется вместе с ней. Сергей Иванович Базаров, наверняка вошедший в историю гражданской войны под партийным псевдонимом, был в годы террора репрессирован и скончал жизнь в северных лагерях. Сын врага народа, опять же Иван, рожденный в годы НЭПа, от отца своевременно отсекся, и этот разумный шаг дал ему возможность с честью погибнуть за *Родину, за Сталина* в августе 1943 года на подступах к Орлу. Вдова недолго плакала над похоронкой. Надо было жить, растить и ставить на ноги детей – малолетних Ивана, Евгения и Василия. Безотцовщина... Что с ними стало? Иван вступил в партию и вышел в начальники. Евгений спутался со стилистами и спился с круга. Василий стал диссидентом и по иронии судьбы отсидел первый срок в том же лагере, где сгинул дед. В августе 1991 Иван и Василий оказались по разные стороны баррикады у Белого Дома, а Евгений по пьянке пуч ГКЧП попросту пропустил. Их же дети, перечислять которых нет никакой надобности, вошли в ум в годы перестройки и на всю предыдущую историю смотрят с полнейшим равнодушием. Наследственный базаровский нигилизм дождался, наконец, подходящей эпохи и воплотился в полноте в несколько частных историй в новорусском стиле...

Вот такая долгая присказка. Что же до сказки... На сказки я не мастак. А вот мораль из этого сюжета – если в нем есть моральное содержание – стоит попытаться извлечь. Даже если она, эта самая мораль, будет сильно отдавать нигилизмом.

Вышеизложенная вымышленная генеалогия суть простая проекция течения отечественной истории на вероятную семейную хронику нескольких поколений русской интеллигенции. Своего рода социологическая модель, на которой можно продемонстрировать некоторые закономерности общественного развития. А именно:

стержень русской истории последних столетий представляется как цепь разрывов. Конфликт отцов и детей, то хронический, то острый, периодически сотрясает основы общества. Каждое последующее поколение строит свое самосознание на отрицании предыдущего. Такая вот трагическая наследственность. Своего рода эдипов комплекс русской истории. Естественный протест молодости против устаревших обстоятельств места и времени принимает радикальные формы и происходит как сыновний бунт.

Отчего так? Бог весть. Может быть, таким образом проявляется узел противоречий, завязавшийся намертво в глубине нашего менталитета. Естественное чувство национальной гордости путается с ощущением цивилизационной неполноценности относительно процветающей Европы. Этот узел натирает холку коренника в лихой русской тройке, оттого она шарахается из стороны в стороны. Началось, по-видимому, с Петра Великого. А после него что ни переворот, то новый поворот оглоблей. Посмотрите по школьному учебнику, как менялось направление всей русской жизни от Анны Иоанновны к Елизавете Петровне, от Екатерины Второй к Павлу Первому, как по-разному правили три Александра и два Николая. Досадное отставание от передовых стран Запада подстегивало правящие элиты то форсировать прогресс, то сворачивать с большака на особый русский путь. Каждый такой рывок вызывает истерический надрыв духовных сил и бесплодное истощение человеческих ресурсов. Невозможность последовательно, от поколения к поколению, транслировать высшие ценности и наращивать национальный потенциал, лишает общественную деятельность позитивного смысла. Доведение всякой разумной идеи до крайности приводит к дискредитации каждой эпохи и, как следствие, к дискретности истории. Устаревшая риторика отцов вызывает у детей рвотный рефлекс. Первым, кто почувствовал этот алгоритм разрывов, был гениальный поэт Михаил Лермонтов: *Богаты мы, едва из колыбели, Ошибками отцов и поздним их умом...* Перенапряжение сил на возвратное движение заводит обманутых детей в другую крайность. Если история, как полагали классики марксизма, развивается по спирали, то на каждом витке нашей истории как бы происходит срыв резьбы. Вот и теперь... Поколение next **), generation П ***), - или как они, наши блудные дети, еще себя называют, делает все возможное, чтобы отделиться от нас, провести границу во времени. И не просто границу, а между; больше того – мертвую зону.

*И прах наш с строгостью судьбы и гражданина
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

Так из века в век великая нация истощается в бесплодном противоборстве отцов и детей. В этом ракурсе отечественная история просматривается как перманентная гражданская война. Не братоубийственная – отцеубийственная. Притом каждый блудный сын, чувствуя себя обманутым и отверженным, убивает в себе образ отца и уходит все дальше и дальше от родного дома, чтобы никогда в него уже не вернуться.

Еще вчера я был таким блудным сыном, бунтовавшим против догматов коммунистической веры своего отца. Отца больше нет, социализма тоже. Отец теперь я. И сверстники моей дочери смеются мне в лицо, когда я исповедую им свое старомодное и наивное кредо. Они не понимают меня. Я не понимаю их. Я не нахожу с ними общего языка. Я чувствую себя никчемным старым хреном, мой горький опыт им ни к чему... Весь опыт моего экзистенциального бунта против великих идолов прошлого века... Идолов, рухнувших под собственной тяжестью, помимо моих усилий...

Вот они идут навстречу... заметьте: навстречу, а не вслед – агрессивно выставив жующие жвачку челюсти и расправив татуированные плечи... новые варвары, сильные и жестокие, смотрящие сквозь нас и начинающие свою жизнь через нас. Я молча уступаю им дорогу. Проходя мимо, эти новые нигилисты небрежно оттирают с тротуара старика, выгуливающего крепенького малыша. Дед, ветеран напрасного труда, вполголоса ругается им вслед и с любовью смотрит на внука. Вот вырастешь, малыш, и отомстишь за меня.

*) свободной, пренебрегающей условностями (франц.): термин из лексикона тургеневской среды.

**) следующее (англ.).

***) название модного романа В. Пелевина – «Поколение П».

Для заметок

**Орловский объединенный государственный
литературный музей И.С. Тургенева**

Тургеневское общество в Орле

**Тургеневский ежегодник
2008–2009 года**

Составители и редакторы

*Л.А. Балькова,
Л.В. Дмитриухина*

Компьютерный набор

А. А. Шевченко

В оформлении книги использованы работы Е. М. Бём

Издатель Александр Воробьев.

Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Подписано в печать 09.08.2010. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,58. Тираж 100 экз. Заказ № 048.

Отпечатано на полиграфической базе
Издателя Александра Воробьева: г. Орёл, пер. Новосильский, 1.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

В оформлении книги
использованы работы Е. М. Бём

